

Писатели XIX в. о Святых Горах

Вас. Ц.
Немирович-
Данченко

Святая
Горы

II

Вас. И. Немировичъ-Данченко.

*Писатели XIX в.
о Святых Горах*

Вас. И. Немирович-Данченко

Святая Гора

очерки и Впечатления

(издание 2-ое)

ИЗДАНИЯ М. М. ЛЕДЕРЛЕ
удостоены на Перв. Всерос. Выст. Печ. Дѣла
МАЛОЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ.

Печатается по изданию
С.-Петербургъ.

Издание Книжного Магазина
М. М. Ледерле.

Донецк
«Донбасс»
2010

ББК 84(4РОС)5
Н50

Немирович-Данченко В.І.

Святі Гори (нарисы та враження)

/авт.вступу та коментарів В.М.Дєдов/

- Донецьк: «Донбас» 2010 – 288 с.

Нарисы відомого романіста ХІХ ст. Василя Івановича Немировича-Данченка (1844-1936) «Святі Гори» присвячені відомому в Україні пам'ятнику культури – Святогірському Успенському монастирю на Сіверському Дінці. Книга знайомить читача з цікавими особистостями і історичними місцями в Святих Горах картинами чернечого життя за стародавнім статутом обителі.

Яскравий оповідач, В.І. Немирович-Данченко допомагає сучасному відвідувачу Святогір'я порівняти цей мальовничий куточок Донеччини в двох часових вимірах – ХІХ та ХХІ сторіччях.

ISBN 978-966-1615-26-6

© Дєдов В.М. Вступ. Коментарі. 2010

© Державний історико-архітектурний

заповідник у м. Святогірську - упорядкування 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Вступительное слово	5
I. Путь къ монастырю.	
– Соловьиная ночь	15
II. Прошлое	21
III. Попъ на эпитиміи. – Гостиница.....	30
IV. Во дворѣ обители.	
Трапезная. – Чайная	38
V. Утро на Святыхъ Горахъ.	
Видъ монастыря	46
VI. На пароме	53
VII. Монастырскія дамы.	
– Женская больница	59
VIII. Соборъ. – Сѣверный и южный монахъ	64
IX. У казначея въ кельѣ	74
X. Выдающіеся люди – Монахъ- фотографъ. – Монахъ-писатель	84
XI. На пасѣкѣ	96
XII. Съ мѣловыхъ скалъ	111

XIII.	Прежде и теперь	125
XIV.	Святогорскій Эдиссонъ – отець Антонинъ	129
XV.	На дачѣ графини Потемкиной	140
XVI.	Монастырскія булочная и лавка	148
XVII.	Подземный ходъ	154
XVIII.	Иеросхимонахъ Иоаннь-Затворникъ	170
XIX.	Отець Серапіонъ. – Рабочіе	191
XX.	Мельница	200
XXI.	На хуторѣ	206
XXII.	Ризница. – Трапезная	215
XXIII.	Богомольцы. – Нищіе	221
XXIV.	Пещерная церковь. – Схимонахи ...	230
XXV.	Монахи скорбящіе. – Больница.....	239
XXVI.	Святое мѣсто.....	247
XXVII.	„Новопреставившаяся раба Елена“	253
XXVIII.	Прощаніе съ монастыремъ	259
	Комментарии	267

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предлагаемая вниманию книга «Святые Горы» принадлежит перу известного в XIX веке романиста Василия Ивановича Немировича-Данченко. В литературных кругах того времени этот писатель слыл как один из самых плодотворных и издаваемых авторов. В справочном издании конца XIX в. отмечалось, что к 1897 г. из печати вышло 80 томов произведений В.И. Немировича-Данченко, часть из которых переиздавалась несколько раз и на разных языках.¹ Исследователи творчества писателя обратили внимание, что книги В.И. Немировича-Данченко имели в своих библиотеках совершенно разные по своему положению и интересам личности: император Александр II, Карл Маркс, Некрасов, Толстой... Эмигрантская пресса после революционных событий 1917 г. писала по этому поводу: «В России нет грамотного человека, который не знал бы Василия Ивановича Немировича-Данченко. Несколько поколений русских читателей выросли на его книгах. Деда, отцы, внуки - «Немировича» знали все: от солдата до царя, от семинариста до митрополита, от гимназиста до... Плеханова».²

Широкую известность писателя можно отнести лишь к дореволюционному периоду. В советское время фамилия - Немирович-Данченко - ассоциировалась лишь с театральным деятелем Владимиром Ивановичем, который приходился младшим братом писателю. Эмигрировав из России, Василий Иванович продолжал писать и издаваться за границей. Но на Родине писателя вычеркнули из истории литературы и перечня авторов, издаваемых в СССР. Свой жизненный путь писатель завершил в Праге в 1936 г., где и был похоронен.

Родился Василий Иванович в 1844 году (по другим данным в 1848 г.) в Тифлисе, где квартировала семья Ивана Васильевича Немировича-Данченко, офицера русской армии на Кавказе. Украинец по происхождению, В. И. Немирович-Данченко был женат на армянке Александре Каспаровне Ягубовой, от брака с которой родилось три сына и дочь. Старшим был Василий.

Следуя примеру отца, мальчик постигает военное дело в Александровском кадетском корпусе. Однако рано проявившееся пристрастие к сочинительству побеждает, и молодой офицер поступает в Петербургский университет. По окончании уче-

бы, Василий много путешествует, делает путевые заметки, начинает печататься.

Его описание русского севера, особенно Соловецкого монастыря, приобрело европейскую известность. Еще находясь под впечатлением Соловков, писатель в сер. 70-х гг. XIX в. отправился на Украину, в Святые Горы на Северском Донце. В биографии В.И. Немировича-Данченко не сохранилось точных указаний на время посещения Святогорского монастыря, однако, исходя из самих очерков, можно предположить, что это было в мае 1875 года. Весна в Святых Горах надолго пленила писателя. Спустя четыре года, Василий Иванович напишет, что готов забыть прелести других мест ради неповторимого вида с меловых скал Святогорских. Увлекательный рассказчик и мастер бытовых сцен, писатель путешествуя по различным памятным местам и уголкам обители, делает читателя сопричастным своему времени, людям, обычаям, нравам. Иллюзия присутствия усиливается «узнаваемостью» описанных автором монастырских сооружений – древних пещер, храмов, гостиничных корпусов, хозяйственных дворов и других мест современной Свято-Успенской Святогорской Лавры.

Особенно удались автору социально-психологические портреты обитателей Святых Гор. Неординарные и одаренные личности, монахи Стефан, Антонин, Серапион остались в исторической памяти благодаря «очеркам и впечатлениям» Василия Ивановича Немировича-Данченко. Некоторые подробности к уже известным фактам биографии Иоанна Затворника, изумившего писателя силою своего характера, дополняют образ канонизированного ныне святого, память которого чтится в Святогорском монастыре 24 августа. В соборе местночтимых святых Святогорских поминаются в настоящее время и другие подвижники, с которыми приходилось общаться писателю в период своего кратковременного пребывания в Святых Горах.

Вместе с тем, нельзя не отметить иногда излишнюю эмоциональность восприятия действительности, которая приводит автора к некоторой категоричности оценок. Впрочем, писатель как бы и сам подчеркивает субъективность своего взгляда, выбрав такую форму литературного произведения как «очерки и впечатления».

Образ Святогорской обители 70-х гг. XIX в., запечатленный в памяти и черновых заметках В.И.

Немировича-Данченко, не сразу был представлен на суд читателю. После поездки в Святые Горы, писателя целиком захватила «военная тема». Обострение ситуации на Балканах, начало русско-турецкой войны заставляют уже известного автора вспомнить военную науку и записаться в ряды добровольцев. Писатель сражается за свободу Сербии, а затем, в 1877-1878 гг., вместе с русской армией – за освобождение Болгарии от турецкого владычества.

В биографии писателя отмечено личное участие в знаменитых сражениях под Плевной и Шипкой, ранение, награждение Георгиевским Крестом. С театра военных действий В.И. Немирович-Данченко шлет блестящие репортажи. Его корреспонденции печатают газеты не только в России, но и в Европе.

С 1879 г. В.И. Немирович-Данченко публикует несколько романов на «балканскую» тему. Тогда же писатель возвращается к своим записям и впечатлениям о Святых горах. В 1880 г. в издании книжного магазина «Нового времени» (С.-Петербург) выходит 1-е издание очерков «Святые Горы». Книга вызвала живой интерес у читателя, быстро разошлась, способствуя популяризации

Святых Гор. В 1886 г. «Святые Горы» переиздаются вместе с романом «Цари Биржи», в предисловии к которому автор эмоционально реагирует на пристальное внимание к его произведениям критиков и цензуры.³ Это «внимание» отразилось и на следующем издании «Святых Гор». Второе издание очерков выходит отдельной книжкой в Санкт-Петербурге у известного издателя М.М. Ледерле. Выход книги отмечен оригинальным оформлением и существенными цензорскими правками текста первого издания. Необходимо отметить, что «Святые Горы» получили широкое распространение не только в России, но и в Украине. Несмотря на годы забвения творчества В.И. Немировича-Данченко, его произведения, в том числе святогорские очерки, представлены различными изданиями в библиотеках и музеях нашей страны. Внимание читателя к этому произведению не ослабевает и в настоящее время.

Предлагаемое издание является четвёртым по счету переизданием книги В.И. Немировича-Данченко, подготовленным Святогорским историко-архитектурным заповедником. В 1990 г. в издательстве «Донбасс» опубликовано 1-е издание (1880 г.) книги тиражом 50 тыс. экземпляров.

Издание было снабжено комментариями историка и иллюстрациями XIX века из фондов заповедника.

В 1992 году, после 70-летнего перерыва, возобновил свою деятельность Святогорский Успенский монастырь. Возобновились богослужения в Успенском соборе, поразившем писателя «соразмерностью и красотой линий». Благословением правящего тогда архиерея, Епископа Донецкого и Горловского Алипия, два первых монаха под началом наместника монастыря, иеромонаха о. Серафима начали новую страницу в истории Святогорской обители. К этому знаменательному событию был подготовлен и издан в 1995 г. в Киевском издательстве ГПО «Полиграфкнига» 20 тыс. тиражом сборник произведений «Святые Горы. От забвения к возрождению», в составе которого переиздано 2-е издание очерков В.И. Немировича-Данченко.

Третье издание книги «Святые Горы» вышло в 2002 г. в издательстве «Печатный двор» (г. Славянск), в год 10-летнего юбилея возобновления Святогорской Успенской обители. Сегодня это один из самых крупных и известных монастырей в Украине, получивший в 2004 г. решением Святейшего Синода УПЦ почётный титул Лавры. Свято

– Успенская Святогорская Лавра, под управлением наместника монастыря, епископа Святогорского Арсения, насчитывает ныне 120 человек монахов и послушников, преумножается христианскими реликвиями, чудотворными образами и святыми мощами прежних подвижников Святогорских. Святые Горы были и остаются местом паломничества и сохранения православных традиций по древним иноческим уставам.

Вместе с тем, Святые Горы - это драгоценный памятник истории и культуры, значимость которого ещё не оценена по достоинству современниками. Обращаясь сегодня к святогорским очеркам В.И. Немировича-Данченко, изданным 130 лет назад, невольно сравниваешь прошлое и настоящее, сходство и различия в нравах и обычаях, людях и зданиях. Явственнее проступают размеры утрат, нанесенные уникальному историко-культурному и природному памятнику вследствие потери нравственных ориентиров и забвения духовных предначертаний тысячелетней христианской традиции на Руси.

Настоящее издание очерков В.И. Немировича-Данченко «Святые горы» подготовлено Святогорским историко-архитектурным заповедником в

серии «Писатели XIX в. о Святых Горах». Книжка выпущена в несколько меньшем формате, чем оригинальные издания 80-х годов XIX века, но с дополнением иллюстративной части и комментариев историка, директора заповедника В.Н. Дедова. Сохранив художественное оформление издательства М.М. Ледерле, которое было удостоено «Малой Серебряной Медали» на первой Всероссийской выставке печатного дела, настоящее издание «Святые Горы» восполняет утраты первоначального авторского текста очерков с выделением их курсивом.⁴ Фотография Василия Ивановича Немировича-Данченко, публикуемая в настоящем издании, соотносится по времени с периодом работы автора над «Святыми Горами» и любезно предоставлена музеем-усадьбой Владимира Ивановича Немировича-Данченко в селе Нескучном Великоновоселковского района Донецкой области.⁵

В.Н.Дедов
Заслуженный работник
культуры Украины

¹ Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь.-Спб,1897,т.ХХ А, с.873.

² Немирович-Данченко В.И. Собрание сочинений в 3-х т. (Вступит. ст. и сост. Ю. Сенчуков), т 1. М.: ТЕРРА, 1996, с.5.

³ См. Немирович-Данченко В.И. Несколько слов поневоле. – В сб. Цари Биржи. Святые Горы. СПб. Изд. А.С.Суворина, 1886.

⁴ Восстановление текста произведено по 1-у изданию 1880г., хранящемуся в фондах Славянского краеведческого музея.

⁵ Оригинал фото хранится в музее МХАТ (г. Москва).

I.

Путь къ монастырю. – Соловьиная ночь.

Еще засвѣтло выѣхали мы изъ тихаго, спящаго у своихъ соляныхъ озеръ Славянска. Позади смутно рисовались темные силуэты градирень и высокія, едва опушившіяся весеннею зеленью, березки съ черными шапками грачиныхъ гнѣздъ. До Святогорскаго монастыря было версть около четырнадцати. Пустынная дорога, пустынные луга по сторонамъ, только и оживляемые тѣсно сбившимися отарами, когда-то помѣщичьихъ, а теперь перешедшихъ въ еврейскія руки овецъ. Заходящее солнце обливаетъ окрестности косыми лучами. Надъ нѣжною мелкою травой точно вздрагиваетъ золотистое пламя... Какая то рѣченка мерещится огнистымъ зигзагомъ

– далеко-далеко, тамъ гдѣ поля уже слились съ небомъ въ таинственные голубые сумерки... Прощальное сіяніе умирающаго дня зыблется и на придорожномъ озеркѣ, мимо котораго, мягко шурша по пыльному пути, катится нашъ экипажъ.

– Это все монашеское! махнула рукою кругомъ мой спутникъ, когда мы отъѣхали версть десять отъ Славянска.¹

– И поля, и луга?

– Да... Прежде иноки хлѣбопашествомъ сами занимались, ну, а какъ пошли неурожай, они и сдали крестьянамъ... У насъ крестьяне малоземельные, бѣдные. Промысловъ скудость. Соляной едва-едва кормить только... Да и тотъ для горожанъ. У насъ случается, что съ крестьянина сходить податей и всякихъ сборовъ больше, чѣмъ онъ заработаетъ въ годъ!

– Кто же выручаетъ?

– Обитель. *Ей выгодно помогать. Вся окрестная мѣстность поэтому въ ея рукахъ. И землю арендуютъ у монаховъ. Монастырю лучше и желать нельзя. Посѣвъ крестьянскій, а треть урожая – обители...*

– *Это много.*

– *Да вѣдь куда дѣнешься... Къ жиду идти*

— *еще хуже.*

Безоблачный день скоро смѣнился ясною лунною ночью... Дорога отъ фермы, тоже принадлежащей инокамъ, пошла по откосу крутой горы. Ущелье внизу сплошь заросло сосновымъ боромъ. Свѣтъ мѣсяца зыблется только на верхушкахъ деревьевъ — подъ нами Глыбами матоваго серебра кажутся попадающіеся по дорогѣ мѣловыя скалы. Пахнеть ночными фіалками, поднявшимися на горныхъ скалахъ.. Чѣмъ дальше, тѣмъ оглушительнѣе орутъ лягушки. Въ этихъ лощинахъ и болотинахъ по рѣкѣ Донцу² и его притокамъ — мириады ихъ. Ни одной минуты тишины; концертъ продолжается до утра и кажется, что каждая изъ пѣвиць старается особенно отчетливо выдѣлывать свои однообразныя рулады. Впрочемъ, всякій, кто былъ здѣсь, согласится со мною, что въ общемъ это вовсе не такъ неприятно, какъ можетъ показаться... Вонъ вдали мелькнула облитая луннымъ блескомъ церковка и снова спряталась въ чашу деревьевъ. За нею пошли рощи, запахло дубовою порослью и послышалась соловьиная пѣсня... Сначала рѣдкая, отрывистая, пропадавшая въ лягушечьемъ концертѣ, но чѣмъ ближе къ Донцу, тѣмъ все болѣе и болѣе громкая. Скоро вокругъ насъ пѣли тысячи соловьевъ. Я не знаю съ чѣмъ сравнить

эти звуки ночи. Не хотѣлось говорить вовсе, только слушалось... Соловьиная пѣсня какъ то странно улаживалась здѣсь съ ораньемъ лягушекъ. Оно какъ будто составляло фонъ, на которомъ выдѣлывали свои поэтическія трели неутомимые пѣвцы красивой Украйны... Понятіе о ночи не могло здѣсь, ужиться съ представленіемъ о тишинѣ. Ночь была крикливѣе дня; точно каждый листъ этихъ задумчивыхъ рошъ проснулся подь волшебнымъ свѣтомъ мѣсяца и трепеталъ, и пѣлъ намъ на встрѣчу... И что за очаровательная дорога шла передь нами. Отсюда она уже прорыга на мѣловой горѣ. Серебромъ блещетъ подь луною, голубыми сумеречными тонами уходитъ во тьму... Слѣва – стѣна мѣловаго откоса, справа – обрывъ въ соловьиную чашу.³

Мы вышли изъ экипажа.

– Вы знаете здѣшнее повѣрье о соловьѣ и кукушкѣ? – спросилъ меня мой спутникъ. Кукушка, видите ли влюблена въ соловья, поэтому и кладетъ яйца въ чужія гнѣзда... Соловью тоже нѣкогда вить, онъ все поетъ... закрывши глаза поетъ – самага себя слушаетъ. Народъ вѣритъ, хотя мальчишки сотнями истребляютъ соловьиныя гнѣзда... Вообще здѣсь кукушки подзадориваютъ соловья, лѣтомъ иногда начнеть куковать, – соловей, озадаченный, смолкнетъ

на минуту, но потомъ, точно раздосадованный, залетается такою трелью, что кукушка недовольно отлетаетъ прочь.

Монахи выбрали себѣ самыя лучшія мѣста. Самыя красивыя, самыя живописныя. Основатели обителей несомнѣнно были поэтами. Въ этомъ соловьиномъ царствѣ они взяли себѣ прелестнѣйшій уголокъ. Да и вообще, куда не заглянешь – если стоитъ обитель, значить болѣе поэтическаго, болѣе красиваго мѣста по всей округѣ нѣтъ. Разумѣется я говорю не о подгородныхъ лаврахъ позднѣйшаго времени. Эти основывались съ *промышленными* цѣлями, не имѣвшими ничего общаго съ намѣреніями древнихъ иноковъ, обрѣтавшихъ мѣста для своихъ пустынь среди первобытнаго захолустья... *Нынѣшніе монахи, разумѣется, объясняютъ это нѣсколько иначе.*

– Зачѣмъ именно здѣсь поставлена обитель? обратился я къ одному изъ нихъ, попавшемуся намъ на пути.

– По указанію свыше. Инокъ напиралъ на „о“.

– Совсѣмъ волжскій говорокъ.

– Это же какъ?

– На темя горь подобаеть. Ближе къ Богу. Не сказано ли: „такъ глаголетъ Господь: яко будеть

въ послѣдняя дни явлена гора Господня и домъ Божій на версѣ горъ, и возвысится превыше холмовъ, и приидуть къ ней вси языцы, и пойдуть языцы мнози и рѣкутъ: приидите и възведемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля и възвѣстимъ намъ путь свой, – поидемъ къ нему“.⁴ Вы, по новой модѣ, поди, Исаію не читали. Такими пустяками, по свѣтскому своему мудрованію, не занимаетесь? А? Современные люди?

– Отчего же?

– А коли, не въ примѣръ прочимъ, читали, то таковой текстъ у него во главѣ второй отыщете. Посему именно иноку равнина не подобаетъ. На низу намъ не добро быти. Вверху духъ питается, внизу – плоть, а духъ отягощается. На верху горѣ даны бысть ему крылья. И этого текста не знаете?

– Не знаю.

– И не можете знать! засмѣялся монахъ густымъ, жирнымъ, точно масломъ смазаннмъ баскомъ: И не можете знать, потому не отъ куда. Ибо это я, по малоумію своему, изъ головы!.. И даны бысть ему крылья – да взлетитъ!

II.

Прошлое.

Успенскій монастырь у насъ почти неизвѣстенъ.⁵

Мало кто изъ сѣверянъ посѣщаль этотъ дивный уголокъ, хотя художникъ природа создала въ немъ нѣчто дѣйствительно великолѣпное. Поросшія дубовыми лѣсами крутогорья праваго берега Донца возносятся здѣсь пятью громадными, мѣловыми скалами, въ которыхъ человѣкъ, во время оно, пробилъ себѣ норы, ходы снизу вверхъ, спасавшіе его отъ нашествія половчанъ, отъ набѣговъ злой татарвы — пещеры на высотѣ воздушной, откуда на восемьдесятъ верстъ впередъ видны дремлющія подъ солнечнымъ свѣтомъ

дали. Въ шестнадцатомъ столѣтїи, по преданїю, здѣсь уже была обитель, а гораздо ранѣе на мѣловыхъ скалахъ и въ захолустьяхъ у лѣниво струящагося Донца спасались отцы пустынники, обрѣвшіе образъ святителя Николая.⁶ Имя „Святыхъ гор“ впервые официально встрѣчается въ книгѣ большаго чертежа, въ 1547 году.⁷ На Святыя горы въ то время уже выставлялась стража отъ городовъ Рыльска и Путивля, охранявшая эту окраину отъ крымцевъ. Филареть, архіепископъ харьковскій, полагалъ, что пещеры въ Донецкой скалѣ были ископаны ближайшими послѣдователями преподобныхъ Антонїя и Оеодосїя Печерскихъ; а въ XIV вѣкѣ здѣсь уже существовалъ монастырь.⁸ Убогій храмъ его, въ тѣ отдаленныя времена, былъ сплошь охваченъ кругомъ дубовою чащею; первымъ инокамъ приходилось бороться не только съ набѣгами кочевниковъ, но и съ могучимъ лѣснымъ царствомъ, наступавшимъ на обитель отовсюду безчисленными полчищами своихъ вѣковыхъ великановъ. Тѣмъ не менѣе, о началѣ монастыря, о томъ: „кто оное пустынное жительство изобрѣлъ и въ горѣ сей церковь устроилъ“ никакихъ свѣдѣній болѣе или менѣе точныхъ нѣтъ „за многими татарскими

нахожденіи и раззореніи“. Изъ Синодика Святогорскаго извѣстно только, что уже въ 1624 году черный попъ Симеонъ съ братією получалъ здѣсь царскаго жалованья: ржи по двѣнадцати четвертей, овса по стольку же, и между прочимъ, изъ „кабацкихъ“ доходовъ, денежнаго подаянія десять рублевъ. Въ одной изъ мѣловыхъ скаль открыли глубокую подземную пещеру, въ которой, какъ оказалось, еще до основанія обители, былъ храмъ. Нѣсколько вѣковъ, въ безмолвіи и мракѣ ея не слышалось ни молитвы не теплилось ни одной лампы, и только лѣтъ сорокъ назадъ, церковь восстановлена въ прежнемъ видѣ.⁹ Во времена оны, когда святые иноки заботились не объ одномъ благолѣпії храмовъ и приумноженіи благъ земныхъ, а стояли стражею на рубежѣ русской земли – и тутъ были нарыты монахами батареи, коими правили пушкари изъ черноризцевъ. Еще въ прошломъ столѣтіи въ монастырѣ хранились три мѣдныхъ и одна чугунная пушка. Воинственные монахи Святогорья, случалось, даже у крымцевъ и нагайцевъ отбивали цѣлые косяки коней; а русскіе плѣнники, бѣжавшіе отъ мусульманъ, находили здѣсь вѣрный приютъ. Какъ Соловки на сѣверѣ были изстари прибѣжищемъ для замучен-

наго крѣпостнаго мужика, такъ и Святыя горы на югѣ скрывали всѣхъ, гонимыхъ унією, а порою, и донцовъ, преслѣдуемыхъ царскими приставами. Въ одной изъ грамотъ, по этому случаю даже изображено: „А будетъ донецкіе воры-черкасы учнутъ къ нимъ проситься въ монастырь для моленія – и они бы черкасы въ монастырь не пуцали и отъ нихъ отговаривались всякимъ обычаемъ». Впрочемъ, усердные молитвенники воры-черкасы не разъ и сами грабили монастырь. Такъ, въ 1644 году, они явились въ обитель, сначала отслужили молебны, честию честию, а потомъ, подумавъ, нашли, что пустынножителемъ, пріившимъ на себя чинъ ангельскій, вовсе не къ лицу мірскія блага. По этому резонному соображенію, они ограбили монастырь до тла. Благочестивые донцы и послѣ не разъ облегчали такимъ образомъ инокамъ пути въ царствіе небесное. Они, впрочемъ, никому не давали пощады. Такъ, помолясь, они напали и на русскаго посланника, возвращавшагося изъ Царьграда, а немного спустя, умертвили ѣхавшаго въ Россію турецкаго посла его шестью сановниками.¹⁰ Въ тѣ времена Святогорскій монастырь стоялъ на крымской землѣ и русскіе цари называли его обителью „что за чертою“,

т.е. за границую. Будучи, такимъ образомъ, передовымъ, зарубежнымъ форпостомъ нашимъ, Святогорье сослужило большую службу Россіи. Уже не говоря о томъ, что тысячи полонянниковъ бѣглецовъ находили себѣ защиту за его стѣнами, на неприступныхъ скалахъ, игумены обители занимались еще чисто политическимъ шпіонствомъ. Они разузнавали о намѣреніяхъ крымцевъ и, не медля, доносили о томъ бѣлгородскимъ воеводамъ; посылали переодѣтыхъ и хорошо знакомыхъ съ татарскимъ обычаемъ полонянниковъ въ орду – и эти приносили тоже свѣдѣнія о силахъ, собиравшихся для набѣговъ на наши рубежи. Татары, впрочемъ, не оставались въ долгу. Такъ, въ 1679 году, они напали на обитель и, встрѣченные огнемъ иноковъ, недурно управлявшихся съ пушками, взяли штурмомъ монастырь, обобрали его и увезли съ собою воинственнаго архимандрита Іоіля и братію... И впоследствии не разъ „сакмы“ воинскихъ людей чинили всякія обиды и уводили монаховъ въ полонь.¹¹ Зачастую св.отцы пускались въ погоню на ладьяхъ и на коняхъ и отбивали такимъ образомъ своихъ полонянниковъ. Въ это время уже монахамъ принадлежало множество угодій. Они владѣли всею землею по

Донцу версть на пять кругомъ, къ нимъ были приписаны села, имъ были отказаны, и рыбные ловы и промыслы, и кладези Славянскіе, въ которыхъ и тогда уже добывалось достаточно соли.¹² Особенно повезло въ этомъ отношеніи монастырю въ тяжелую годину 1718 г., когда „грѣховъ нашихъ ради, попущеніемъ Божиимъ морь великъ начася въ Бахмутѣ и въ Тору, а, потомъ и въ Изюмѣ и въ окрестныхъ градѣхъ и селѣхъ“. Въ эту пору обитель возсіяла, аки адамантъ, и многими пожертвованіями пріукрасилась.

– Да, тогда были благочестивыя люди! вздыхаютъ иноки о счастливыхъ временахъ лютаго мора... – И спасеніе душамъ своимъ получали... А нынѣ обитель – въ запусѣніи.

– Да вѣдь иноку нищета подобаеть. Помните притчу о верблюдѣ и игольномъ ушкѣ.

– Кая польза челоуѣку, аще весь міръ пріобрѣщеть, душу же свою отщетить? Мы не о себѣ... Мы бѣдны, но пусть храмъ Божій будетъ богатъ, ему подобаеть слава и великолѣпіе. Намъ не надо! Мы не міряне, кои только о телесѣхъ своихъ пекутся! Мы нищетою величаемся и уничиженіемъ возносимся.

Къ тому же времени относятся и возмущенія

братіи, возставшей противъ своихъ архимандритовъ. Иноки, привыкшіе къ набѣгамъ въ татарскую сторону, тотъ же духъ отваги перенесли и на своихъ владыкъ, хотя дѣйствовали противъ нихъ болѣе въ современномъ вкусѣ – доносами. Не подчиняясь имъ въ обители; сіи „поносные старцы“ посылали въ консисторіи различныя обвиненія противъ настоятелей, а когда сихъ послѣднихъ „за неумѣренныя поступки“ удаляли – братія еще болѣе превозносились гордынею, за что въ 1738 и 1739 годахъ въ монастырѣ началась моровая язва: всѣ іеромонахи, іеродіаконы, монахи – померли; остались только два инока простыхъ, лѣтъ по сту каждому. Послѣ того обитель опять возсіяла. Въ нее даже явилось много префектовъ изъ харьковскаго коллегіума и профессоровъ философіи, что продолжалось до просвѣщеннаго игумена Филарета Финевскаго, который былъ смѣщенъ за великодушное увольненіе монастырскихъ крестьянъ на свободу.¹³

При его преемникѣ обитель была закрыта, причемъ иноки и до сихъ поръ съ негодованіемъ поминаютъ, какъ „екатеринославскаго намѣстничества господинъ экономіи директоръ, нѣмчинъ Корбе, прибывъ въ оный монастырь самолично, все эконо-

номическое и церковное имущество описавъ, отобравъ и не давъ никому въ приѣмъ онаго росписки, монашествующихъ изъ монастыря выслать“. Имѣнія монастыря, до 2,000 крестьянъ и земли съ 30,000 дес. лѣса, подарены Потемкину. Это случилось въ 1787 году.¹⁴

Только черезъ семьдесятъ лѣтъ возникла эта обитель на прежнемъ своемъ мѣстѣ, но уже въ иномъ видѣ. Некогда, опираясь на свои историческія заслуги и экономическую мощь, монастырь былъ самымъ крупнымъ хозяиномъ въ краѣ. Все ему подчинялось, капиталы сами текли въ его кассу, приношенія копились въ ризницѣ. Монахи варили и добывали соль, рыболовство и звѣроловство по Донцу приносили имъ опредѣленный доходъ. На сотни версть чувствовалось вліяніе богатой обители, *хотя и кулачествовавшей, но все же болѣе барь* благопріятствовавшей крестьянству. Теперь подъ монастырь было отведено только 70 дес. земли и записанъ на него капиталъ въ 10,000 р.¹⁵ Впрочемъ уничиженное состояніе обители, какъ это будетъ видно изъ нашихъ очерковъ, продолжалось не долго.

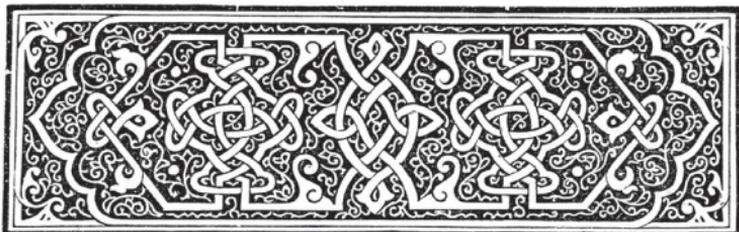
Пока монахъ дѣлился съ нами свѣдѣніями о бурномъ прошломъ Святогорья¹⁶, дорога сверну-

ла направо далеко внизу открылся такой дивный уголок, что мы остановились, как очарованные. Представьте себѣ извивѣ Донца, освѣщенный луною. Стѣны монастыря, колокольни и храмы, бѣлые среди черной рамки лѣса, какъ будто сползли къ рѣкѣ съ высокихъ горъ и припали къ водѣ, оставивъ на спускѣ часовеньки и церкви. Намъ сверху были видны дворы обители, блестящіе подъ лучами мѣсяца куполы, длинный рядъ келій съ черными окнами, кровли храмовъ, у которыхъ круглятся окутанные серебристымъ сіяніемъ раины каштановъ. Въ лѣсахъ и рощахъ вокругъ обители еще сильнѣе и громче разливаются соловьи и только мѣловыя горы стоятъ вдали, молчаливыя и величавыя, словно сторожа отъ кого-то эту чудную пустыню.

Лягушки внизу по Донцу орутъ во всю.

— Что твоя птица, замѣтилъ инокъ. — Иная каналья такъ кричить, что всѣхъ превозвышаетъ своимъ гласомъ. Будто утка.

III.

Попъ на эпитиміи. – Гостиница.

На встрѣчу намъ попался оборванный попик. Впалые глаза страдальчески глядятъ на поблекшемъ лицѣ, руки и ноги развинчены – во всѣ стороны ходятъ. Онъ подобострастно поклонился монаху.

– Здравствуй, отче! привѣтствовалъ его тотъ.

Попикъ поклонился еще ниже.

– Ну что, писемъ нѣтъ?

– Нѣтъ... нѣтъ ихъ... нѣтъ и не будетъ. Господи, Господи, Господи! И попикъ какъ-то растерянно посмотрѣлъ на насъ.

– Богъ милостивъ!

– Къ кому милостивъ, а къ кому...

– А ты не ропщи, неразумный! И монахъ

стукнуть попика пальцемъ въ лобъ. – Тебѣ не дано понимать путей Его.

– Я не ропщу, отче... не ропщу... Червь я. Не ропщу а въздыхаю! Отъ всѣхъ скорбей моихъ въздыхаю. Раздавленъ и изнеможенъ.

– Вотъ тоже, безцеремонно указаль на него инокъ, – на, эпитемію къ намъ присланъ въ обитель. Жену имѣет, дѣтокъ...

– Пять дѣтокъ! пять, отче!.. Охо-хо-хо!.. пять, пять! Дѣтки малыя, неразумныя.

– А ты не ропщи! Ну, что заладилъ – пять! Богъ видитъ...

– Охъ, видитъ! продолжалъ растерянно въздыхать тотъ. – Малыхъ... неразумныхъ...

Лице его какъ-то задергало, искривилось. Изъ впалыхъ глазъ понуреннаго попика покатались слезы. Въ горлѣ захрипѣло что-то. Весь онъ точно осѣлъ разомъ.

– Охъ, видитъ... Пятеро, отче, пятеро! благородные господа, пятеро! Гладны и хладны!.. Ножки у нихъ слабыя, что они могутъ? Охъ, пятеро!..

– Также, желчно заговорилъ монахъ: – прислали къ намъ, а семья такъ осталась. Ни копѣйки у нихъ в домѣ не было, какъ уходилъ. А нынѣ вѣстей нѣтъ; ни писемъ, ни вѣстей. Жестоко!.. А

ты не ропщи! опомнился онъ.

– Что ужъ роптать! Пятеро... охъ, пятеро! Гдѣ-то... какъ-то головки мои?

– Что онъ сдѣлалъ? – спросилъ я потом у монаха.

– Разводку повѣнчалъ. Жену, разведенную за прелюбодѣяніе. Соблазнилъ – и повѣнчалъ. Очень ужъ жалко ему стало, ну, и сопрягъ. Имъ нечего, а его къ намъ. Попикъ смиренный, немощной по-пикъ. А семью жалко, за жестоковѣйность отчу – ответственюють младенцы!

Вздохи этого попики до сихъ поръ слышатся мнѣ. Душа болѣла въ нихъ. Видимо къ каждому бросался съ своею скорбью этотъ несчастный, каждому повторялъ: „охъ пятеро!“.

– Кому молиться то? – вдругъ обратился онъ къ иноку уже совсѣмъ злымъ голосомъ. – Кому?

– Ишь какъ въ тебѣ нераскаянность твоя мятется!

– Мятется, отче, потому ожесточень превыше мѣры. Гладные... Кто призреть? кто? Попадья недужная, болящая – куда ей!.. Охъ, головенки мои бѣлыя, ножки мои слабыя!.. Пятеро!

– Смирись, попъ, смирись! Господь призреть.

– Смирялся я, отче! Но испытай въ мѣру!..

Вид монастырской гостиницы во время пребывания
В.И. Немировича-Данченко в Святых Горах

Въ мѣру испытуй, не терзай свыше возможности! кричалъ уже ожесточившійся попикъ, поднявъ впалые глаза къ небу, такъ что жиденькая, трепаная бороденка вся выставилась впередъ. – Не терзай, ибо возропщу на тя! Воз-роп-щу!.. переходилъ онъ опять въ рыданіе.

Тягучій ударъ колокола... другой... третій... Звонъ замиралъ гдѣ-то далеко, далеко за Донцомъ.

– Отца Мелетія не стало! перекрестился монахъ. – Царствіе небесное! Со святыми упокой!..

О, Господи, пошли кончину праведную!

А позаді шель себѣ, шатаясь, немощный попикъ въ Гору. Видно, невыносимо въ кельѣ стало. Бѣлобрысенькія головенки дѣтей сновали передь глазами, тьма давила, кроткая, слезная жалоба матери слышалась. Воздуху, наконецъ, дышать не стало отъ тоски, выбѣжалъ онъ и въ горы бросилъ ся съ своими кровавыми, отцовскими слезами.

— Вотъ и гостинница наша! — ввель меня монахъ спутникъ во дворъ большого дома.¹⁷ — А вотъ и отецъ гостинникъ Іоаннъ. Богомольцы — господа благородные, отрекомендоваль насъ инокъ, передавая съ рукъ на руки.

— У насъ комнаты хорошія, просторныя! — таялъ гостинникъ. Даже, которые простые богомольцы и тѣмъ всяческі предоставляють монастырь льготы... А для ипостасныхъ господъ мы по двѣ келіи отводимъ и постель даемъ... Сегодня вотъ только постели вамъ не будетъ. Тутъ одна боголюбивая харьковская помѣщица съ сыномъ пріѣхала — все подъ себя взяла. Вы уже потруждайтесь на диванчикѣ. По простотѣ. По монашескому чину.

— Все равно намъ.

— Изъ окошекъ у васъ мѣсто, положеніе... На Донецъ выходятъ. Ежели — и отворить можно,

для воздуха.

– Клоповъ-то, клоповъ! – брезгливо замѣтилъ мой спутникъ.

– Клопы? Клопы у насъ есть и сколько угодно! успокоилъ насъ инокъ. – Дѣйствительно, этотъ звѣрь къ нашей обители очень привержень... Но отъ него и пользы не мало... для умерщвленія плоти и для бодрствованія!

Гостинникъ – оічень бойкій и юркій монахъ, глаза котораго обладали замѣчательною способностью в одно и тоже мгновение перебѣгать по лицамъ богомольцевъ, по ихъ багажу, по стѣнамъ келіи. Говорить с вами и въ тоже время рукой машеть въ окно послушнику.

– Коли вамъ что потребуется! – вотъ онъ вамъ послужить... Потрудись, братъ Аѳанасій, для господъ.

– Не благословите-ли вы насъ самоварчикомъ.

– Отчего же, можно! И гостинникъ юркнулъ въ дверь келіи.

Комната была неказистая, но просторная – за окнами Донецъ и обступившія его рощи, залитыя такимъ луннымъ свѣтомъ, что при немъ легко можно было читать книгу. Листья ясеней серебрились, въ каждой струйкѣ реки отражался мѣсяць.

Точно расплавленное серебро текло тамъ, внизу, подъ нашими окнами. Майскіе жуки шуршали въ воздухъ и со слѣпу чмокались въ стекла. Теплынь, красота, благодать!

– Сосѣдка ваша, боголюбивая харьковская помѣщица, посылаетъ вамъ для души... И гостинникъ подаль брошюру съ какою-то проповѣдью.

– Кто она такая?

– Благочестивая госпожа... Десятый годъ вдовствуетъ – обителямъ благотворить... Ишь, кровопивецъ! *И гостинникъ по пути сдѣлалъ перстомъ крестъ изъ доврчиваго клопа, неосторожно выползшаго на стѣну.* У нея сынъ есть, семнадцати лѣтъ, и повѣрите-ли такъ она его въ чистотѣ и непорочности соблюла, что онъ и доселѣ спитъ съ нею вмѣстѣ. Одна дочь ея въ инокиняхъ. Ангельскій чинъ сподобилась пріять. И по сейчасъ она съ сыномъ, ставъ на молитву въ девять часовъ, творитъ оную. А въ двѣнадцать часовъ ночи пойдетъ въ соборъ на утреню.

– Неужели у васъ утреня такъ рано.

– Въ полночь, ровно! – егда апостоль Петръ Христа отрекся. Въ четыре часа ранняя обѣдня. Колоколь васъ разбудитъ. Въ девять часовъ обѣдня поздняя, а въ двѣнадцать – милости просимъ отъ нашей скудости отвѣдать въ трапезную. Мы всег-

да обѣдаемъ въ полдень. Завтра полагается рыба – своя, свѣжая, изъ Донца. Въ пять часовъ – вечерня. У насъ богослуженіе истое... Пѣвчіе хорошіе. Изъ Петербурга одинъ сановникъ прїѣзжалъ, какъ „Свѣте тихій“ запѣли – восплакаль.

Очень уже въ немъ духъ вознесся отъ нашего пѣнія. Клиръ сладкогласный – у насъ даже пѣвецъ есть, говорятъ, изъ театра.

– Это какъ?

– А по слабости своей и по наущенію діаволу – ахтеромъ былъ. Но нынѣ исправился – хорошій монахъ сталъ. Находитъ на него – по горамъ свѣтскіе канты воспѣваетъ, ну мы его смиряемъ тогда. Навозъ посылаемъ возить, ибо не подобаеъ иноку!..

– Молитвами святыхъ отецъ!.. – послышалось у дверей.

– Помилуй насъ, Боже! – отвѣтилъ гостинникъ и послушникъ внесъ самоваръ въ комнату.

IV.

Во дворѣ обители. – Трапезная. – Чайная.

Мнѣ не спалось. Лягушечій концертъ и соловьиныя пѣсни донимали до измору. Я вышелъ во дворѣ гостинницы. Зданіе ея образовало правильный четырёхугольникъ въ два этажа, одинъ фасадъ его – общія комнаты для простыхъ богомольцевъ, деревянный, на каменныхъ столбахъ, остальные три – кирпичные, прекрасно выстроенные. Къ Донцу выходили отдѣльные номера, къ задней стѣнѣ примыкала столовая и чайная для крестьянъ.¹⁸ Дворъ былъ ярко освѣщенъ луною, отъ стѣнъ падала тѣнь. Слышался храпъ оттуда, подхожу – масса богомольцевъ прямо на дворѣ расположилась въ повалку. Котомки

Вид гостиничного двора
Святогорского монастыря XIX в.

подъ головы. Должно быть, въ общихъ комнатахъ душно стало... Издали – точно груды тряпья навалены; только, подойдя, замѣчаешь, что изъ подъ этихъ грудъ выбиваются руки и лица съ широко открытыми ртами. Дышать во всю здоровенныя груди. Псы тутъ же свернулись калачиками и повизгиваютъ во снѣ.

Большинство этихъ богомольцевъ съ Дону пришло пѣшкомъ. У иныхъ посѣщеніе обители обратилось въ страсть. Какъ весною потянуть, такъ и снимаются съ мѣста. Идутъ сырыми понизьями, иной разъ по колѣна въ

водѣ разливовѣ. Не дождутся даже, когда спадуть они. Случается, что у такой партіи богомольцевъ гроша за душой нѣтъ, но въ селахъ по пути ихъ кормятъ и поятъ. Этнографу я посовѣтоваль бы провести лѣто въ обители, здѣсь онъ можетъ изучить всѣ типы южнорусскаго крестьянства. Каждый уголокъ Украйны и Новороссіи посылаетъ сюда своихъ представителей. Тутъ и обожженные солнцемъ греки изъ Крыма, и колонисты-болгары, разжирѣвшіе на льготныхъ русскихъ угодыяхъ, и медлительные хохлы, и станишники, и русскіе кацапы, гнѣздами засѣвшіе по Украйнѣ. Случаются даже и цыгане, хотя трудно сказать, что гонить ихъ сюда въ пеструю массу обычныхъ посѣтителей монастыря. Богомольцевъ кормить обитель за свой счетъ. Имъ полагается — кулешъ, щи и каша ячная, которыя готовятъ на особой кухнѣ монахи. Щи, разумѣется, безъ мяса, а каша безъ масла, изрѣдка только конопляннмъ смажутъ. „Для блеска“, какъ выразился одинъ монахъ-юмористъ. Едятъ разъ въ день на иноческій коштъ, въ остальное время — хочешь бери въ три дорого или въ лавкахъ монастыря, или въ арендуемыхъ у обители ма-

газинахъ. Во дворѣ — цѣлые ряды торговыхъ сидятъ съ разными немудреными явствами; у нихъ богомольцы скупаютъ все. *Торговки эти монастырю платятъ не деньгами, а служатъ, чѣмъ Богъ послалъ.*

Самая трапезная для богомольцевъ отдѣльно отъ монастырской. Длинная, громадная столовая *содержится* весьма нечисто. „Божій звѣрь“, какъ говорятъ иноки т.е. тараканъ, чувствуетъ себя здѣсь полнымъ хозяиномъ. На кухнѣ, въ трехъ котлахъ помѣщается 120 ведеръ щей, часто и этого впрочемъ не хватаетъ. Котлы эти привели бы въ неистовый восторгъ Петра Петровича Пѣтуха; ихъ работали по спеціальному заказу; въ одномъ, самомъ большемъ, варится 70 ведеръ, въ двухъ другихъ — по 25.

— Кладязи Авраамовы! замѣтилъ монахъ, показывая мнѣ кухню.

— Почему же Авраамовы?

— Да люди тогда сказываютъ больше были и историческія доказательства есть на то; каковъ, напр., долженъ былъ быть осель, если одною челюстью онаго Самсонъ перебилъ столько народу?

Квасная для богомольцевъ отдѣльно. Бочки

— цѣлые дома. Въ столовой буфетъ каменный, за нимъ старикъ-монахъ, подслѣповатый ворчунъ.

Кромѣ этой столовой, монастырь выстроилъ для богомольцевъ чайную. Такая же громадная казарма, поддерживаемая двумя рядами столбовъ. Обитель даетъ отъ себя только посуду и кипятокъ, за буфетомъ опять монахъ.

— Мы тутъ мирволимъ рабамъ Божьимъ.

— Какъ же это?

— Чиновницы, которыя есть, сажаемъ отдѣльно — по сословіямъ: кесареви кесарево воздаемъ. Вонъ за тотъ столъ чиновницъ, за этотъ которые попроще, а въ самомъ углу, ужъ если настоящіе господа пожелають.

Чайная рассчитана на 350 человѣкъ, кипятокъ готовится въ двухъ кубахъ на 40 и на 50 ведеръ.

И это все обитель создала въ тридцать лѣтъ существованія, ничѣмъ не торгуя и ничего не производя. *Придешь невольно къ убѣжденію, что на Руси у насъ устройство монастырей самое выгодное промышленное предпріятіе.*

Въ Соловкахъ положеніе богомольца гораздо лучше. Ему идетъ и уха, и рыбы въ

волю, и хлѣбъ бѣлый! Тамъ они наѣдаются до отвала. Святогорье – экономить и даетъ въ обрѣзъ, хотя зачастую богомолецъ, не смотря на свои рваные лохмотья и истощавшій видъ, жертвуетъ въ пользу обители по нѣскольکو сотъ рублей.

– Вонъ онъ, оборванецъ какой, показывалъ намъ служитель гостинницы одного богомольца, къ которому подойти нельзя было. – Свинья-свиньей! а вчера пришелъ и на обитель восемьсотъ рублей прожертвовалъ. Вотъ и поймите его, каковъ онъ. Иные изъ нихъ, побогаче, нарочно нищими одѣваются, по обѣту... Идетъ – подаяніе собираетъ, тѣмъ и кормится; а въ лохмотьяхъ-то у него сотни зашиты... Тутъ, въ одной обители, какое дѣло было! Станишникъ, казакъ, пришел и тысячу рублей пожертвовалъ. Свои-то знали его, диву дались, откуда у него благодать такая. Ну онъ только молчить, ни слова. Потомъ уже оказалось. Это онъ казачишка-то, полагая Господу Богу угодное сделать ограбилъ по дорогѣ госпожу одну и деньги эти целиком в обитель, ни единой копѣйки на себя не истратил. Вотъ у нихъ какое понятіе! Усердія много но и невѣжество

притомъ самое неистовое. Необузданность въ нихъ эта самая торжествуетъ.

— Что-жь потомъ съ этимъ казакомъ было? — заинтересовались мы.

— Богъ, ради обители, все же его вызволилъ изъ бѣды. Госпожа его простила и деньги въ обители оставила.

Усердіе богомольцевъ внѣ всякихъ сравненій. Хохлушки, напр., ночью выходятъ изъ келій женскаго отдѣленія во дворъ и тутъ цѣлые часы простаиваютъ, колѣнопреклоненныя на громаднхъ булыжникахъ, и молятся. Нѣсколько попалось и мнѣ.

— Повѣрите-ли, онѣ это и въ дождь — все равно! Больше, которыя безплодны. По вѣрѣ и исцѣленіе бываетъ. Иная три ночи въ грязи такъ-то выстоять, ну а вернется въ домъ мужній и зачнетъ во чревѣ своемъ. Дѣвушки тоже, кои замужъ хотятъ... Наша обитель многимъ помогаетъ; мѣсто тутъ старое, намоленое. На каждомъ камнѣ слеза лилась!.. Истинный домъ Божій!

Бабы, впрочемъ, молились очень оригинально: двѣ, напримѣръ, стоятъ рядомъ на колѣняхъ и въ перемежку съ молитвами пере-

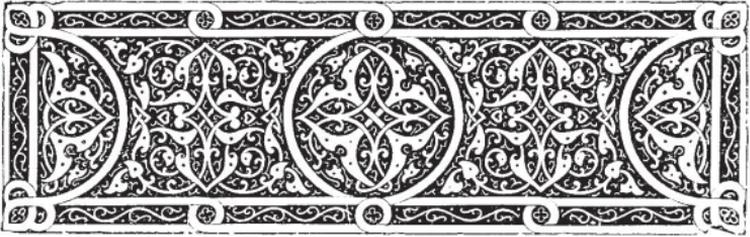
ругиваются. Одна никакъ не можетъ забыть, что тетка у сосѣдки была колдунья; сосѣдка же очень резонно доказываетъ, что мужъ ея товарки укралъ у попа, борова... послѣ такихъ антрактовъ онѣ съ еще большимъ жаромъ принимаются за молитвы и земные поклоны на видимый отсюда крестъ собора. Потомъ опять вдругъ выступаетъ на сцену зажиленная нами-ста, неизвѣстно куда исчезнувшій очипокъ.

– Я казала зъ дому бери черевики, дакъ чижь буду въ чеботахъ! – слышится съ другой стороны голосъ так-же кольнопреклоненной богомолицы.

А соловьи заливаются во всю, мѣсяць еще пуще разгорается надъ этимъ плѣнительнымъ уголкомъ Святогорскаго захолустья.

Не хочется идти въ душную келью.

V.

Утро на Святыхъ Горахъ. – Видь монастыря.

У

то за чудесное было утро, когда изъ душевной келіи гостинницы я вышелъ къ Донцу. Берега поросли тюльпанами. Маслистый запахъ ихъ слышенъ далече. Барвинки голубѣють повсюду, точно глаза украинской красавицы, наивно улыбаются вамъ изъ густой чаши; желтыя головки полевой ромашки нахально выскакиваютъ изъ травы. Розовые кусты райскаго дерева словно хотятъ разорвать изгороди.¹⁹ Задыхаешься отъ аромата, что вѣетъ съ весеннихъ полей. Пушистая первая зелень на вѣтвяхъ, низко клонящихся къ водѣ. Щеглы задорно перекликаются въ ней, смѣнивъ заснувшихъ поэтовъ ночи – со-

Общий вид Святогорской обители XIX в.

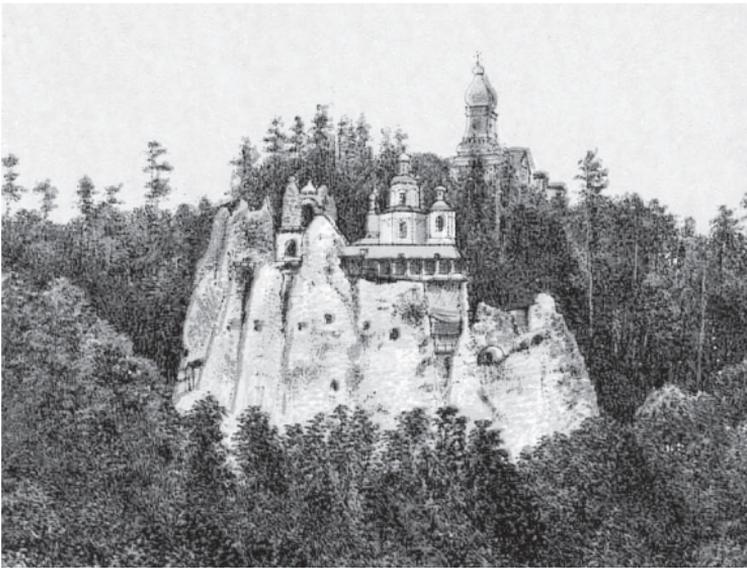
ловьевъ. На береговомъ пескѣ неподвижно стоять, глядясъ въ воду, какъ въ зеркало, трясогузки... Точно гдѣ-то далеко-далеко дуетъ вѣтеръ по возморью, — жужжить пчела въ нѣжной листьѣ только что проснушагося лѣса. По Донцу перебѣгаетъ тѣнь отъ колышущихся вѣтвей. Вмѣстѣ съ тѣнью ползуть по рѣкѣ плоты.

Ползуть, лѣниво поскрипывая... Много тутъ рубятъ лѣсу. „Изводятъ Донецкія чащи“, — жалуются монахи.²⁰ Солнце еще не жжетъ — а только грѣетъ, любовно-ласково грѣетъ. Лучами его пользуется и разросшаяся куриная слѣпота, и суховатая южная фіалка... Лягушонокъ повисъ

въ водѣ головой вверхъ – тоже наслаждается тепломъ и свѣтомъ... Подойдешь – моментально на лѣво кругомъ и бултыхъ на дно! Квакушки перекликаются одна съ другой... Здѣсь нѣтъ запаха морской воды, нѣтъ того простора, что въ Соловкахъ, крики чаекъ не будятъ безбрежную пустыню неба – за то природа кипящими жизнью звуками и пѣснями, какихъ не знаетъ улыбается вамъ такими красками, оглашаетъ васъ такими кипящими жизнью звуками и песнями, какихъ не знаетъ угрюмый, убогій сѣвер... Чужда этому теплomu, лѣнивomu югу суровая энергія поморянъ; не трудится здѣсь въ потѣ лица своего созерцательный инокъ. Не надуваетъ свѣжій вѣтеръ парусовъ кораблей, приплывающихъ съ отдаленнѣйшихъ каменныхъ береговъ океана... Вспѣнныя волны не бьются, какъ тамъ, въ гранитныя пристани, обдавая солеными брызгами богомольцевъ и, точно евангельская Марія, обмывая протянутыя къ самой водѣ подножія вѣковой обители... Едва струится задумчивый Донецъ, точно ему жаль разставаться съ этими тихими берегами... Точно не хочетъ онъ выйти изъ подъ тѣни этихъ зеленыхъ облаковъ весенней зелени...

Я уже говорилъ, что Успенскій монастырь сползъ къ Донцу.

Видь его безподобень. Горный кряжъ поросъ дубомъ и сосною... На высотѣ – надъ зелеными облаками лѣса – куполь церкви и ея бѣлая стѣны. Ихъ полувоздушныя очертанія тонуть въ синевѣ безоблачнаго неба... Нѣсколько ниже, горный кряжъ взрѣзанъ группою мѣловыхъ скалъ. Синюю тѣню отдѣляютъ онѣ одна отъ

Меловая скала с Николаевской церковью XVII в.

другой. На нихъ платформа, надъ платформой небольшой монастырь св. Николая, съ колокольнями и куполами.²¹

Точно корабль, плававшій въ просторѣ неба и остановившійся здѣсь на этихъ бѣлыхъ вершинахъ. Кругомъ балкончики, галерейки.

Вид на монастырь с меловой скалы

Все это кажется микроскопическимъ, но еще меньшими кажутся черныя точки ползающихъ тамъ монаховъ. Скалы конусообразны. Внизу всѣ онѣ сливаются въ одну общую мѣловую массу, и только верхушки возносятся сахарными головами.

Точно вся эта масса поднималась снизу вверхъ, чтобы достигнуть небесныхъ высей, и

бесильная остановилась на полпути, сохранивъ въ самыхъ контурахъ свое стремленіе къ этой недосягаемой цѣли. Въ скалахъ – черныя точки подземныхъ келій; кажется, что это не утесы, а фантастическая бѣлая постройка циклоповъ. Отовсюду охвачена она зеленою дремою дубоваго царства; на темномъ фонѣ его, очертаніе бѣлыхъ конусовъ выдѣляется еще рѣзче, еще красивѣе... Сверху вниз то прячась въ чашу, то поблескивая на солнцѣ – зигзагъ крытой галереи прямо къ монастырю. Сама обитель внизу, совсѣмъ внизу, у восхитительнаго Донца, съ ея бѣлыми стѣнами, красивыми домами, съ монументальными островерхими колокольнями собора высоко возносящаго свой золотой крестъ. Налѣво – бѣлыя стѣны гостинницы. А еще лѣвѣе, верстахъ въ трехъ, среди зеленой чаши горнаго ската, пріютилась вилла которая до сихъ поръ носить имя Потемкиной.

Я долго смотрѣлъ на эту дивную картину, не отрываясь. Ни одного диссонанса не было въ ней. Самыя разнообразныя детали сливались въ одно величавое цѣлое. Все это такъ сгруппировано, что, любуясь подробностями, глазъ ни на минуту не теряетъ общаго. Желая взгля-

нуть на обитель съ еще болѣе отдаленнаго пункта – я подошелъ къ парому. Нѣсколько ниже, Донецъ дѣлится на рукава, образуя острова, сплошь заросшіе осинами, дубами и березами. Оттуда обдають васъ щебетаніемъ и гамомъ цѣлыя тучи мелкой лѣсной птицы. Словно золотыя, видны сквозь чашу соломенныя кровли села. Лиловатый дымъ отъ трубъ стоитъ надъ лѣсомъ. На паромѣ, приставшемъ къ нашему берегу, – хохлушка. Въ рукахъ у нея двѣ утки и селезень.

– Что это ты?

– Да святить. Въ монастырь...

– Они и пѣтуховъ святить приносятъ, замѣтилъ неодобрительно монахъ-перевозчикъ. *Разъ одна – чуть поросять подь святую воду не угодила. Во время прогнали ее только.*

VI.

На пароме.

Лолпа хохлушекъ въ бѣлыхъ и сѣрыхъ охабняхъ усердно отбиваетъ на движущемся паромѣ земныя поклоны. На противоположномъ берегу тоже самое повторяютъ бабы, только что подошедшія и ожидающія перевоза. За ними — зеленыя понизи. На понизяхъ веселыя рожицы, смутныя очерки далекихъ лѣсовъ. Общее впечатлѣніе — красота, миръ и покой.

— Ты куда? ты куда? хватаетъ одну хохлушку, за охабень, юркій перевозчикъ-монахъ. — А деньги забыла.

— Нема грошей.

— Ахъ ты *подлая, подлая!* — кого обмануть

ты хочешь! Бога надуваешь.

– Нема грошей! – повторяла оторопѣвшая бабенка.

– Ну иди... Назадъ уже тебя не перевезу... А у тебя что это? – обернулся онъ къ завязанной бабѣ. Точно узелъ какой-то стояла она на паромѣ.

– Хвороба.

– Ну ступай къ намъ въ больницу... Тамъ святой есть, отъ разныхъ недуговъ милуетъ, даже и отъ порчи спасаетъ... Ежели съ вѣрою. Господь у насъ помогаетъ, потому мѣсто святое. Ишь въ другихъ мѣстахъ, соловьи цѣлый день не поють, а тутъ во какъ!

Дѣйствительно, только что разгорѣлся день, соловьи опять защелкали, засвистали въ рощахъ.

Я разговорился съ перевозчикомъ. Зашла рѣчь о Кіево-Печерской лаврѣ.

– Что лавра!.. У насъ лучше!.. Позапрошлый годъ постомъ пятнадцать тысячъ богомольцевъ было. Нонѣшній плохо торгуемъ... восемь тысячъ только... Ну да и то у Печерекой-то наши Святыя горы всю торговлю отбили! – наивно живописалъ монахъ, отплывая отъ берега. Мы,

какъ бы вы полагали, двѣсти человекъ наемныхъ рабочихъ держимъ, по пятнадцати рублей каждому въ мѣсяцъ идетъ. Вотъ онъ какой хозяинъ – монастырекъ-то нашъ. Харчъ имъ тоже отпускаемъ хорошій!

– Вонъ, въ Соловкахъ добровольные рабочіе по году живутъ.

– То въ Соловкахъ... У насъ мужикъ не такой. На мѣсяцъ, на два еще приходятъ – и то подъ-весну въ голодную пору... А такъ, чтобы круглый годъ, не бываетъ. Иной разъ случается тоже, не по усердію, а по эпитеміи... Наложутъ на него эпитемію три мѣсяца на обитель потрудиться, ну онъ точно. Въ потъ лица своего... Да мы и безъ этого, слава Богу! Одна наша мельница тыщъ пятнадцать доходу даетъ, а то бываютъ годы, что и больше. Мы торгуемъ хорошо... Вы какъ полагаете, у насъ между монашествующими и профессора, и полковники... Даже одинъ генераль, настоящій, военный генераль есть!.. У насъ шибко...

Когда я возвращался назадъ, на паромѣ была давка. Толпа богомольцевъ стѣснилась. Маленькіе юркіе странники въ скуфейкахъ, совсѣмъ не сѣвернаго типа... Тѣ неповоротли-

вые, грузные, кудлатые, брюха на выносъ, сапоги – челоѡкъ въ нихъ помѡстится! Эти ловкіе, вороватые, обожженные на солнцѡ. Въ толпѡ имъ не то что жутко, а опасноливо. Оглядываются на каждаго крестьянина. Потираются, точно имъ холодно.

Монахъ-перевозицкъ по своему понялъ ихъ.

– Чего мятетесь? Ежели на счетъ паспортовъ, – такъ у насъ свободно. У насъ обитель, – не полиція... мы не спрашиваемъ, кто еси и откуда... А всѡхъ обремененныхъ приѡмлемъ.

Многимъ дѡйствительно полегчало. Не такъ опасноливо озирались они въ толпѡ послѡ успокоительнаго слова перевозчика.

Пристали къ берегу. Монахъ опять у выхода съ парома.

– Рабы Божьи... по усердію, на пользу святыхъ обители... Богъ наказуетъ, если кто не подаетъ... По силамъ, рабы Божіи, по силамъ, кто сколько! Ей тамъ, оглянулся онъ на юркихъ странниковъ, проскользнувшихъ у него за спиной: – воровская порода почему не дали? Давайте, давайте, по усердію, на пользу святыхъ обители. Что же, рабы, скорѡе... Мы же молимся за васъ, православныхъ христіанъ.²² И

пятаки, и трешники, и копѣйки сыпались въ горсть монаху, зорко заглядывавшему въ мошны мужикамъ и бабамъ.

– Что мало дала!.. Ишь, у тебя монисто какое! Давай больше, раба, больше давай! Тебѣ на томъ свѣтѣ зачтется... *У насъ, братія, не пропадетъ! каждый грошъ за ваши души. Богъ видитъ все!* Ну, рабы, по силѣ возможности... Ишь, уходятъ... по усердію! *Тутъ какой случай былъ, нѣкій скупецъ пожалѣлъ подать за перевозъ – и ввержень былъ Господомъ въ воду. Такъ и не спасли. На виду всѣхъ, рабы!*

Мѣдь еще шибче посыпалась въ раскрытую горсть.

– Вотъ благодарю! – отозвался онъ на чей-то двугривенный. Господи спаси и благослови!

– Наше дѣло трудное, живописаль потомъ отецъ Трофимъ-первошикъ, показывая мнѣ ободранныя руки.

– Вотъ оно какъ! Этотъ паромъ обитель едва оттягала. Перевозъ-то съ торговъ шелъ; ну, у обители одинъ мірянинъ и отбилъ, – дороже далъ. Становой, слава Богу, помогъ, спаси его душу: запретилъ перевозить на томъ мѣстѣ и мірянинъ поневолѣ обители передалъ, и

большие за жестоковыйность свою убытки понесъ. Чрево-то теперь не распускаеть, похудаль даже, съ лица спаль. А мы ничего, торгуемъ хорошо.²³

На противоположный берегъ опять привалила партія богомольцевъ. Земные поклоны отбивають, прямо лбомъ въ песокъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, рабы Божіи! кричить имъ отсюда отецъ Трофимъ, отваливая... И опять скрипитъ канатъ опять обрываетъ себѣ руки перевощикъ.

VII.

Монастырскія дамы. — Женская больница.

Не успѣлъ я попрощаться съ отцомъ Трофимомъ, какъ на встрѣчу намъ красивый, рослый монахъ, ряса шелковая. Вокругъ дамы, потертыя, изношенныя, въ черныхъ платьяхъ, губы сжаты великопостно. Глаза завидующіе, щеки подбѣлены, волоса жиденькіе, колечками на лобъ. Такъ и пахнуло на меня отъ нихъ камфарой, оподельдокомъ, креозотомъ и ладаномъ. У нихъ всегда подобный запахъ. *Чортъ ужъ знаетъ почему!* Поль жизни онѣ сплетничаютъ — остальную молятся и плачутъ. И все по обителямъ. Живутъ мѣсяць, другой — свиваютъ часто гнѣзда около монастырей. Къ инокамъ притека-

ють съ вѣрой и бывають ими утѣшены.

– Эта масть и у насъ развелась, кивнулъ на нихъ худой, сморщенный монахъ, съ которымъ я заговорилъ по пути.

– А что?

– Ходятъ, шельмы, по всѣмъ дворамъ. *Въ келіяхъ отъ нихъ не удержишься...*

– Чего имъ надо?

– Совмѣстныхъ молитвъ просятъ. Всѣ онѣ Богомъ обижены. Ишь, мордастыя какія! *Ну, думаютъ, монаху дама-то на диво и притекаютъ.* Я одну такую изъ своей кельи за руку на дворъ вывелъ, тамъ поставилъ ее предъ соборомъ и въ затылокъ ткнулъ, чтобы покаялась, а потомъ плюнулъ ей на хвостъ и отошелъ прочь – въ мирѣ... Отъ нихъ не удержишься! Въ лѣсъ пойдешь – она ужъ тутъ какъ тутъ: передъ глазами подоломъ вертитъ и льстивыми словесы тебя улещаетъ. *Уязвляютъ страстью, уловляютъ кротостью. Камо иду? Бываютъ и такіе монахи, какъ тотъ, что соблазняются.* И сколько ихъ, этихъ дамовъ, къ намъ ѣздить!.. Ну только шельмъ, Господь тоже, надо полагать, не пожалѣть. Блудницы вавилонскія! Гнилозубыя!

– Покаются въ свое время.

– Онѣ и каются-то какъ! ишь, волоса въ колечки. Будутъ мучимы день и ночь и дымъ мученій ихъ восходить будетъ до небесъ. Подрумянятъ щеки да и каются...

– Экъ вы злы на нихъ.

– Да ужъ очень доняли. Комаръ этотъ и мошкара – лѣтомъ не такъ томятъ.

Монастырская проституція не ограничивается одними этими гнилозубыми богомолицами. При монастырѣ живутъ прачки – бабъ шестьдесятъ, и молодыхъ, и старыхъ. Онѣ моють полы въ келіяхъ, окна, стираютъ бѣлье инокамъ, трапезную въ чистотѣ содержать и сверхъ того, какъ говорятъ въ Славянскѣ, имѣютъ занятіе приватное – моють въ баняхъ головы монахамъ. Выдаю, за что самъ получилъ. Онѣ же помогаютъ и въ женской больницѣ, устроенной для богомолковъ при обители. Тутъ за недугующими и страждущими ухаживаютъ старушки „въ родѣ какъ бы монашки“, пояснилъ мнѣ инокъ. Больницу эту я осматривалъ. Она открыта на пятнадцать кроватей. Воздухъ прекрасный, содержаніе безукоризненно. Всѣ издержки принимаются на счетъ монастыря.²⁴

— Умирающіе тутъ за рѣдкость, пояснилъ мнѣ тотъ же монахъ. — Случается, привезутъ — на ладонь дышетъ, но оправляется. Потому у насъ воздухъ цѣлебный. *На этомъ воздухѣ Лазарь смердящій и тотъ бы воскресъ.* Иная встанетъ и пѣшкомъ до Кіева еще сходить. Мы и фельдшера для больныхъ держимъ. Сначала ему деньги платили, а потомъ убѣдили иноческій санъ пріять. Теперь онъ монахъ; и ему лестно, и монастырь выгадалъ. Все на пятьсотъ рублей въ годъ расхода меньше. Доктора нанимаемъ свѣтскаго изъ Славянска. Толи бы дѣло, коли-бы и тотъ постригся. Совсѣмъ бы тогда наша больница на ноги встала. У насъ въ обители хорошо; даже зимой и то не скучно. Вы какъ думаете, мы и училище содержимъ. Верстахъ въ семи отъ монастыря. Мальчиковъ на пятьдесятъ.²⁵

Учить дѣтей посылаютъ стариковъ-монаховъ. Въ самой обители мальчиковъ и слишкомъ молодыхъ, послушниковъ не держутъ вовсе, по весьма понятнымъ причинамъ. На югѣ могли бы развиваться совсѣмъ не подходящія къ достоинству обители отношенія. Окрестному же населенію вообще монастырь старается быть

полезнымъ. И вліяніе его все растеть и растеть. Такъ, напримѣръ, случился около пожаръ; обитель не только послала свои инструменты, но погорѣвшимъ выдала пособіе отъ десяти до пятидесяти рублей. Разумѣется, всѣ такіе расходы возвращаются почти сторицею. Монахи слишкомъ хорошіе хозяева, чтобы бросать свои деньги даромъ. *Они копѣйкой не рискнуть, если не надѣются вернуть рубль...* Какъ Соловки на сѣверѣ, такъ и Святыя горы здѣсь – типы кулачествующей общины. Отъ кулака-хозяина одно отличіе: тотъ на себя старается, а эти на обитель усердствуютъ. Поставьте въ укоръ иноку слишкомъ ужъ промышленный характеръ его дѣятельности – отвѣтъ готовъ:

– Мы не на себя... мы на благолѣпіе обители!.. Намъ не надо! Мы нищетой возносимся и уничиженіемъ величаемся!

VIII.

Соборъ. – Сѣверный и южный монахъ.

Въ самомъ монастырѣ, посреди двора, уложеннаго плитами – громадный соборъ. Не смотря на всю свою массивность, онъ кажется чрезвычайно легкимъ, съ четырьмя угловыми и пятою – высокою, по срединѣ его колокольной.²⁶ Величавое зданіе это обошлось обителю вчернѣ въ 300,000 р. и, что всего замѣчательнѣе, строилось оно простымъ полтавскимъ крестьяниномъ подрядчикомъ, безъ всякой помощи ученаго архитектора. Меня поразила въ этомъ соборѣ соразмѣрность и красота линій, соотвѣтствіе частей. Ни башенки не давили массу собора, ни самый корпусъ его не казался слишкомъ великъ для нихъ. Къ сожалѣнію – монахи думаютъ, по

своему обыкновенію, аляповато росписать его стѣны снаружи и тѣмъ, разумѣется, уничтожать впечатлѣніе, производимое имъ теперь.

Крестьянинъ, строившій соборъ, работаль почти безвозмездно – изъ усердія.²⁷ – Въ городахъ ему работы мало... Начальство воспрещаетъ безъ архитектора, ну, а у насъ он по своей вольной волѣ...

Строитель при этомъ оказался еще и полуграмотный. То же явленіе, на какое я наткнулся и въ Соловкахъ. Только Святыя Горы, разумѣется, далеки отъ нашей сѣверной обители. Въ Соловкахъ каждый камень полонъ воспоминаніями. Цѣлые вѣка протекли надъ обителью. Въ ея башняхъ, келіяхъ и стѣнахъ – живетъ лѣтопись славнаго прошлаго. Плѣсень и ветхость дряхлѣющихъ построекъ, рядомъ съ циклопическими сооруженіями, пережившими чetyреста лѣтъ, кажутся вамъ страницами открытой книги, на которыхъ вы читаете краснорѣчивыя былины о борьбѣ и страданіяхъ, о ростѣ этого крестьянскаго царства. Самые типы монаховъ тамъ чудятся вамъ тѣми же, какими они были во время шведскаго раззоренія. Тѣни Зосима и Савватія какъ будто еще бродятъ въ дремучихъ лѣсахъ Анзеръ и Муксальмы. Тутъ иное дѣло.

Вид Успенского собора XIX в.,
с южной стороны

Святогорье пахнет не плѣсенью старины, а лакомь, масляной краской и известкой. Оно возникло только вчера; отъ прошлаго здѣсь, внизу, не осталось ничего.

Это чистенькій и богатый мѣщанинъ, строящій купеческіе хоромы и расписывающій по суздальски ихъ внутреннія стѣны.²⁸ Это созданіе послѣдняго времени, безъ стараго величія. Тамъ наворочены цѣлые утесы, здѣсь всюду кирпичная кладка. Одно зданіе собора не измѣняетъ еще этого впечатлѣнія. Сверхъ того, въ Соловкахъ повсюду вы видите могучую волю, богатырскій размахъ. Тамъ мужикъ строилъ мосты черезъ море, заваливая его скалами. Не красиво, зато прочно создавалъ, по медвѣжьи. Здѣсь, черезъ Донецъ, возятъ на паромѣ, хотя на противоположный берегъ рукой подать.

— Отчего бы вамъ моста не поставить?

— Лѣтомъ ставимъ.. деревянный... Теперь не время... Осенью снимаемъ.

— Вамъ-бы настоящій завести.

— Это мірское дѣло.

Туть есть тоже *кулачество*, но *кулачество* Соловецкое соединено съ замѣчательною предприимчивостью. Соловки изобрѣтательны. Это широкая натура, покоряющая море, срываю-

Иконостас Успенского собора XIX в.

шая цѣлыя горы себѣ въ угоду. Здѣсь, въ Свя-
тыхъ горахъ, кулачество мѣщанское, наживное,
копѣчное.

Туть не рубль создаетъ миллионы а только
копѣчка рубль бережетъ... Это разница, и раз-
ница большая... Тамъ соловчанинъ монахъ не
на однихъ даровыхъ, да наемныхъ работникахъ
выѣзжаетъ; туть святогорець самъ ни за что не
возьметъ. Соловецкаго монаха вы увидите съ
топоромъ, съ сѣтью въ рукахъ, съ киркой. Онъ
и землю роетъ, и стѣну кладѣтъ, и лѣсъ рубить,

и рыбу ловить, и звѣря бѣть, и соль варить, и доки строить, и мореходствуетъ.

Святогорець нанялъ себѣ человекъ двѣсти рабочих малодушествуетъ въ теплѣ благодатнаго юга. Мѣсто монастыря внизу все скрыто. Тутъ прежде холмы стояли, ихъ сняли. Лощины засыпали. Но все это сработано не монашескими руками. „Наймали грабарей“. Иноки только присматривали за ними.

На соловецкихъ островахъ дороги пробиты руками крестьянъ-монаховъ; здѣсь путь въ Славянскъ, дорожки между пустыньками и скитами, всѣ продѣланы мужичками за поденную плату. Это именно разбогатѣвшій мѣщанинъ. Въ окрестностяхъ два села, Банное и Богородично, которыя почти сплошь заняты работами на монаховъ. Даже лѣсъ рубятъ курскіе наймиты. Одѣвается святогорець одинаково съ солвчаниномъ – то же грубое платье, та же неуклюжая обувь.

Но послѣдній передъ вами является мужикъ мужикомъ. И ходитъ онъ присѣдая, и лапища у него заскорузлая; и чрева нѣтъ (у мужика брюха не найдешь, оно ему не полагается). Святогорець же отпустилъ себѣ животъ, а ужъ если истымъ монахомъ явится, такъ именно иконописнымъ,

съ сухой складкой изможденнаго лица, съ равнодушнымъ, безучастнымъ къ страданію и радости своего ближняго, взгядомъ. Жилье его такъ же неказисто, какъ и у соловецкаго монаха; но во всякой кельѣ вы замѣчаете, что тутъ поселился не мужикъ, а именно мѣщанинъ. И картины не тѣ, и книжки своеобразнаго пошиба. Куда не посмотришь, вездѣ эта разница. Въ Соловкахъ пропасть лошадей. Богомольцевъ ко всѣмъ островамъ возять въ монастырскихъ экипажахъ. Кучера – непременно монахи. И настоящіе, не послушники. А заправляетъ дѣломъ іеромонахъ, играющій большую роль въ обители. Въ Святыхъ горахъ содержится до тридцати коней, но ходять за ними и кучерами служатъ наемные люди. Донецъ богатъ всякой рыбой, но правильнаго промысла монахи не завели. Сами-же говорятъ, что у нихъ сомы ловятся пудовъ по десяти, а рыбу на уду добываютъ. Въ Соловкахъ и сельдяные, и тресковые ловы организованы какъ большое промышленное предпріятіе. Святогорцы ссылаются на то, что Донецъ весь запруженъ коргами, рвущими сѣти. Но существовало-ли бы такое препятствіе для соловчанина, который англійскіе доки ухитрился у себя устроить... Нужно приложить личный трудъ и сметку – а

этого-то и нѣтъ. У кого они есть – тотъ въ загонѣ. Потому что настоящему иноку „не подобааетъ». Сравнивая дальше Святыя горы съ Соловками, всюду встрѣтишь то же соотношеніе. Отчего же промысль, трудъ, изобрѣтательность не прививаются здѣсь? Потому-ли, что южное крестьянство бездѣтельно? Разумѣется, нѣтъ! Воронежскіе и харьковскіе крестьяне въ Соловкахъ являются дорогими помощниками и работниками. Я объясняю это иначе. Въ сѣверной обители мужикъ всѣмъ править и верховодить. Къ сожалѣнію, только администрація у него отнята; *къ сожалѣнію, потому, что въ его рукахъ не повторялись бы безобразные факты, недавно разсказанные корреспондентомъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“.* Эти факты – сплошь созданіе монашесвующей бурсы, а не иночесвующаго крестьянства. Въ Святыхъ горахъ во главѣ стоятъ: дворянинъ, купецъ и мѣщанинъ. Именно, разбогатѣвшій мѣщанинъ. Къ нимъ нужно присоединить и монаховъ изъ духовенства. Отсюда при кулаческихъ порываніяхъ, отсутствіе изобрѣтательности, предприимчивости, энергіи. Оттого и келья, не смотря на свою неприглядность, все таки не деревенскимъ обиходомъ встрѣчаетъ васъ, а затхлой, душной атмосферой

городскаго мѣщанства... Соловецкій монахъ ничего не боится. Онъ говоритъ на чистоту; все, что знаетъ, выложить. Святогорець высматриваетъ васъ искоса прикидываетъ каждое ваше слово. Вы высказываетесь, а онъ – молчокъ! Себѣ на умѣ! Нужно мнѣ было посѣтить кой-какія хозяйственныя учрежденія. Просился показать мнѣ грамотный и умный монахъ. Послали къ архимандриту – благословить-ли?

– А кто онъ такой (это про меня)?

– Писатель.

– Нельзя, нельзя! Помалкивайте.

И прислалъ ко мнѣ послушника, отъ котораго только и можно было добиться, что рассказовъ объ удивительныхъ качествахъ и святости отца архимандрита; повѣрить, такъ его преподобіе только что чудесъ заживо не творить. Имя писателя, ученаго, открываетъ вамъ въ Соловкахъ всѣ двери, архивы, бібліотеку. Здѣсь оно же заставляетъ заператься отъ васъ поплотнѣе. Опять таки чисто мѣщанская черта. Въ Соловкахъ монахъ свободенъ. Захотѣлось ему въ лѣсъ – въ лѣсъ уйдетъ, въ море задумалъ – сѣлъ въ лодку и былъ таковъ. Тутъ – дисциплина убійственная. Чтобы выйти за черту монастыря, инокъ, часто старецъ, спрашивается у архимандрита. Въ

Соловкахъ пользуются вліяніемъ истые работники, а въ Святыхъ горахъ, напротивъ, верховодятъ уставщики, столпы монашеской обособленности и иноческаго формализма. Сѣверный монахъ здѣсь задохнулся бы несомнѣнно. Онъ меньше всего черноризецъ. Въ Святыхъ же горахъ инокъ византійскаго склада чувствовалъ бы себя какъ нельзя лучше. Разумѣется, я говорю о Соловецкомъ монастырѣ того времени, когда я тамъ былъ, лѣтъ одиннадцать назадъ. *Теперь и тамъ сказывается монастырскій бюрократизмъ, обличавшійся такъ энергично корреспондентами „Церковно-общественнаго Вѣстника“.* *Теперь и туда нагнали византійцевъ, которые въ эту рабочую, на религіозной подкладкѣ, общину вводятъ такую мертвящую синодскую регламентацію, что, пожалуй, недавніе работники и труженики уже рвутся изъ циклопическихъ стѣнъ сѣверной обители вонъ – на просторъ, на настоящій трудъ.*

IX.

У казначея въ кельѣ.

Казначей послалъ васъ просить къ себѣ, разыскалъ меня монашекъ въ ободранной ряскѣ.

— Куда это?

— Въ келію къ себѣ, поучительной бесѣды удостоиться.

По фарисейски сжалъ губы монашекъ, окидывая меня „пронзительнымъ“ взглядомъ и стараясь высмотрѣть насквозь, вѣроятно для соотвѣтственнаго доклада тому же отцу-казначею.

Я пошелъ къ сановнику обители.

Келья хоть куда!²⁹ На столахъ узорочныя скатерти, въ окнахъ цвѣты, на полу коверъ, двѣ-три свѣтскія книжки даже, только не разрѣзаны,

хотя, я думаю, пыль на нихъ цѣлыми годами копилась. Образа в окладахъ.

Отець казначей оказался рязанскимъ купчи-комъ; типъ, бьющій въ глаза. Молчить и воздыхаетъ, а самъ взгляда съ васъ не спускаетъ, точно взвѣшиваетъ васъ. Зорко, зорко... *По ли-сьи* высматриваетъ. На разговоръ не вызовешъ; выжидаетъ, и чуть вы слово – такъ и видите какъ онъ его подчеркнетъ и закрѣпитъ у себя въ памяти. *Драгоценный субъектъ для какого-либо изъ наблюдательныхъ учреждений. Вотъ бы въ Питеръ къ Путилину. Настоящій помощникъ и сотрудникъ!*

Такіе типы, я думаю, каждому случалось встрѣчать между кулачествующими купчиками. Стоить передъ нимъ крестьянинъ, чуть не плачетъ, а онъ знай себѣ на счетахъ прикидываетъ и ухомъ не ведеть. Его не разжалобишь; онъ не сантименталенъ и каждаго можетъ разжевать и проглотить въ лучшемъ видѣ. Рядомъ съ нимъ, улыбающійся духовникъ, черниговецъ, кролевцакаго уѣзда. Само добродушіе, приправленное хохлацкимъ остроуміемъ. И клобукъ у него какъ-то назадъ сползъ, открывая простое, честное лицо съ живыми смѣющимися глазами. Среди бѣлаго духовенства много такихъ, кото-

рые посылѣ, разумѣтся. У голоднаго попаика все лицо въ одну просительную складку сведено. И отвѣты какіе различные.

– Отчего у васъ того нѣтъ, другаго? любопытствую я.

– Не подобааетъ монаху! подумавъ, отвѣчаетъ рязанскій купчикъ.

– Глупы еще мы, вотъ почему! Кабы за умъ взялись, давно бы сдѣлали, завершаетъ духовникъ.

Нужно было видѣть, какое смятеніе изобразилъ на своемъ лицѣ отецъ казначей, когда я вынулъ записную книжку, чтобы внести туда нѣсколько цифръ самыхъ невинныхъ, въ родѣ того, на примѣръ, что всѣхъ монаховъ въ обители 300.

– Это у васъ что же такое?

– Для памяти, отецъ казначей.

– Такъ-съ, для памяти. А самъ ерзаетъ, усидѣть не можетъ. – Ишь, какая книжка. Много такихъ дѣлаютъ нынче... Затѣйливая!

Рука то протянется къ книжкѣ, то назадъ. *По пословицѣ: „и хочется, и колется, и маменька не велитъ“.*

– Хотите посмотрѣть?

– Вотъ благодарю!

– Точно ястребиными когтями захватилъ. Перелистываетъ... Глаза такъ и впиваются. Видимо все запоминаетъ.

– Это у васъ что же? Про нашу обитель?

– Да.

– Писать будете?

– Буду.

Покачалъ головою. Такъ и изобразилось: не было печали...

– А это что обозначаетъ, буквы о. а.?

– Отець архимандритъ.

Казалось, онъ глазами пронизетъ книгу, впился – не оторвешь. Наконецъ, насосался всласть, отпаль.

– Такъ-съ. Нынче многіе пишутъ... Занятно.

Сталь я его спрашивать, – скорѣе у мѣднаго колокола отвѣта добьешься. Опасливо по сторонамъ оглядывается, воздыхает всего даже въ потъ ударило. Хорошо еще, что духовникъ былъ здѣсь. Тотъ мнѣ повѣдалъ, что когда возобновляли обитель, на версѣ горъ оказалась старая, полуразрушенная казачья крѣпость: только уцѣлѣвшія башни, да часть стѣны, словно орлиное гнѣздо, висѣли надъ Донцомъ.

– Гдѣ онѣ? готовился я идти туда.

– Куда съ ними! Мы ихъ срыли.

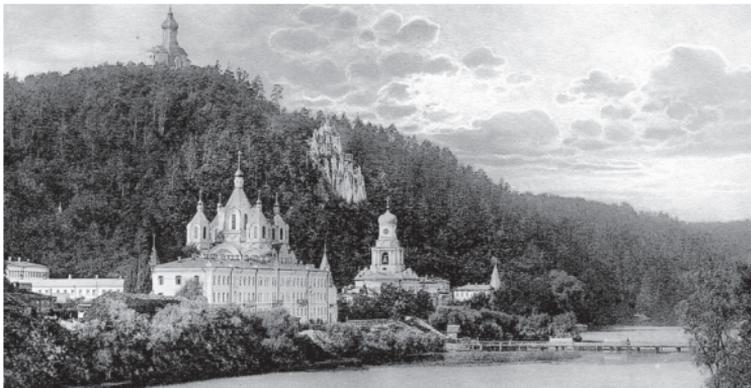
– Вотъ тебѣ и на! Да это монастырь бы украсило. Историческія воспом...

– Помилуйте! не монашеское дѣло совсѣмъ; Богъ съ нею и съ крѣпостью этою.

А башни, по разсказу, были очень красивы. И вся крѣпость оказывалась очень эффектною среди затянувшаго ее лѣснаго царства. Пушки тамъ были. Одна изъ нихъ и до сихъ поръ передъ соборомъ жадно развѣваетъ свое черное жерло.

– А другія гдѣ?

– Да куда-то подѣвались, совершенно равнодушно отвѣтилъ отецъ духовникъ.

Вид на монастырь с севера

Другіе монахи отрицають, впрочемъ и башни, говорятъ, что были только валы нарыты тамъ.³⁰

Заговорили о составѣ монастырской братіи; оказалось, что публика у нихъ чистая.

– Половина изъ благородныхъ, духовныхъ и купцовъ. Крестьянства мало, да оно у насъ нѣмое, не слышишь ихъ. Истинные агнцы Божіи!

Оно и понятно, что мужику не подняться въ такой средѣ. *Въ сорной травѣ всякая здоровая поросль залохнетъ.*

– Работаютъ мало-маля. Мы на работѣ не стоимъ, потому работа отъ молитвы отвлекаетъ.

– Въ Соловкахъ иначе говорятъ. Работа на св. Зосима и Савватія – та же молитва.

– Что Соловки – мужицкое царство! У насъ уставъ святыя Афонскія горы. У насъ на Господскіе и Богородичные праздники пѣвцы поють: „Господи Боже мой возвеличился еси зѣло“ медленно, и прочіе стихи, перемѣняя на лики, поють чинно. При „Господи возвахъ“, на іеродіаконахъ – пелена съ кивотомъ, а во время псалмовъ ризничій и экклесіархъ кадятъ каціями.

– Это что такое?

– Кадилаьницы, имущія, вмѣсто цѣпей, рукоятки. Пища у насъ поставляется по достатку и по приличію дней, обаче безъ излишества, и питіе – квасъ хлѣбный; піанственныхъ же отнюдь да не бываетъ. И много другаго... Возьмите архимандрита Филарета твореніе о нашей обители – там найдете обо всемъ подробно.

Заговорили о красотѣ монастыря; тутъ вдругъ на отца казначея точно благодать ни-зошла – языкъ оказался.

– Это что! Вы нашъ монастырь лѣтомъ посмотрите, когда лѣсъ „потемнѣеть“. Тогда у насъ хорошо. Только внизу сыро, зато вверху воздухъ здоровый. Птицы всякой у насъ – тьма! Тучами летитъ и на разные голоса поетъ – Господа своего славословитъ. Стоишь, стоишь, слушаешь и радуешься творенію Божію. Малая птаха лѣсная, а и та сердечкомъ своимъ къ небу возносится. Ликуеть – солнцу радуется, псалму солнцу поетъ. Хорошо у насъ тогда. Вѣкъ бы съ обителью не разстался.

– Зачѣмъ же разставаться?

– Какъ зачѣмъ. Случается, въ другіе монастыри посылають. У насъ такія дѣла бывали. Старца Амвросія помните, отче?

Духовникъ утвердительно кивнулъ головою.

– Перевели его за неумѣренныя поступки – гордь былъ – въ другую обитель – не выдержал, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ тоски померъ. А то еще какое дѣло случилось. Послушника мы прогнали – онъ назадъ. Его опять прочь – онъ возьми да и утопись в Донцѣ. Вотъ какую приверженность къ обители чувствуютъ. Кажется, вѣкъ бы не ушелъ отсюда.

– А если обитель оскудѣетъ?

– Что же! у насъ въ уставѣ сказано: еще же будетъ оскудѣніе въ обители всѣ, равно, да претерпеваютъ скудость со благодареніемъ. Воздуха нашего у насъ не отымутъ, горь также не возьмутъ! Донецъ все также будетъ струиться.

– По Донцу вотъ скоро, говорятъ, пароходы пойдутъ.

– Монахи заводятъ?

– Нѣтъ. Начальство свѣтское, отъ себя.

– Отчего же вамъ не заняться этимъ?

– Да не монашеское дѣло.

И опять глаза внизъ. Смотрить тупо. Соловчане тѣ не ждали, когда придетъ въ голову архангельцамъ завести пароходы. Сами устроили все.

Ужасно тяжело было вести бесѣду съ отцемъ казначеемъ. Ни о чемъ не удавалось разговариваться. Соловецкій монахъ самъ толкуеть съ вами, этотъ – высматриваетъ и выслушиваетъ. Каждое слово выжимать приходится. Чуть не клещами изъ горла вытаскивать. И притомъ образцовый формализмъ вездѣ. Въ Соловецкіе скиты, напримѣръ, всякому открыта дорога, Здѣсь скиты открываются для богомольцевъ только четыре раза въ годъ.

– Отчего же это?

– Иначе, какое же скитское жительство будетъ!

Когда я вышла отъ казначея, ко мнѣ подошелъ молодой, чрезвычайно симпатичный инокъ, съ которымъ я познакомился наканунѣ.

– Не нравится вамъ у насъ?

– Какъ не нравится, эдакая красота!

– Нѣтъ, я о людяхъ. Людей у насъ нѣтъ. Грѣхи насъ заѣли совсѣмъ.

– Какіе это грѣхи?

– Есть у насъ!.. Повѣрите-ли, иной разъ такъ бы и улетѣлъ отсюда!.. На просторъ тянетъ! По ночамъ, особливо зимою, плачешь-плачешь. А куда пойдешь?

– Помилуйте, вы молодой такой!

– Да вы имѣете понятіе, что такое разстрига? Это отщепенецъ. Ему нигдѣ мѣста нѣтъ! Въ сторожа не возьмутъ! Къ крестьянину въ батраки не попадешь!.., А сердце просится куда-то, рвется! Вѣдь я сюда двадцати лѣтъ пришелъ, да здѣсь и остался, ничего не извѣдавши... Колоннику лучше. Онъ знаетъ, что сошлютъ его, срокъ кончится, все какая ни на есть свобода! А мы совсѣмъ какъ въ тюрьмѣ хоть головой объ стѣну!

– Другіе же сживаются.

– Ну, какъ сказать! Всѣ почти перешли черезъ эту муку. Закостенѣли, потомъ настоящими монахами стали. И я тоже когда нибудь закостенѣю! Тоже настоящимъ инокомъ буду... А тяжело, охъ, какъ тяжело!.. Точно тебя живаго въ могилу... И отпѣли...

Х.

Выдающиеся люди. – Монахъ-фотографъ.
– Монахъ-писатель.

Солнце сегодня печетъ во всю. Даже неугомонныя птицы надъ Донцомъ примолкли, и ихъ заморило тепло. Только что я легъ отдохнуть:

– Молитвами святыхъ отецъ! послышалось за дверьми.

– Войдите.

– Это я-съ! Вотъ обѣщанное принесъ вамъ.

И отецъ Стефанъ, самоучка-фотографъ, подалъ мнѣ виды монастыря. Снимки были сдѣланы весьма, тщательно; потомъ я ихъ передалъ въ Петербургѣ редаціямъ иллюстрирован-

Обложка фотоальбома с видами
Святых Гор XIX в.

ныхъ изданій и работа отца Стефана была воспроизведена граверами. Отчетливость, нѣжный колоритъ, умѣніе выбрать пунктъ, откуда снимать видъ, достойны были всякой похвалы.³¹

— Радъ бы работать, да вотъ нельзя! Много нельзя.

— Почему это?

— Отвлекають. Прочимъ монахамъ непріятно.

Говорять, не иноческое дѣло. А я такъ думаю, все же во славу святыхъ обители... Ну и на пользу... Вотъ вы купите, другой, третій. Можно посылать и на продажу въ прочія мѣста. Анъ и деньги! Другой бы монастырь еще помогъ завести фотографію настоящую! А что у насъ! Невѣжество во всемя. Теперъ какъ дразнять-то. Вчерась отецъ Апемподистъ: — „бѣса тѣшишь“ на весь дворъ кричить. Ну что же я могу... Я человекъ слабый. У меня порокъ есть!

Порокъ отца Стефана оказался очень простъ: на него находило — и онъ пилъ. Потомъ вытрезвлялся. Случалось, на него и послушанія накладывали за это. Въ Святогорскомъ монастырѣ довольно строго. Даже и монатейныхъ монаховъ не щадятъ. Проштрафится въ чемъ

нибудь, на него, по приказанію настоятеля, надѣвають сермягу и посылають на самую черную работу, на самое тяжелое послушаніе: возить навозъ, обирать грязь съ дворовъ и еще хуже. Если проступокъ болѣе крупный вонь изъ монастыря, къ „разстригу“. Послушникамъ, тѣмъ легче. Не понравится наказаніе – онъ сейчасъ можетъ „разуказиться“, т.е. бросить монастырь и перейти въ прежнее свое званіе. Что проступокъ совершить здесь легко, видно изъ запрещеній, существующихъ со снимками иеромонаха о. Стефана не только на вино, но и на трубки.

– Дымить, братъ, у насъ монаху ни-ни! За дымокъ-то на черный двор! – пояснял мнѣ добродушный старикъ о. Симеон, тайкомъ покуривавшій у меня въ кельѣ. – Теперь поймай меня – къ настоятелю! Ну тотъ и благословить навозъ возить.

Странно было даже видѣть, какъ семидесятилѣтній монахъ оглядывался и, при малѣйшемъ шорохѣ, зажималъ огонь папиросы пальцами, обжигая ихъ и встряхивая. Ни одинъ школьникъ не могъ быть пугливѣе.

Воспрещенъ даже нюхательный табакъ. Не-

давно одного монаха заставили мести дворы въ гостинницѣ за то, что онъ, во время всенощнаго бдѣнія, опасаясь заснуть, зарядилъ носъ табакомъ. На него донесли. Какъ и вездѣ въ монастыряхъ, шпіонство здѣсь въ большемъ ходу. Нюхательный табакъ запрещень наравнѣ съ опьяняющими напитками.

Архимандрить, славящійся строгою жизнью, и самъ очень строгъ. Пастырь сей не жалѣеть свое стадо. Онъ былъ и пѣвчимъ, и строителемъ, и уставщикомъ, весь чинъ монашескій произошелъ *и всюду на 12 балловъ за поведеніе.*³² Оттого и къ другимъ относится съ строгостью безпощадною.

Отцу Стефану часто доставалось за его слабость. Онъ только тѣмъ и держался, что ужъ очень полезенъ былъ обители. Понадобится кому снимокъ сдѣлать съ Святыхъ горъ, портретъ снять — за бока о. Стефана. Онъ, впрочемъ, на всѣ руки мастеръ былъ. О. Стефанъ много читалъ. На каждую книгу бросался съ жадностью, но все прочитанное перерабатывалъ на свой образецъ. Какъ будто онъ знакомился съ чужими мыслями, съ научными данными, только длѣ того, чтобы еще тверже убѣдиться

въ томъ, до чего онъ дошелъ своимъ умомъ. Книги увѣряли его в томъ, что заблужденіямъ человеческимъ нѣсть предѣла. Такъ, на примѣръ, онъ изучивъ астрономическую географию пришолъ къ отрицанію вращенія земли вокругъ солнца. Доказывалъ онъ это съ большою логикою и противъ приводимыхъ въ космографіи аргументовъ, выставлялъ цѣлую батарею своихъ. Говорилъ охотно и много. Вступалъ въ споръ со всѣми, почему монашествующая братія особенно любила подразнить отца Стефана. Замѣчательно, что обо всемъ онъ спорилъ съ одинаковымъ азартомъ. О движеніи ли планетъ небесныхъ, или о способахъ печь хлѣбъ. Точно обидится – и давай сокрушать выю противника діалектикою, иногда весьма безцеремонною. Потомъ вдругъ обрывался разомъ и смолкалъ. Смолкнетъ и станетъ робко смотрѣть и ежиться. Будто растеряется.

– Что это онъ? – спросишь у монаховъ, знающихъ его.

– О слабости своей вспомнилъ и смирился.

Видимо боится, чтобы кто другой ему не напомнилъ о ней. Насупится и уйдетъ, не окон-

чивъ спора.

– У насъ тоже писатель есть! – огорошилъ онъ меня на этотъ разъ...

– Ну?

– Я ему про васъ сказалъ. Желаетъ познакомиться?

– Я его радъ видѣть.

– Только вотъ что. Къ вамъ ему нельзя. *Сейчасъ стануть говорить, до отца архимандрита дойдетъ...* Еще что выйдетъ... Если бы вы къ нему?... А?

И отецъ Стефанъ искательно заглянулъ мнѣ въ глаза.

– Я съ удовольствіемъ.

– Онъ недалечко тутъ. Ежели бы сейчасъ?

Мы пошли.

Святогорскій писатель оказался о. протоіерей Дюковъ, жившій въ монастырѣ на покоѣ. Онъ занималъ большую келью. Простой письменный столъ былъ заваленъ бумагами и книгами. Книги были на табуреткахъ, и на подоконникахъ, и на полу.. Однѣ на другихъ. Въ большей части – вложены закладки и на закладкахъ отмѣтки. О. Дюковъ работалъ много и охотно. Цѣлыя кипы замѣтокъ и выписокъ лежали у него на

столѣ. Много книгъ было раскрыто. Видимо старикъ трудился надъ чѣмъ-то, требовавшимъ тщательныхъ справокъ, цитатъ, ссылокъ... Въ углу кіотъ съ образами. Передъ нимъ столикъ съ библіей и другими духовными книгами.

Симпатичный, крѣпкій старикъ поднялся намъ на встрѣчу.

– Мы свѣтскихъ писателей рѣдко видимъ. Но все же по оружію братья! – привѣтствовала онъ меня. – А я тутъ вотъ трапезую... Простите, Бога-для!

О. Дюковъ, когда мы вошли, обѣдалъ. Передъ нимъ стояла тарелка пустыхъ щей и черный хлѣбъ. Это все, что ему отпускалось. Грубая ряска, рясы вообще здѣсь на всѣхъ монахахъ грубыя. Бѣлье – солдатское, иначе не знаю какъ и назвать эту дерюгу. И постель солдатская. Голыя доски на деревянныхъ чурбанахъ. Что-то свалывшееся подъ голову. Вмѣсто одѣяла кусокъ грубаго сукна.

– По аѳонскому уставу! – объясняютъ умерщвляющіе свою плоть монахи.

Разговорились мы съ нимъ, и старикъ оказался прекраснымъ діалектикомъ и крайнимъ консерваторомъ. Онъ гремитъ противъ

распредѣленія приходоѡ по одному на каждую тысячу душъ, злѡбствуетъ противъ разрѣшенія попамъ служить соборне безъ дьякона.

– Ересь это!.. чѣмъ раскольники послѣ того хуже!

Еще больше *бѣснуется* онъ противъ мысли объ устройствѣ для старообрядцевъ школъ безъ преподаванія закона Божія и т. д. Онъ и пишетъ въ этомъ духѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ занятъ какимъ-то большимъ трудомъ, о которомъ рассказывать воздерживается... проговорилея только:

– Коли бы Богъ далъ кончить. Всю бы жизнь завершилъ.

О. Дюковъ крайне любознательнъ. Между прочимъ сталъ добиваться:

– Скажите, господинъ Лѣсковъ, который „Соборянь“ написалъ – особа свѣтскаго званія?

– Да.

– Духовное воспитаніе получилъ, значить?

– Нѣтъ.

– Быть не можетъ. Какъ онъ хорошо духовенство наше описуетъ. Впрочемъ, чтожь, ежели Господь ему талантъ такой вложилъ!..

– Ахиллу-то дьякона, какъ! – возвеселился

вдругъ о.Стефанъ.

– А ты тоже читаль?

– Любопытствовалъ... Как же!

– Ну смотри! Тебѣ за свѣтскія книги влетить!.. Дорогой человѣкъ отецъ Стефанъ... чистое золото – 96-й пробы. Всякое мастерство знаетъ, способности какія. Ему бы поучиться...

– Да вотъ что же... Слабость моя меня одолѣла! – вздохнулъ фотографъ.

– Благодари Бога за нее, за слабость эту.

– Ну, чтожь тутъ.

– Безъ нея ты, можетъ быть, какъ далеко бы, Господь знаетъ, ушелъ. А она слабость-то твоя тебя тутъ держитъ, смиренію учить. Безъ этой слабости ты бы и обитель оставилъ?

– Пожалуй, что...

– Ну вотъ. А съ нею ты тутъ каешься. И въ честномъ иночествѣ состоишь... Въ слабости этой спасеніе твое. Слабостию спасень будешь!..

– А вы пчеловодство наше видѣли? – обернулся ко мнѣ о. Дюковъ.

– Нѣтъ, не видалъ.

– Ну, что жъ наша пчела. Развѣ такъ надо? У насъ что жукъ, что пчела – все одно, воз-

носился о. Стефанъ.

– А то какъ? По твоему то какъ?

– Совсѣмъ по иному... Вонъ въ Америкѣ...
Стекланные улы...

– Что жъ по твоему, у насъ дураки все?

– Не дураки, а въ темнотѣ запутались...
Въ невѣжествѣ своемъ бродять. Истинное
просвѣщеніе отметають...

– Что же ты всѣхъ умнѣе? Пчела!.. Давно-
ли ты пчеловодомъ сталъ-то?

О. Стефанъ обидѣлся. Дюковъ сейчасъ же
это замѣтилъ.

– Ну прости, что оскорбилъ. Бога-для!..

Чмокъ другъ друга въ руку и оба успокои-
лись.

– Сдѣлайте мнѣ милость великую! Просил
меня отецъ Стефанъ, когда я уѣзжалъ отсюда.

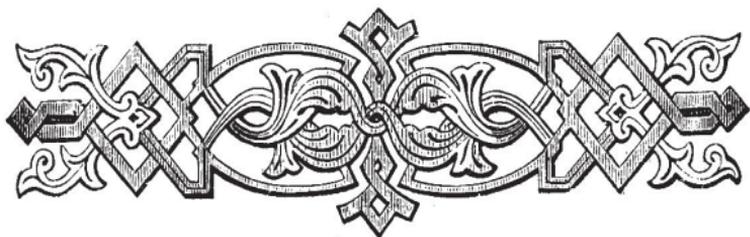
– Знаете, тоска здѣсь такая обуревааетъ... Будьте
добры...

– А что?

– Пришлите изъ Питера лучшее и
самоновѣйшее руководство по фотографіи.
Сколько следуетъ, я хоть сейчасъ!.. Такъ буду
благодарень, такъ благодарень... Вѣкъ не за-
буду!

Я предложил прислать ему даром что-бы отблагодарить за превосходный снимок мѣловыхъ скал Святогорскихъ. Послалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но отвѣта не получилъ. Что съ нимъ?.. Можетъ быть онъ уже вошелъ въ колею. Совсѣмъ смирился и ни о чемъ не помышляетъ болѣе...

XI.

На пасѣкѣ.

У келіи отца казначея два каштановыхъ дерева. Сегодня въ нихъ ярко свѣтитъ солнце, обливая нѣжную молодую листву золотыми брызгами. По листвѣ золотые брызги солнечнаго свѣта скатываются внизъ огнистымъ дождемъ, падая на гладкія плиты, на желтый песокъ двора. Еще не жарко. Еще нѣтъ, нѣтъ, да и потянетъ съ Донца прохладой; но воображаю, что тутъ должно быть въ іюль! Тогда монахи сидятъ на версѣ горы и только поневолѣ спускаются внизъ, въ эту теплую котловину... И на внутренній дворъ монастыря сегодня налетѣло всякой птицы пропасть. Въ листьяхъ каштана

щеглы даже драку затѣяли...

– Описуете? – благодушно подошелъ ко мнѣ толстый монахъ съ улыбающимся лицомъ.

– Что? – не понялъ я.

– Въ книжку все?

– Да, чтобы не забыть.

– Не имѣли счастья, значить, въ бурсѣ воспитываться, тамъ память превосходно развиваютъ. Въ наше время, преимущественно при помощи лозы! До сихъ поръ и грековъ, и латынянь памятую, ибо былъ за оныя народы сѣченъ нещадно!.. Одного я немогу понять – что васъ въ монастыри влечетъ?. Житіе у насъ скудное... не веселое. Коли бы мнѣ, я бы все по большимъ градамъ путешествовать.

– Ну, тоже скудное житіе! – вмѣшался мой спутникъ. – Вы бы, отче, помалкивали.

– А развѣ вы что по сему предмету занотовали?

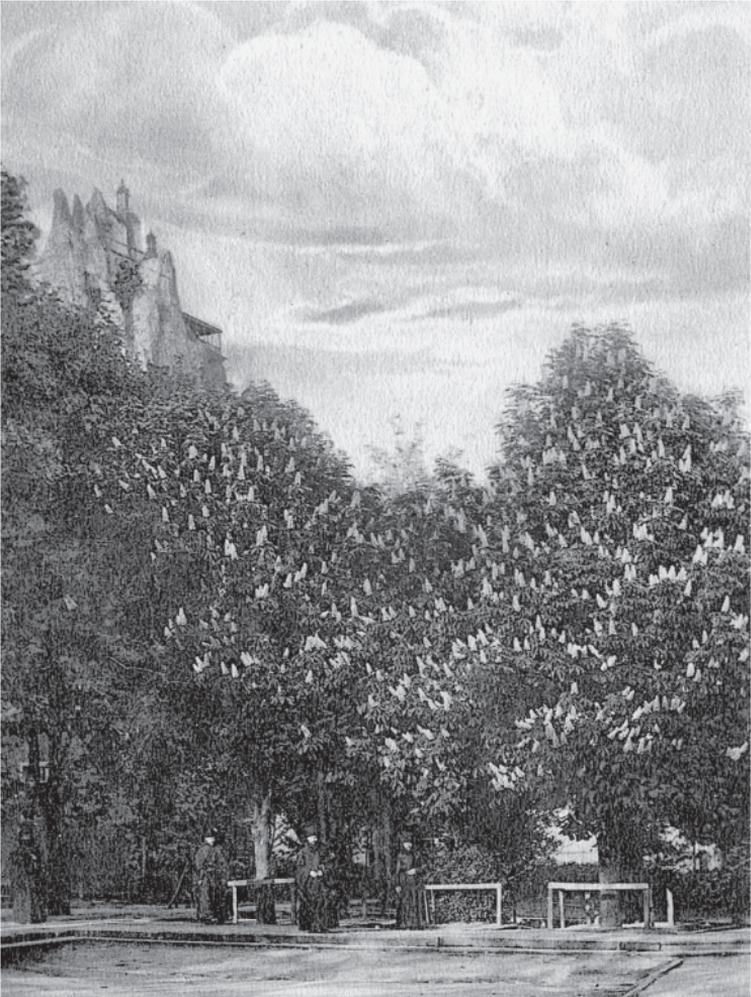
– Да, есть...

– А вы по христіански – забудьте.

– Да что же забывать-то, дурнаго ничего.

– А хорошему отдавайте справедливость!..

Мы, черноризцы, столько разъ уже были обруганы, что похвала намъ въ диковину. Свѣтскіе

Каштаны в монастырском дворе XIX в.

писатели представляют насъ въ родѣ... какъ бы нечистыми свиніями. Это – не точно...

Во всякомъ дѣлѣ есть разныя стороны... А вы наблюдайте свою совѣсть, еже бы всякое дѣло творити съ благословеніемъ и по совѣсти благо!.. Но только иногда и ругать насъ слѣдуетъ. Преимущественно же за чревоугодіе. Вотъ вашъ спутникъ сообщитъ вамъ, что я, напримѣръ, очень пуншъ люблю.

– Какой же это пуншъ? Налъете воды въ стаканъ, выполощите, потомъ воду за окно и доливаете до верху ромомъ.

Монахъ расхохотался.

– Бѣдная монашествующая братія! Во всемъ скудость, во всемъ претерпѣваемъ лишенія... Даже и в водѣ себѣ отказываемъ...

Мы улыгнулись.

– Ну что жъ, на пасѣку? спросилъ меня мой спутникъ.

– А вы на пасѣку... нашего полковника посмотрѣть желаете? Чудо-юдо монастырское.

– Почему-же чудо-юдо?

– Настоящій военный полковникъ и черноризецъ. Пчель во фрунтъ ставить и маткамъ ихнимъ по всей формѣ ученіе производить.

До пасѣки было недалеко.

Мы въ часѣ дошли туда.³³ Едва достучались. Пасѣка плотно обнесена заборомъ; видимо хозяйство истовое, тщательно охраняемое... За заборомъ, посреди пасѣки, простая крестьянская изба, на двѣ горницы. Въ одной – глубокое кресло, въ креслѣ – помагающій бровями на, монаховъ, полковникъ черноризецъ. Это и есть намѣстникъ пасѣки. Блѣдное, безкровное лицо... одутловатое. Чрево большое, но видимо не отъ излишества, а отъ недуга... На столѣ „Сынъ Отечества“ и нѣсколько носовыхъ платковъ. Большой кіотъ въ углу. Подъ образами орденна висятъ, боевые, съ мечами. Чуть-ли даже не георгіевскій крестикъ бѣлѣть... Въ комнатѣ душно. Мухи чувствуютъ себя хозяевами и безцеремонно звенятъ по стекламъ... Пахнеть воскомъ и медомъ... Полковнику и черноризцу, не смотря на жару, очевидно холодно. Закутался во что-то теплое и ноги завернулъ одѣяломъ... У него трое монаховъ.

– Адъютанты мои! – старается онъ улыбнуться; но улыбка на этомъ безкровномъ лицѣ является на столько странной, что сама, помимо воли черноризца, сбѣгаетъ прочь.

– А армія моя изъ трехъ сотъ колодь состоить! – столь же неудачно шутить полковникъ.

И опять молчаніе, и опять мухи бьются въ стекла и звенять тамъ.

Получили, наконецъ благословеніе осмотрѣть пасѣку.

Вся она на вершинѣ горы, невысокой, зеленой... Деревья разбросаны вездѣ. Нѣжная листва ихъ млѣетъ въ солнечномъ блескѣ. Между деревьями пропасть колодь. Миръ и покой царятъ тутъ... Пчела жужжитъ надъ ухомъ. Ласково жужжитъ – точно привѣтствуя посѣтителей. Адъютантъ, въ бѣлой ряскѣ и черной скуфейкѣ на затылкѣ, озабоченно тыкаетъ въ какую-то колоду... Каждая, обтянута обручами и накрыта глиняной чашкой отъ дождя. Пахнетъ первымъ весеннимъ цвѣтомъ. Въ травѣ словно улыбаются голубоглазые барвинки.

– Да. Господь благословилъ. Триста колодь у насъ! И монашествующій адъютантъ снялъ у себя пчелу съ лица. Снялъ съ лица, прилипла къ пальцу.

– Ишь, дурашка малоумная! Чего пристала? Ступай на цвѣтъ Божій – пей росу медвяную... Ступай, ступай, рабъ лѣнивый! И онъ подбро-

силъ ее въ воздухъ. Пчела зазвенѣла и скрылась въ чащѣ.

— Одного меду мы здѣсь получаемъ по 150 пудовъ въ годъ... У насъ еще и другая пасѣлка есть, та подальше. Тоже на триста колодь поставлена... Хорошо у насъ тутъ, а?

Я согласился, что хорошо.

Скуфейка у монаха сползла еще дальше на затылок. Наша обитель первая!.. Такой красоты богоданной по другимъ мѣстамъ нѣтъ!.. И на пасѣлкѣ у насъ раздоль... Ишь, воздуси какія — духовитыя!.. Вы потяните въ себя — всякимъ цвѣтомъ пахнетъ... У насъ и соловьи гнѣзда вьютъ... Вотъ, погодите, къ вечеру начнутъ пѣсни пѣть. Божья птичка чувствуетъ тоже, что здѣсь ей покой... Благословеніе на сихъ мѣстахъ почіеть...

„Соловей гнѣзда не вьетъ, ему нѣкогда“, вспомнились слова народной легенды, — „поеть все“. Удивительно, какъ сказочная правда уживается въ народномъ умѣ съ правдою дѣйствительности. Взаимно противорѣчатъ, а уживаются... На пасѣлкѣ соловьиныхъ гнѣздъ много. То-то пѣсень будетъ...

— Повѣрите-ли, какъ запоютъ, такъ кажется

будто это воздух самый разливается... Глушать. Ну и пчела ихнюю пѣсню соловьиную любить тоже... Другой не терпять, а соловья чтить. Одно только горе у насъ... Въ этомъ году ульевъ пятьдесятъ погибло. Донецъ близко. Въ разливъ пчела летить къ нему. Чабрець-то по разливу раньше всего распускается, пчелка на чабрець и садится. А у насъ весенніе вѣтра шибкіе... ее и гонить въ воду, топить пчелку Божью... Въ одномъ мѣстѣ было – вода отъ пчелы желтая стала!.. Вотъ оно горе-то наше какое. Холимъ, холимъ, молимъ, молимъ, а уберець немощны. Не убережемъ. Пятьдесятъ ульевъ! Теперь бы, глупая, промежь деревьевъ летала, росу медвяную собирала... А потопла – и нѣтъ ее. Охъ-хо-хо!

– У васъ и деревья-то здѣсь чудесныя.

– Мы дикому дереву не даемъ на пасѣкѣ цвѣсти. Тутъ все яблони, груша, слива, вишня, черешня, абрикось. Какъ зацвѣтуть, да пустять духъ свой по вѣтру, такъ по вѣтвямъ змѣя и ищемъ. Врага рода человѣческаго.

– Какого змѣя?

– Потому ужъ очень на рай земной похоже... Пчела тоже станетъ ласковая, цвѣтовъ

ей въ волно... Сытая летить, тяжелая!.. Звенить густо; довольна, значить.

Отсюда внизъ заглядѣться можно.

Ниже фруктовыхъ деревьевъ, густолѣсье дубовое. Лощины къ самому долу спускаются, гдѣ „святое мѣсто“ съ келіями схимниковъ. За святымъ мѣстомъ – Донецъ мерещится. Хоть и не близко – а смутно поблескиваетъ... Нѣтъ, нѣтъ, да и повѣть оттуда прохлада.

– Одно намъ не хорошо, дятлы одолѣли, продолжалъ монахъ. – Вотъ, попозже, услышите, точно ворота скрипятъ. Просто извести бы всѣхъ, да тоже твореніе Божіе, тепла и свѣта хочеть... А вотъ вы послушайте у улья, – приложите ухо, – какъ наша пчела, мудрая, разговариваетъ.

Въ ульяхъ дѣйствительно шумѣло, точно тысячи пчель вели между собой бесѣду.

– Она – птица Божья – пчела, умная. Ей разговоръ данъ. Она такъ въ улью не сидитъ, а все гу-гу-гу... Шумить... Гдѣ летаетъ, что видить – обо всемъ рассказываетъ... Ну и другія ей тоже.

Онъ открылъ одинъ улей и показалъ, какъ роются и возятся пчелы.

Въ сторонѣ теплый сарай. Это пчелиное жильё на зиму. Въ колодахъ, которыя приносятъ туда, оставляютъ имъ достаточно меду. Не выдаютъ всего. Пчела за зиму изморится такъ, что какъ вылетитъ весной, такъ сначала только наружные стѣнки сарая облѣпить и сидитъ. Дышетъ воздухомъ вольнымъ, къ свѣту опять себя пріучаетъ, крылья потомъ пробуетъ. И звенитъ же какъ первый разъ въ лётъ уидеть! Около сарая – печь для вытопки меду, и восчина на простыняхъ.

– А ихнюю пчелиную трапезную желаете видѣть?

Повель въ тѣнь. Звонъ тамъ стоитъ и гамъ. На солому выставлены двѣ колоды съ варенымъ медомъ. Тутъ пчелы ѣдятъ, тутъ же и жучки разные возятся, и всякая муха на монастырскій счетъ продовольствуется... Кишмя кишать.

– Словно богомольцы! Каждый свою порцію получай – безъ запрету.

– Отчего вы не заведете нумеровъ для улья. Омѣчать рожденія, ходъ... вспомнилъ мой спутникъ профессорскія лекціи.

– Зачѣмъ это? – поднялъ брови монахъ.

– Порядку больше, правильнѣе дѣло... И

онъ сталь пояснять ему.

– Ну ихъ! – отмахнулась скуфейка. – Тоже и человекъ вотъ... Дадутъ ему имя, а онъ взялъ да померь!.. Вотъ тебѣ и имя, и число! Нѣтъ, ужъ мы здѣсь по Божью – безъ науки...

Въ корытахъ около – вода для пчелъ. На водѣ мохъ, чтобы пчела, пивши, не тонула...

– Теперь что... теперь тутъ гуляй сколько угодно. А вотъ какъ цвѣтъ облетить, да жары начнутъ, тогда наша пчела страсть кусается... Собаченка тутъ есть, Шарикъ, и та не сидить – уходить. А еще хуже пчелѣ, если отъ кого табакомъ пахнетъ; жалить и на цѣлые версты гонить прочь. Обороняетъ отъ дурного запаху свое царство. Она тоже монашенка, отшельница... Любить духъ отъ цвѣтковъ Божьихъ. А зелье это ей смерть! Если водкой отъ кого, еще хуже! Цѣлымъ роємъ кидается и закусываетъ... Въ пасмурный день пчела сидить смирно.

– Мѣсто у васъ тутъ не мѣдное? Липу бы посадили.

– Рѣчка даетъ „взятку“. Тамъ, по берегамъ, всякой поросли гибель. Пчела наша даже съ вербы внизу взятку беретъ. Верба раньше всего распускается... А потомъ уже съ клена, съ чер-

ноплины. Съ липы взятокъ идетъ уже потомъ, какъ зацвѣтаетъ она.

Пока мы ходили по пасѣкѣ, на небо набѣжали тучи. Зелень точно потемнѣла... Потемнѣла и лощина, идущая къ святому мѣсту внизъ. Гуще запахло цвѣтами... Маслистый запахъ даже въ голову бьетъ. Точно надъ букетомъ дышешь... Вонь, между колодами, сидитъ монахъ въ бѣломъ подрясникѣ и въ сѣткѣ. Видимо въ улыбѣ возился да и заснулъ тутъ же, благо тѣнь отъ черемхи падаетъ сюда. Теперь ужъ тѣнь на другое мѣсто перешла и косымъ лучемъ солнца, прорвавшимся сквозь тучи, прямо въ лицо ему бьетъ. Но разоспавшемуся иноку еще слаще. Дышетъ не надышется; взброситъ голову, удивленно раскроетъ глаза, потянетъ въ себя запахъ цвѣтовъ и опять смыкаются вѣки... Тучи скоро совсѣмъ заполонили небо... Шибко-шибко бѣгутъ. Пчела отовсюду къ улью летитъ. „Ишь, грузная“, – словилъ одну на лету адъютантъ въ скуфейкѣ... Ну лети, лети, божій работничекъ! – взбросилъ онъ ее на воздухъ... Прокатилось въ тучахъ, ударилъ громъ... Разомъ какъ-то, неожиданно... Пчелы попрятались. Зашумѣло в зелени. Точно проснулась дремавшая листва и давай перешеп-

тиваетея. Запрыгали капли дождя по лѣсной чашѣ. Сбѣгаютъ по листвѣ, на головы намъ катятся... А вдали, уже опять солнце во всю. Другимъ, золотымъ дождемъ брызжетъ. Сѣрыя тучи сползаютъ, и черезъ нѣсколько минутъ отъ всего этого грома и дождя только благодатная свѣжесть въ воздухѣ, да блескъ на только что обмытыхъ листьяхъ... Кое гдѣ капли висятъ; въ каждой изъ нихъ, солнечные лучи дробятся.

Мой спутникъ, адъютантъ въ скуфейкѣ, оказался поэтомъ. Посмотрѣлъ на эти сіяющія капли и произнесъ:

— Такъ и въ каждомъ помышленіи человѣческомъ должно слово Божье отражаться, какъ солнышко въ этихъ росинкахъ... Она, пчелка эта, умная продолжалъ онъ. — Случается, непогодой колоды повалить. Весь медъ можетъ вытечь. Такъ нѣтъ же, пчелка не позволить... Вся по краю бросится, облѣпитъ такъ, что капли не пропадетъ. Земль-матушкѣ ничего не достанется.

Въ хорошія темныя ночи чудесно спитъ этимъ монахамъ на пасѣкѣ. Пчела гудеть въ ульяхъ и подъ этотъ гулъ, наполняющій всю пасѣку, сами собою смыкаются вѣки. —

„Повѣрите ли и во снѣ она снится!“

Попробоваль настоятель Святогорья взять этого монаха съ пасѣки въ обитель. Затосковаль по пчеламъ, заболѣль даже. Въ церковь придетъ, пѣнія не слышитъ. Все ему чудится, что пчела гудеть это. На берегъ Донца сунется, пчелки летять мимо, разговариваетъ съ ними, плачетъ... Совсѣмъ было рехнулся. Должны были его вернуть назадъ.

– Какъ вернулся на пасѣку, такъ точно на свѣтлый праздникъ попалъ!

– И пчелки меня узнали, рассказываль онъ, – звенять кругомъ, на руки садятся! Мы вѣдь съизмала пчеловоды. Курскіе мы. Только у насъ пчела еще посильнѣй будетъ. У насъ съ улья пудиковъ по пяти медку съимать случается. За то здѣсь пчела безгрѣшная, священная пчела.

– Это какъ?

– Какъ улей сажаемъ, богоявленской водой его кропимъ... Ну и потомъ молебны служимъ, каждый вечеръ молитвы читаемъ. Тутъ пчелка благословенная!

Мы стали прощаться.

– Семь-ко я васъ провожу. Въ обитель я рѣдко захаживаю, что тамъ мнѣ дѣлать. Отсталъ

отъ монашествующей братіи совѣмъ. Пчелка умнѣе человѣка, она даромъ не обидить; если куснула, значить, есть за что. Она маленькая, а только зорко въ глазахъ человѣческихъ видитъ. Иное помышленіе отъ себя самого спрячешь, а отъ нея не уйдетъ... Подсмотреть... Что пчелка, что муравель – оба божьи; муравлевъ мы стадомъ божьимъ называемъ здѣсь. Ихъ Господь пасеть. Вонъ, по дорогѣ, вы ничего не видите?

– Ничего.

– Гречиха, это такъ валяется по вашему?

На пути дѣйствительно были разбросаны щепотки гречихи.

– Это агнецъ Божій, муравель. Дождемъ гречу смочило, солнце опять проглянуло, они и вынесли сушить... Ну прощай, дай Богъ!

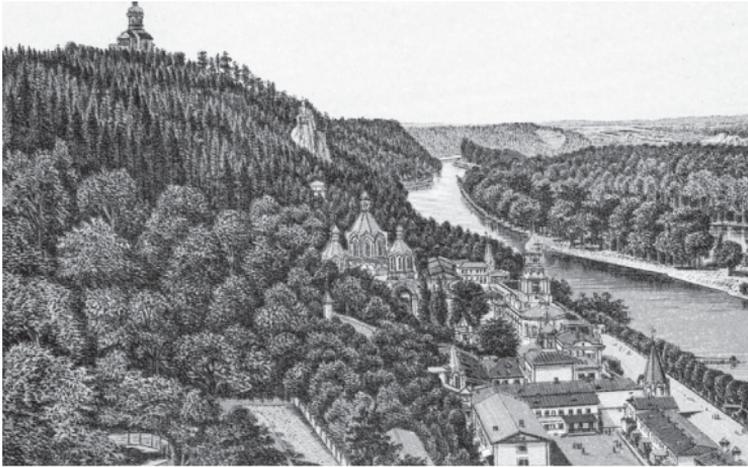
ХІІ.

Съ мѣловыхъ скаль.

Мокрый галереѣ, по подземнымъ ходамъ, которые будутъ описаны ниже, по чернымъ норамъ, гдѣ до сихъ поръ кажется пахнет схимниками и слышится звонъ ихъ желѣзныхъ веригъ, выбрались мы, наконецъ, на самыя вершины мѣловыхъ скаль Святогорскихъ. Я видѣлъ Соловецкіе острова — съ Анзерской горы, Заволжье — съ откоса въ Нижнемъ, понораму Урала — съ Растеса, Заднѣпровье — съ Кіево-Печерскихъ высотъ, волшебныя равнины Аваріи и Кой-су, цѣлое море Балканъ — съ орлинаго гнѣзда на св. Николаѣ, счастливыя долины Гирловскаго султанства — съ Дервишь-горы, — но

если бы теперь мнѣ еще разъ пришлось полюбоваться на эту громадную картину съ мѣловыхъ скалъ Святогорскихъ, я несомнѣнно многое забыть бы ради нея.

Горизонтъ безъ предѣла. Словно на ладони, все на восемьдесятъ верстъ впередъ. Внизу, подъ самыми ногами, извивается серебряная чешуя Донца. Берег опушенъ точно садами... Налѣво, на гористомъ берегу, хмурятся темныя сосны; внизу, въ долину нѣжная весенняя зелень, совсѣмъ пуховая, окутала чѣрноплены, дубы, ясень, липы и клены. Точно мягкія зеленныя облака приникли тамъ и дремлютъ на этой красивой глади. На лѣво, на скатѣ, золотятся кровли села Богородичнаго; прямо прелестная просѣлка къ церкви села Студенокъ. Еще ближе въ ту же сторону желтѣетъ село Банное.³⁴ Далеко, далеко, изъ за лѣсу, лиловый дымокъ подымается; тамъ лѣсопильный заводъ обители. Направо – лѣса за лѣсами, одни смутнѣе другихъ; кажется, что неопредѣленнѣе очерковъ и прѣдставить себѣ нельзя, а всмотришься, за ними мерещатся еще болѣе туманныя. А тамъ, на краю неба, синева погуще – опять лѣса, но ихъ уже только чувствуешь, но не видишь...

Вид на монастырь с восточной стороны

Ближе къ намъ, песчаная отложина берега, сверкающая какъ золото, и множество озерковъ, словно серебряные и голубые щиты, разбросанные по равнинѣ.

Все это остатки недавняго разлива. Подъ самыми ногами — весь монастырь. Голова кружится, когда смотришь съ этой высоты. Колокольни снизу точно тянутся къ тебѣ, точно хотятъ подняться до этихъ мѣловыхъ скалъ. Лодочка на рѣкѣ. Муравей-рыболовъ топорщится тамъ. Направо, далеко-далеко, бѣлая вилла Потемкиной чуть прорѣзывается на зеленомъ скатѣ. Гдѣ конецъ этому горизонту? Гдѣ рамки

Вид на село Банное с меловых скал

этой картины? Мѣловыя скалы снизу кажутся орлиными гнѣздами. Сверху только чувствуешь себя подавленнымъ этими громадными, гнетущими воображеніе, массами. Бѣлые, режущіе глаза спуски съ коричневыми пятнами лишаяевъ изрѣдка.

Послѣ дождя разорались лягушки, крики ихъ даже здѣсь все заглушаютъ. Какіе то особен-

ные, точно миллионы утятъ шумягъ на болотѣ. И соловьевъ не стало слышно. Каждое озерко гремѣло и орало. Когда глазъ привыкъ уже, насмотрѣлся на всю эту даль, то сталъ приглядываться къ ея деталямъ. Вонъ бѣлыя точки барановъ... Вонъ бѣлыя искры внизу, – это гуси движутся къ Донцу, въ который точно опрокинулись и не могутъ наглядѣться пышные берега. Толпы народа снуютъ по монастырскимъ дворамъ, точно муравьи роются тамъ!

– Теперь еще не такъ красиво! – слышалось за мною.

– Почему? – даже и не оглянулся я.

– Нужно попозже. Когда груша, яблоня и вишня распустятся внизу. Тогда истинно нерукотворная краса Господня!

Рядомъ съ нами, на одной высотѣ взмываетъ орелъ. Широко раскинулъ мощныя крылья сѣрый хищникъ. Клювъ внизъ. Глаза зорко впились въ зеленую чашу... И что за воздухъ здѣсь! Послѣ дождя, тысячи благоуханій курятся вверхъ, какъ раскрытыя кадила.

– Вы на наши скалы воззритесь.

Массы голубей сидѣли на ихъ уступахъ. Снимется которыйнибудь, распуститъ хвостъ

вѣромъ, опишетъ громадный кругъ, какъ серебряный комокъ, сверкая на солнцѣ, и опять домой – на мѣловую скалу. Мѣль этихъ утесовъ бѣль и чистъ. Спайки кремневой породы прорѣзываются наружу, точно по этимъ снѣжнымъ массамъ ползутъ темныя змѣи. Кое-гдѣ видны черныя квадратики окошекъ. Неужели тамъ за ними, жили люди? Въ этой тѣмѣ? Зато какая чудная понорама творенья Божьяго раскрывалась передъ ними. Черныя окошки и вверху, на самыхъ лысинахъ утесовъ.

– Какъ могли забираться туда?

– Еще недавно жили.

Я оглянулся; до, тѣхъ поръ было не до того.

Красивое блѣдное лицо подъ чернымъ клубкомъ. Изможденное. Вдумчивые, печальные глаза.

– Антонинь!.. – рекомендуется монахъ. – Еще недавно жили, продолжалъ онъ. – Вонъ, видите, на гладкой совсѣмъ скалѣ, что надъ пропастью нависла, какъ бы малое логовище звѣриное. Кажется, на крыльяхъ только и можно туда подняться. Ну, а тутъ пустынникъ спасался. Прочтите о немъ, въ описаніи нашей

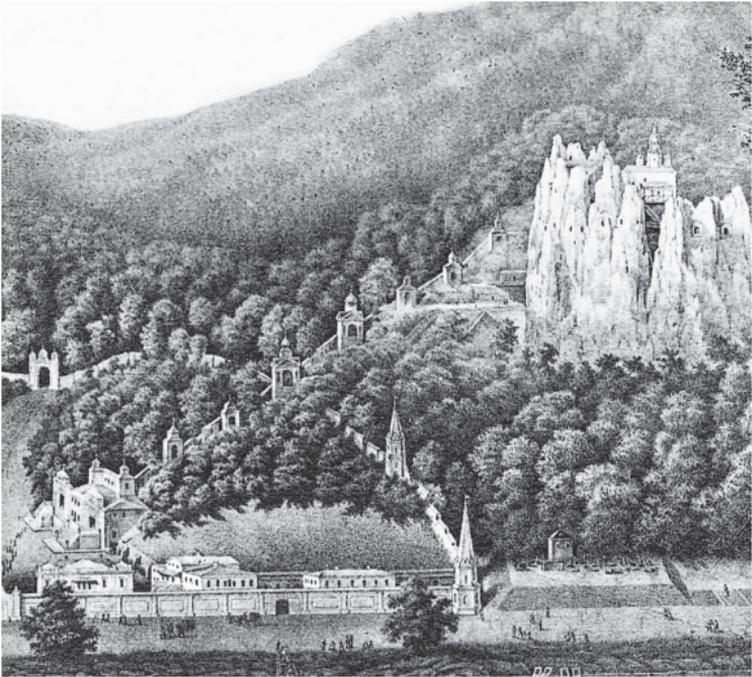
обители есть рассказ архимандрита. „Трудно повѣрить, если бы мы сами не были тому свидѣтелями, что тутъ жилъ, даже при насъ, тайный отшельникъ, и мы около полугода о томъ не знали.

Удивлялись только, что устье пещеры этой было черно, и видали иногда какъ бы струю дыма, изъ него исходившую.

Однажды подстерегли, впрочемъ, человекъ, но онъ тотчасъ скрылся во тьму своего логовища. Я самъ пришелъ сюда и сталъ умолять невѣдомаго раба Божьяго выйти изъ его вертепа, дабы не навлечь непріятности только что зарождавшейся обители, если въ ней будутъ скрываться неизвѣстные люди.

Долго не было отвѣта на мои увѣщанія, какъ вдругъ, къ общему изумленію нашему, внезапно явился изъ устья пещеры сухой, изможденный человекъ, еще не старій, въ одной сорочкѣ. Легко перепрыгнулъ онъ черезъ пропасть, изъ своей пещеры, на остріе противоположащаго утеса, влѣзъ на нашъ балконъ и, молча поклонившись намъ, удалился. Такъ и не узнали, кто онъ“.

Чѣмъ это не отшельникъ Оиваиды? Чѣмъ

Вид Святогорского монастыря в 1850 г. Литография
не подвижникъ первыхъ вѣковъ христіанства въ
Палестинѣ?

Глядя на эти бѣлыя вершины, дѣйствительно
повѣришь тому духу уединенія, который, подъ
этимъ аѳонскимъ небомъ, объемлетъ пустын-
ножителя святогорскаго. Не захочется самому
внизъ, къ этимъ кучамъ муравьевъ, что суетятся

тамъ въ непрестанной заботѣ о прибыткѣ, что мучаются и волнуются тревогами о мѣдномъ грошѣ. Эти скалы, впрочемъ, и на окрестное крестьянство дѣйствуютъ также. Однажды, возвращаясь отъ утрени, монахъ замѣтилъ на одномъ изъ остроконечныхъ утесовъ, самомъ высококомъ, какъ будто человѣка „съ развивающею отъ него хартію“.

Вид на монастырь из-за Донца

– Меня объялъ ужасъ. Не мечтаніе-ли бѣсовское! – объяснялъ монахъ.

Спрашиваетъ у келейника, и тотъ весь блѣдный... Тоже, значить, увидѣлъ.

Братія на другую, доступную скалу двинулась. Подошла поближе. Видить, стоитъ на

той ближняго села мужикъ, одержимый луна-тизмомъ. Какъ онъ взобрался – никому не въ домекъ. Приступу – ни откуда! Сперва онъ стоялъ, потомъ сълъ, такъ что изъ-подъ него камни посыпались. Сталь громко кричать: „ожидая благодати свыше“, а по вѣтру развивалась длинная „разрисованная хартія“, которую онъ повязаль себѣ на шею. Боялись назвать его по имени, чтобы не очнулся и не упаль въ пропасть. Принесли шесты и веревки, дабы его спустить какъ нибудь. Черезъ полчаса онъ очнулся и, въ ужасѣ схватившись за скалу, сталь вопить и умолять, чтобы его сняли. Кое-какъ добросили ему веревки, которыя онъ обмоталь за вершину скалы и спустился оттуда съ чрезвычайною опасностью.

– Я и до сихъ поръ не понимаю, какъ онъ могъ влѣзть туда, прибавиль монахъ. – Только птицѣ доступно.

Мнѣ самому казалось, когда я смотрѣль отсюда внизъ, что надъ всею этою гладью воздушный корабль несеть меня въ синевѣ теплаго воздуха. Вотъ, вотъ надвинется онъ на Донецъ, оставить его за собою.

И голова кружилась, и въ вискахъ стучало.

Внизъ отсюда идутъ крытыя галереи. Кое-гдѣ онѣ лѣплятся по каменной породѣ. Направо и налево щелятся черныя трещины. Грузинъ попался намъ на встрѣчу. Какъ онъ попалъ сюда! Молится на каждый крестъ, кланяется чуть не въ каждое окно святынямъ обители. На камнѣ держатся кое-какъ громадныя деревья. Корни разбросали по щелямъ. Трескается камень подъ ними. Темная чаща заслонила солнце. Точно въ царствѣ изумруднаго блеска идемъ мы назадъ. На встрѣчу артель тульскихъ рабочихъ. Какъ и слѣдуетъ быть, туляки разинули ротъ и дивуются.

— Ахъ, ты, Господи! Монашки-то, монашки... Гдѣ прилѣпились, а?³⁵

— Чудеса.

— На воздушяхъ. Примѣрно, какъ птица. А?

— Что ужь...

— Куда вы, братцы, пробираетесь?

— А на Украину. Найматся... Роба!.. Во ёнь какой!

— И звѣря же лютая!

— Съестъ онъ ее?

— Какъ не съестъ. Читай-ко!

— Святая мученица Перепетуга.

– Ну, на то она мученица, чтобы звѣрь ее съиль. Это ужь такъ, братцы, положено. Безъ этого тоже не обойдешься.

– А другихъ калеными щипцами! Я тоже, робя, видалъ.

– И калеными. Не то, что ноне... Ноне больше въ морду влетаетъ!

– Претерпѣвый до конца – спасется! гудить издали бась монаха.

Посмотрѣль и я на картину, которую разглядывали туляки, и, не взирая на святость мѣста, засмѣялся. У льва проборъ на боку и виски впередъ зачесаны. Оказалось, что это видѣніе св. Перепетуи. Дальше – христіане, отданные на съѣденіе дикимъ звѣрямъ: лвамъ и тиграмъ; въ этой же компаніи преспокойно прогуливается корова! Подъ картиною надпись, ни съ того, ни сего: – „Узкія врата и тѣсень путь, вводяй въ животь, и мало ихъ есть, иже обрѣтають его. Такъ узка и прискорбна добродѣтель. Всѣ мы должны блюсти себя опасно, чтобы не угрызь насъ прелестный змій, т.е. гордость, невоздержность, чревоугодіе, лакомство, піанство и блудъ! Сіи прелестныя страсти змѣвы – суть власти, и различныя крюки – суть грѣхи. Всякъ

самъ себя блюди и, съ помощію Божіею, по златой лѣстницѣ въ рай иди. А кто полезнаго вамъ желаетъ, о томъ Бога молить подобаетъ“.

– Вотъ такъ грамота, братцы! – восхищались туляки. Ишь ты какой?.. тыкаль одинъ въ прелестнаго змія.

– Времена были.

– Ноне, братъ, хуже.

– Ну!

– Что змій! Перекстился – и нѣтъ его! А ты вотъ откстись-ко отъ становаго.

– Отъ становаго не откстишься.

– Оно и есть...

– А то тоже – прискорбна добродѣтель!.. Ень, братъ, какъ всыпеть...

– Какъ не всыпать. Будь спокоень! Съ легкимъ сердцемъ всыпеть.

– Ну, то-то! Ень, братъ, угрызеть. Тутъ, братъ, не соблюдешь.

– Блюди себя, опасно сказано...

– Ень тебѣ покажетъ! А то змій!.. Что змій!

Когда мы сошли внизъ, въ темное царство дубоваго лѣса, – уже смеркалось. Съ противоположнаго берега Донца доносилась пѣсня. Я прислушался.

Ой якъ міні моя мати
Важко не вздохати,
Пригнавъ чумаць сімь парь волівь
Та-й ставь запрягати...

Голось былъ звонкій, высокій. А тутъ соловьи гремять... Къ сердцу приростало это благодатное Святогорье. Всю ночь почти я бродил надъ рѣкой, любуюсь, какъ мѣсяць съ высоты обливаеть нервно вздрагивающимъ, словно зыблющимся свѣтомъ, мѣловые скалы Донецкой Оиваиды.

ХІІІ.

Прежде и теперь.

Въ крѣпостное время, богомольцевъ у насъ бывало очень немного, не пускали помѣщики. Въ первый-же годъ по освобожденіи повалили тысячами. Тоже умножилась и братія, поясняль мнѣ отецъ Антонинъ, съ которымъ я познакомился на мѣловыхъ скалахъ.

Вообще, нынче народъ сталъ гораздо религіознѣе и нравственнѣе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ весь монастырь. Прежде въ округѣ обители было гораздо больше преступленій; хотя дальше становыхъ значительная часть ихъ не шла. Теперь же каждому даютъ ходъ — формалистами стали, оттого и

кажется много. Прежде за воровство и грабежи и за болѣе мелкіе проступки драли у становыхъ на дому, теперь обо всемъ протоколы и судбища. И откупались прежде гораздо чаще. Оттого послѣднее время и кажется слишкомъ чревато преступленіями. А въ сущности, подѣ влияніемъ новыхъ учрежденій, народная нравственность значительно поднялась. Реформы воспитали народъ; это лучшій аргументъ къ посрамленію тѣхъ, которые любятъ ссылаться на нашу неподготовленность, на необходимость медленности въ преобразованіяхъ.

— Вы посмотрите: у насъ богомольцы, не только сами молятся, но и за незнакомыми слѣдятъ, чтобы молились. Въ обители заспать другъ другу не дадутъ. Булавки не пропадетъ. Въдь паспортовъ не спрашиваемъ. Воры приходятъ, бѣглые притекають, но все и всегда цѣло. Не шалятъ у насъ.

— А и бѣглыхъ случается, значить, встрѣчать?

— Что-же, потупился монахъ: — это по мірскому они бѣглые, а по нашему — нѣтъ. Такіе еще нужнѣ Богу. Обремененные! — вотъ кто они по нашему. Судьи земные ихъ злодѣями

нарекають, а Отець Небесный говорить: азъ упокою вы... Такого спасешъ, ему Господь-то больше еще радуется, чѣмъ девяносто девяти праведникамъ. Я помню, въ одной обители монахъ былъ, праведнѣйшей жизни старецъ, всѣмъ инокамъ примѣръ, а въ міру за грабежъ сколько разъ судился – сосланъ былъ. Съ сытой жизни не бѣгаютъ; кому жить хорошо, тотъ за темничные затворы не попадетъ. А кому жизнь омутъ, кто жизнью обиженъ – того укрыть надо, упокоить... Развѣ онъ виноватъ... Совсѣмъ ожесточенныхъ – нѣтъ. Такіе только въ книгахъ свѣтскихъ, да у прокуроровъ нашихъ на языкѣ. Иуда Искаріотскій, на что злодѣй, а и тотъ какъ каялся. Самъ себя смертью покаралъ... Неть – мы не спрашиваемъ: откуда и кто. Зачѣмъ? Пусть въ каждомъ человѣкѣ совѣсть проснется. Какъ ласково съ нимъ обойдутся – сейчасъ опамятуется. Разбуди его душу, какими она кровавыми слезами заплачетъ!.. Все смоетъ, всякій грѣхъ... Ни вотъ эстолького пятонущка не останется; потому нѣсть грѣха, превышающаго милосердіе Божіе!

– Сколько у васъ всего богомольцевъ перебываетъ?

– Да въ годъ тысячь до восьмидесяти. Къ одному Николину дню тысячь пятнадцать сойдутся, да къ Успеневу столько-же. А вотъ хотите убѣдиться, когда было лучше людямъ, при помѣщикахъ или теперь?

– Хочу.

– Спросимъ-ко вонъ хохла.

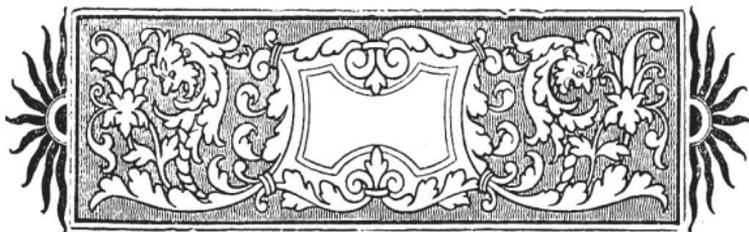
Спросили. Тотъ глубокомысленно почесаль традиціонный чубъ, уставился внизъ, подумаль, подумаль и наконецъ разрѣшилъ:

– Прежде мы чоботь не носили и жили хуже, потому на пана работали, и работали съ утра до ночи. У насъ паны были злыдни... Донимали... Ну, а нынѣ, слава Богу, оправились.

– Ну а пьете больше?

– И пить меньше стали. Прежде дѣвка – панская была, а баба – наша. А нынче все наше.

XIV.

Святогорскій Эдиссонъ – отецъ Антонинъ.

Отець Антонинъ, съ его умнымъ лицомъ и задумчивыми глазами, производилъ сильное впечатлѣніе. Я разговорился съ нимъ; оказалось, что онъ механикъ-самоучка, да не по верхамъ только, а въ самую глубь проникъ. Онъ изъ полтавскихъ купцовъ.³⁶

– Отець у меня суровый былъ, рассказывалъ онъ, – заниматься запрещалъ. Увидить съ книгой – до полусмерти изобьетъ. Прятался я отъ него, чтобы учиться; бывало ищешь, гдѣ такая щель, куда бы съ книгой уйти. Бѣгаль я – ворочали. Бросить книгу не могъ. Очень ужъ тянуло ко всякому знанію. Сна себя лишалъ,

день деньской какъ тѣнь слонялся. Сталь онъ слѣдить, горить-ли у меня огонь въ горницѣ. Что было дѣлать! Отдѣлиться нельзя; такъ убѣжать – безъ паспорта куда пойдешь? Время жестокое было. И задумаль я уйти въ монастырь, чтобы учиться на просторѣ. Призванія настоящаго иноческаго не было. Говорю отцу, что въ обитель желаю. Побиль, побиль, но все-таки не совладаль, отпустиль. Архимандрить Арсеній тогда правиль; ну, тотъ помогъ. Работай, говорить...

Только работать-то ему и здѣсь вышло не совсѣмъ способно. Камень преткновения – монастырскій уставъ. Онъ вовсе не даетъ простора такимъ талантамъ. Слѣдуетъ прежде всего смирать гордыню. Изобрѣль что человекъ – его сейчасъ-же смирать, чтобы не вздумаль превозвестись. Для этого разныя цѣли есть: можно положить на время запретъ работать, или послать потрудиться на задній дворъ и чисто физическимъ, къ тому же не совсѣмъ чистоплотнымъ занятіемъ – обрѣзать крылья. Или унижить чѣмъ нибудь, да такъ, чтобы превозносящійся голову опустилъ пониже и червемъ себя счель, червемъ ползушимъ и смердящимъ. Ну, а тамъ

опять позволять отрости крыльямъ. Потому что обитатели все-таки польза – хоть часы починить или какое нибудь приспособленіе выгодное придумаетъ, сокращающее число необходимыхъ наемныхъ рабочихъ.

– Ну а васъ такимъ образомъ смиряли?

Отець Антонинъ молча опустилъ голову, сморгнулъ слезу и замолчалъ. Видимое дѣло – тяжело человѣку.

Соловьи за окномъ наполняли своими пѣснями душную тишину этой кельи.

– Вы вотъ о мужикѣ говорили. Толкуете, что въ Питерѣ у васъ крестьянина чуть, не обезьяной представляютъ. А по моему, способнѣе народа нѣтъ. У насъ, у купцовъ, дѣти куда не такъ способны. Вот прежде были при монастырѣ поселянскіе мальчики. И у меня ихъ нѣсколько въ мастерской работало. Нахвалиться не могу. Умъ-то, умъ какой! Сразу беретъ. Покажешь ему, а ужъ онъ самъ разовѣсть. Орломъ хватаетъ, воодушевился о. Антонинъ, – даже глаза его загорѣлись.

– Былъ у меня одинъ такой. Чудеса дѣлалъ. Бралъ я взрослыхъ городскихъ слесарей – куда, сравненія нѣтъ! Совсѣмъ дерево – рядомъ съ

нимъ. Самъ сталъ разныя приспособленія выдумывать. Нарадоваться я не могъ на него! Экъ кабы народу да школу настоящую! Я, знаете, тупыхъ мальчиковъ между крестьянами не видѣль. Съ-лету понимаютъ!

– Куда-же этотъ дѣлся?

– Послалъ я его къ нѣмцу – механику одному. Ну, тотъ его встрѣтилъ не больно-то ласково. У меня, говорить, былъ попъ, что тебя крестилъ, только жаль, что не утопилъ! Ну, онъ послѣ того и забросилъ работу, захирѣлъ и спился. А какой малецъ-то былъ!..

Швейная машина разъ уже была упрощена отцомъ Антониномъ. Сосѣдній помѣщикъ взялъ ее въ Петербургъ, съ цѣлью отдать модель профессору Киттарѣ.

– Ну, а въ Питерѣ съ помѣщикомъ этимъ грѣхъ случился, добродушно улыбнулся о. Антонинъ.

– А что?

– Да въ карты онъ шибко игралъ. Продулся и модель мою спустилъ. Такъ все и пропало!

Многое задумывалъ этотъ монахъ, да денегъ не было на исполненіе, ну и бросалъ. О. Антонинъ до того нуждался въ средствахъ,

что одну модель едва могъ выполнить въ три года, выжидая нѣсколько рублей для покупки чугуна. Онъ самъ при этомъ и отливаетъ, и рѣжетъ. Иныя, задуманныя имъ машины онъ долженъ былъ совсѣмъ видоизмѣнять и биться надъ ними, придумывать другія, изъ-за того только, что для исполненія первыхъ у него не было какого-нибудь подпилка или иной, самой простой вещи. Часто ему приходилось отказываться отъ болѣе тонкаго и чувствительнаго механизма и замѣнять его инымъ, по недостатку средствъ. Потомъ, прежде чѣмъ сдѣлать модель, ему приходилось цѣлыми мѣсяцами потѣть надъ приготовленіемъ инструментовъ, которые, за нѣсколько рублей, онъ могъ бы купить въ ближайшемъ городкѣ. Манастыръ въ этихъ случаяхъ совсѣмъ не помогаетъ. Когда онъ изучалъ математику – работать надъ ней приходилось по ночамъ, до утрени. Днемъ надо на обитель трудиться.. Опять какая разница съ Соловками во время моего посѣщенія. Тамъ бы не дали этой силѣ пропасть даромъ!

И въ такой невозможной средѣ отцу Антону пришлось сдѣлать многое. Исходя, напримѣръ, изъ того что главный недостатокъ нынѣшнихъ

молотилокъ это частый ремонтъ, котораго онѣ требуютъ, о. Антонинъ изобрѣлъ свою, не паровую и не сложную, а дешевенькую молотилку, и такую, притомъ, что она сама беретъ хлѣбъ, значительно уменьшая количество труда подающаго ей работника. Изобрѣсти изобрѣлъ, а на модель денегъ нѣтъ.

— Куда дѣваться, куда пойти съ своими изобрѣтеніями! Поневоля опустишь голову! Поневоля сложишь руки и въ монастырскую колею войдешь.

Упростилъ онѣ американскій топчакъ, на колесахъ его сдѣлалъ и механизмъ изменилъ, да все такъ и осталось. Денегъ нѣтъ, осуществить нельзя. Видѣлъ я и часы которые онѣ дѣлалъ ктитору. Совершенно своеобразный маятникъ. Показать нашимъ часовщикамъ — ахнули-бы! Придумалъ онѣ и телѣгу очень оригинальную. Колеса въ ней вертятся вмѣстѣ съ осями и притомъ длинныхъ осей не надо, а довольно короткихъ кусковъ желѣза. Раздобылся на модель, отдалъ кому-то — такъ и забросили.

— Куда не кинь, все клинь! Какъ съ дѣтства мертвою петлею захлестнуло, такъ и до сихъ порь! — грустно улыбается о. Антонинъ.

Додумался онъ до приспособленія пароваго двигателя, такъ чтобы былъ примѣнимъ ко всему, дѣйствуя на всю окружность вала и притомъ безъ мертвыхъ точекъ. Чертежъ составил.

– Ну и что же?

– Да вотъ видите – въ карманѣ ничего. Пожалуй моихъ средствъ и хватило бы на самыя простыя модели, да отецъ умеръ раззоренный, У меня мать старуха, братья, всѣхъ ихъ содержу.

И содержать-то приходится изъ копѣчныхъ средствъ.

Келья у него маленькая, душная. Въ ней не только работать, сложа руки трудно просидѣть. А какъ, напримѣръ, онъ занимается, задавшись чѣмъ нибудь. Пока свою швейную машину изобрѣталъ, пять разъ передѣлывалъ и бросалъ ее, неудовлетворенный. И вся эта масса громаднаго таланта, весь жаръ изслѣдователя, весь каторжный трудъ – ни къ чему. То кто нибудь плодъ его пятилѣтнихъ усилій въ карты спустить, то монашествующая братія найдетъ, что онъ превознесся гордыней, и давай его смирать!

– И какими цѣлями я задавался. Хотѣлось

монашеское званіе возвысить, чтобы всѣ видѣли, какъ иноки работаютъ, чтобы не считали насъ дармоѣдами и тунеядцами!.. Эхъ! Превыспреннія мечты питаль – всю округу поднять, хлѣбопашество наше на иныя основы поставить... и занялся было, ночи просиживаль – а тутъ вдругъ монастырь отдалъ свои земли крестьянамъ изъ трети!

Что за неуголимая жажда труда и знанія была въ этомъ человѣкѣ. А тутъ – *утрени, да обѣдни, да соблюденіе устава монастырскаго послѣдній досугъ отнимають.* Особенно гордится о. Антонинъ часами, которые до сихъ поръ красуются на монастырской колокольнѣ. Часы, эти сдѣланы на диво. Имъ изумлялся даже харьковскій профессоръ, посѣщавшій обитель, но разумѣется, только при одномъ изумленіи и остался. Пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь о. Антонину выбиться. Работаль эти часы о. Антонинъ нѣсколько мѣсяцевъ; отливаль, рѣзаль, точиль, все самъ до послѣдняго гвоздика. При этомъ и тутъ не ограничился готовымъ шаблономъ, но измѣнилъ регуляторъ колокольныхъ часовъ на манеръ хронометра и вышло очень удачно.³⁷

Колокольня над Покровской церковью. В барабане колокольни часы реконструированные о. Антонином

Отцу Антонину пришлось такимъ образомъ изучить самому почти всѣ механическія производства. Онъ и слесарь, и токарь, и мѣдникъ, и литейщикъ. Онъ мнѣ показывалъ цѣлую груду изящныхъ чертежей – все его проэекты. – Я не знаю челоѡька, разсказь котораго произвелъ бы на меня болѣе гнетущее впечатлѣніе. Отець Антонинъ – монахъ съ 18 лѣтъ.³⁸ Двадцать шесть лѣтъ вѣры въ свое призваніе и разочарованій, новыхъ увлеченій и новыхъ ударовъ! Работникъ подь рясой іеродіакона! Вотъ они, эти мученики труда и мысли! Говорятъ, золото и въ грязи видно, истинные таланты не пропадаютъ. Загляните-ко вы въ наши захолустья, да посмотрите, сколько тамъ гибнетъ талантовъ и знанія. И какъ еще гибнетъ – безъ слѣда, безъ толку!

Душная келія... Смиряющіе монахи... Работа безъ гроша денегъ! Идеи безъ исполненія! Свѣтъ, гаснущій въ невѣжественной средѣ. Мечта о счастьѣ миліоновъ людей и тачка съ навозомъ, которую тебя заставляютъ возить, чтобы ты не превозносился гордыней. «Да, горька твоя участь, русскій Эдиссонъ! Вѣдь это живая душа бьется, вѣдь это живое сердце обливается кровью. Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ

о.Антонина, прошло уже четыре года. Что съ нимъ? Работаетъ ли онъ прежнему? Борется ли онъ? Или уже померкли эти грустные, пытливые глаза, совсѣмъ высохло и стало иконописнымъ это живое лицо, лицо, озарявшееся талантливою мыслью? *Закостенѣль; усталъ и закостенѣль челоуѣкъ... и... сдѣлался совсѣмъ монахомъ.*

Нѣтъ, лучше смерть!

Еще разъ – горька, страшна твоя участь, русскій талантъ!

XV.

На дачѣ графини Потемкной.³⁹

Совсѣмъ итальянская вилла!

Пріютилась на горѣ и закуталась въ благоуханную чашу, точно отшельникъ, бѣгушій отъ міра. Внизу – мирный Донецъ. Обогнулъ онъ выступъ этой горы и бѣжить дальше, чтобъ приласкаться къ мѣловымъ скаламъ монастыря. За нимъ озерки, сплошь охваченныя облаками орѣшника и молодого дуба. Съ верхняго балконавиллы все какъ на ладони, и бѣлые утесы, и самая обитель. Лучшаго пункта нельзя было избрать для картины. Выступы горъ за выступами – и всѣ обрушиваются въ Донецъ. Та же даль, что и съ мѣловыхъ скалъ. Не

наглядишься на нее. Горы справа, точно чьи-то руки, обняли долину и нѣтъ у нихъ силъ разогнуться. Ласкають ее и нѣжатъ. Берегутъ отъ чьего-то завистливаго взгляда. Идилличе-

Дом Потемкиных в Святых Горах

скою прелестью дышуть эти дали. Глазь не разбѣгается, какъ въ Соловкахъ. Вся картина цѣликомъ передъ вами, гармоничная въ своихъ деталяхъ. При всей ея громадности, впечатлѣніе полно и опредѣленно.

Яркія бабочки носятся въ воздухѣ. Подъ легкимъ вѣтромъ, внизу, у самыхъ ногъ, колышутся вершины деревьевъ. Слушаешь и чудится, что это море далекое бьется въ мѣловые берега и катитъ волны по нимъ вплоть до крутыхъ откосовъ.

Вонь, по дорогѣ, точно черные жуки, возы ползутъ. Только видны; скрипъ ихъ колесъ чуть доносится сюда. Выше насъ одно синее небо, да орелъ, широко разбросившій крылья. Подъ балкономъ – бабы-богомолки крестятся на виллу.

– Ишь монастырекъ какой!

– А гдѣ хрестъ-отъ?

– Нѣтъ хреста. Все одно – и безъ хреста мѣсто свято. Ишь, отецъ сидитъ! – указываютъ онѣ на меня.

– Гдѣ тутъ угодникамъ помолиться, святой отче? – обращаются ко мнѣ.

При всемъ великомъ соблазнѣ побыть хоть минуту святымъ отцомъ, я ихъ разочаровываю и они сползаютъ внизъ. Гдѣ-то далеко, должно быть, въ „Банномъ“, поетъ пѣтухъ. Крикъ его донесся сюда. Собаки за рѣкою лаютъ. Плоть по водѣ ползетъ. Кажется, такъ медленно. Пе-

страя толпа насѣкомыхъ гребцовъ на плоту. Вѣтеръ гонить по рѣкѣ зыбь, точно пылью подергиваетъ. Вѣтеръ и до меня добрался, обдаль запахомъ бѣлой акаціи и шумить уже дальше, въ пустыхъ комнатахъ виллы, заботливо приподымая чехлы съ мебели, сметая пыль съ угловъ и будя пауковъ, что заснули въ щеляхъ за своими паутинками.

Какой-то монахъ вползъ ко мнѣ на балконъ. Толстый, благополучный...

– Господи благослови! Я поклонился ему.

– Богу помолиться прѣехали?.. Ну что, въ соборѣ нашемъ были?

– Былъ.

– Ну, слава Богу! Молчаніе...

– Понравилось?

– Да, очень!

– Ну, спаси васъ Богъ!

И опять молчаніе. Только въздыхаетъ, да чрево свое поглаживаетъ, щурясь, какъ котъ на солнце. Наконецъ, видимо, ему надобло безмолвствовать.

– Аще бо пойду посреди сѣни смертныя
– не убоюся зла... (пауза). Яко ты Господи со мною... (пауза). Се бо твой есмь азъ... Зѣвнуть

сладко, сладко.

И опять молчаніе. И опять щурится на солнце.

– Женаты?

– Да.

– Суета... Неоженившийся печется о Господѣ... И давно побрались (на мѣстномъ нарѣчїи – женились)?

– Нѣтъ.

– Оставить челоуѣкъ отца своего и... Новая пауза. Видимое дѣло – лѣнь челоуѣку. – По какому вѣдомству службу прохождаете?

– Не службу.

– Что-жъ такъ?.. При молодыхъ лѣтахъ... И предаде ся волѣ пославшаго его, и изрекоша паки и паки... Благороднаго сословія?.. Такъ!.. Одержимы благочестіемъ, или такъ любопытствуете обитель нашу?... Вы не иновѣрецъ ли? – подозрительно взглянулъ онъ на меня.

– Почему вы думаете, что иновѣрецъ.

– Такъ... Свободный взглядъ имѣете – въ очахъ у васъ препону не замѣчаю... Какъ по вашему кить – рыба или земноводное, и каковымъ путемъ, имѣя глотку столь узкую, поглотилъ онъ пророка Іону?

– Иначе бы и чуда не было!

– Чего?

– Иначе бы и чуда не было, говорю.

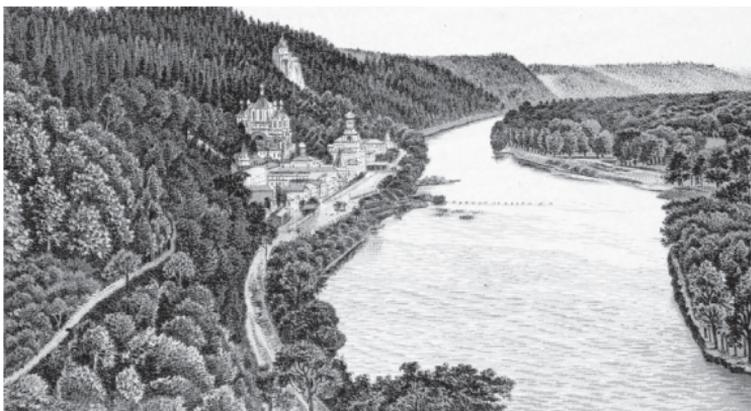
– А!.. Вотъ оно!.. Эге!.. Скажите, пожалуйста... Точно!.. изумился монахъ моей находчивости. – Господь захочетъ – и блоха, на что звѣрь малый, проглотить!.. Это я вамъ испытаніе, въ родѣ какъ бы экзаментъ... Потому нынѣ благородные господа не вѣруютъ. А теперь вижу – вы признаете... Ну, спаси васъ Господь! Такъ-то лучше. Да тихое и безмолвное житіе проживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ... Мѣстоположеніе наше вы какъ?.. одобряете?

– Мѣста чудесныя.

– Точно, предивно; гора – и на горѣ монастырь. Была пустыня мертвая – и нѣтъ ея... По слову пророка: „да возвеселится и да цвѣтеть, яко кринь...“ Вы мнѣ понравились, я къ вамъ благожеланіе питаю... Будете въ обители – спросите Серапіона. Иеромонахъ Серапіонъ. Ну, Господь съ вами!

И опять тишина кругомъ, только скрипъ Серапіоновыхъ сапогъ доносится изъ сада.

Отсюда видно сколько работы парому. Тол-

Вид на Святые Горы из дома Потемкиных

па за толпой стекается къ монастырю. Бѣлыя свитки хохлушекъ ярко блестятъ на солнцѣ, въ перемежку съ коричневыми кафтанами. Тѣмъ не менѣе, не смотря на обиліе народа, крестьянинъ здѣсь далеко не такъ религіозенъ, какъ на сѣверѣ. У воротъ обители покуриваютъ трубочки. Ругань иногда виситъ въ воздухѣ. Даже рабочіе на паромѣ попыхиваютъ табакомъ. Монахамъ запрещено, а богомольцы — во всю. Вонъ лодченка внизу наткнулась на палю и завертѣлась. Сунулся гребецъ въ другую сторону — и наткнулся на корчу.

— Какого стіля эти колонны, по вашему?

Обертываюсь — неугомонный отецъ Стефанъ.

– Коринфскаго, полагаю.

– Почему не инья какія? Можетъ и инья, а? – не воздержался онъ, чтобы не попробовать заспорить. – А вотъ что! Я за вами... Вы желали нашу лавку посмотреть.

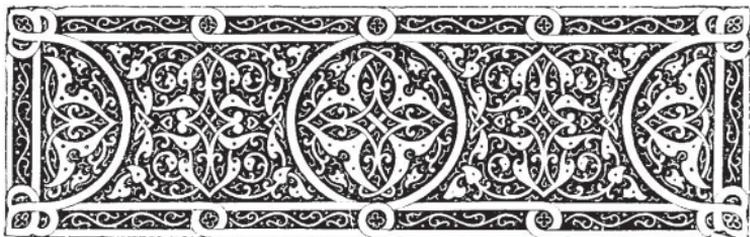
– Ну.

– Пойдемте. Я хотѣлъ отсюда съ балкона снять фотографію, да камерь-обскура мала.

– А хорошо бы.

– Еще какъ! Цѣлый альбомъ видовъ святогорскихъ можно бы составить.

XVI.

Монастырскія – булочная и лавка.

Мимоходомъ зашли въ булочную. Аренду-
еть ее мірянинъ. Хлѣбъ продается скверный,
маловѣсный.

– Что вы монастырю платите?

– Плачу 100 рублей въ годъ. Плачу-то ма-
лость.

– Отчего же у васъ хлѣбъ плохой?

– Контрахтой связал себя. Должень не ина-
че, чтобы муку у монастыря брать. Мнѣ и
даютъ; только вмѣсто семи рублей за четверть
тринадцать деруть монахи. Потому и хлѣбъ не
хорошъ, и дорого.

Благодаря этому, а также и отсутствію
конкуренціи, богомольцы не могутъ до-

быть порядочнаго хлѣба, платя притомъ за трехкопѣчную булку вдвое.

– У насъ, въ Харьковѣ... протестуетъ богомолецъ.

– Ну что тамъ у васъ! Иди, иди, за мѣсто у насъ деньги берутъ, гонять его изъ булочной.

– Чего ты! – усовѣщиваетъ богомольца встрѣчный монахъ. – Не стыдно-ли! Ты развѣ чреву угождать сюда пришелъ. Претерпѣвай гладь!.. Въ кои-то вѣки въ обитель зайдешь, да еще смутьянишь... То не хорошо, другое дурно. А ты пойми, можетъ булка и не вкусна, да на ней благодать и благословеніе обители почіють. Ты, братъ, по своему у насъ не прикидывай!

Лавка устроена снаружи. Она примыкаетъ бокомъ къ монастырю, а другимъ выходитъ къ рѣкѣ. Торгуютъ въ ней монахи. Товаръ – книги духовно-нравственнаго содержания, преимущественно синодальныя, картины, виды монастыря, ужасно скверно сдѣланные; ложки разныхъ сортовъ, съ крестомъ вмѣсто ручекъ, съ разными силуэтами святыхъ; кресты, четки изъ масличныхъ зеренъ, богородичныхъ слезъ, сухаго гороху; образки, распятія, пояски. Изъ всего этого монастырь производитъ только однѣ ложки – больше ничего. Образками снабжаетъ Троицко-Сергіева лавра, а книгами – синодаль-

ная типографія; даже четки изъ гороху покупаются монастыремъ на Аѳонѣ. Перламутровые кресты – изъ Виѳлеема, привозятъ ихъ греки. Сунулся я было къ видамъ монастыря. Скверные, плохіе, по 60 к. штука; альбомъ изъ 15 плохихъ картинъ – 5 р.

– Что такъ дорого?

– Нужно же въ пользу святаго обители хоть какой-нибудь профитъ получить! – бойко отрѣзаль монашекъ. – Сами деньги платимъ. Не безъ проценту же?

Малороссы толпой приступились тоже. Поторговались и назадъ. Видятъ – не сладко: цѣны высокія, монахи не сговорчивые... Костромская кособрюхая артель привалила.

– Почему этотъ богъ-то? – тыкаютъ пальцами въ картину.

– Рубль! Рубль, благословенные, рубль.

– Нельзя ли подешевле. Ишь, какой онъ! Никакой въ емъ красы нѣтъ.

– Нельзя, нельзя, рабы Божьи.

Продаведъ въ лавкѣ – тулякомъ оказался. Онъ іеромонахъ. Видимо и сюда онъ перенесъ принципъ: не надуешь – не продашь. Я по крайней мѣрѣ не думаю чтобы обитель сама назначала такія цѣны.

– Сколько за Богородицу? – показываетъ

костромичъ на св. Варвару великомученицу.

– Полтинникъ.

– Ну, давай!

Такъ св. Варвара и сходить у монаховъ за Матерь Божию.

Прежде былъ здѣсь монахъ, торговавшій „духомъ“ противъ зубной боли. „Духъ“ помѣщался въ плотно закупоренныхъ пузырькахъ. Нужно было откупоривать ихъ больными зубами и тогда „духъ“, переходя изъ пузырька въ ротъ больного, унималъ тотчасъ же недугъ. Это мнѣ напомнило другой рассказъ о богородичномъ волосѣ.

Стоить монахъ въ какой-то обители и показываетъ волосъ Богородицы, держа руки въ определенномъ разстояніи одну отъ другой. Кругомъ толпа богомольцевъ.

– Да гдѣ же онъ-то? – недоумѣваетъ, наконецъ, какая то старушонка, просунувшая носъ къ самымъ рукамъ монаха.

– Ты еще носомъ ткнишь – отвалится.

Та, разумѣется, съ испугомъ назадъ.

– Дура! Я двадцать лѣтъ показываю святыню, да ито еще самъ не сподобился видѣть! – поясняетъ, наконецъ, монахъ.

Вечеръ я опять встрѣтилъ на дачѣ Потемкиной. Здѣсь будетъ умѣстно рассказать о томъ,

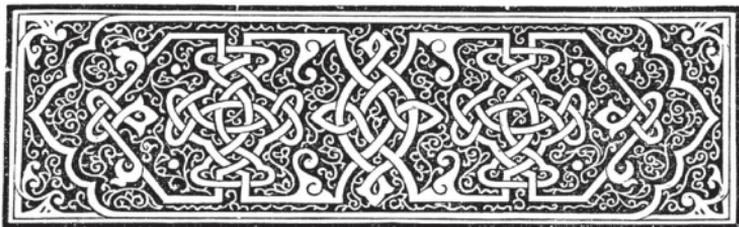
какъ послѣ, запрета, опять возникъ этотъ монастырь, тѣмъ болѣе, что главное участіе въ его возстановленіи принимала именно Татьяна Борисовна. По смерти Юсупова, Святогорское имѣніе досталось Алексѣю Михайловичу Потемкину.⁴⁰ Всего въ этомъ районѣ числилось до 20,000 дес. земли, причемъ половина ея была пахотная. Потемкинъ, въ 1842 году, обратился въ святѣйшій синодъ съ просьбою о возобновленіи обители,⁴¹ предлагая съ своей стороны 70 дес. лѣсной, сѣнокосной и огородной земли и проценты съ 10,000 р., жертвуемыхъ имъ на это. Черезъ два года состоялось по этому предмету Высочайшее повелѣніе, ограничивавшее штатъ монастыря 24 лицами. Пожертвованіе было каплею въ морѣ, сравнительно съ тѣмъ, что дала обители Татьяна Борисовна. Ее до сихъ поръ поминаютъ монахи, обрушиваясь за то на нынѣшнихъ ея наслѣдниковъ, Рибопьеровъ, всѣми громами своего неудовольствія. Оказывается, что эти ничего не дали Святымъ горамъ. Потемкина прѣзжала сюда чуть-ли не каждое лѣто. Въ судьбахъ обители она принимала самое живое участіе. Благодаря ей, монастырь получилъ извѣстныя льготы и былъ достаточно рекламированъ въ Петербургѣ.

Но если Потемкина была строительни-

цей и благотворительницей обители, то ея управляющій сталь здѣсь ужасомъ для всего населенія окрестнаго района.

Оно бѣдствуетъ, разоренное мѣрами, принятыми имъ въ интересахъ владѣльца. Разумѣется, это выгодно обители. Дешевле рабочія руки, да и крестьянство въ кабалѣ, потому что ограбленнымъ хлѣбопашцамъ только одинъ монастырь можетъ оказать и оказываетъ помощь. Управляющій имѣніемъ Потемкиной сѣумѣль устроить дѣла такъ, что поселянамъ досталось въ надѣль только по двѣ десятины на семью. Если бы не арендуемая ими монастырская земля – мужикамъ пришлось бы умирать съ голоду. А какія подати при этомъ: въ селѣ Татьяновкѣ, напр., среднимъ числомъ, два работника въ семьѣ платять по 30 р., посѣва же на всю семью $1\frac{1}{3}$ десятины!

XVII.

Подземный ходъ.

Мѣловыя скалы, словно жилами, проточены подземными ходами, которые ведутъ сверху внизъ. Отъ подножія монастыря можно дойти ими до самага Оавора, какъ называютъ свою вершину святогорскіе монахи.⁴²

Отець Серапіонъ, который послѣ экзамена на дачѣ Потемкиной, почему-то привязался ко мнѣ, ждалъ уже съ пучкомъ восковыхъ свѣчъ.

Черная щель раскрылась передъ нами.

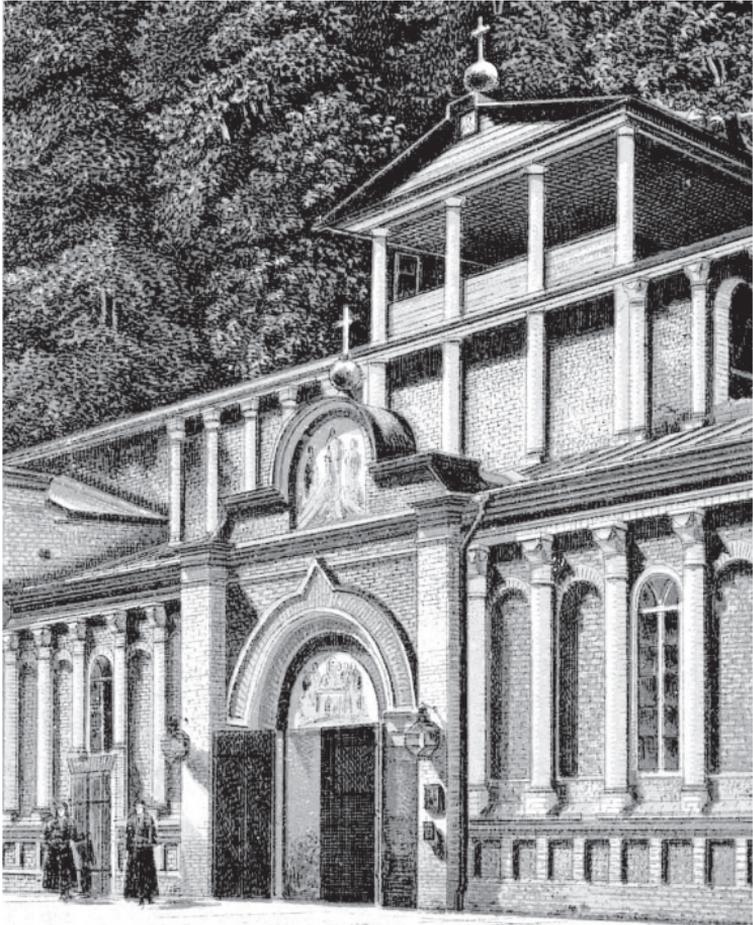
— И се разверзаются врата адовы! — шутиль онъ по своему.

Нась обдало мракомъ и сыростью. Ощутельный запахъ плѣсени стоялъ въ влажномъ

воздухъ. Черная тьма густилась впереди. За нами, в отверстіи пещеры, колыхались зеленныя вѣтви и свѣтило солнце, но не надолго. Визгливо скрипя и словно жалуясь кому-то затворилась дверь и теперь только колеблющееся пламя двухъ восковыхъ свѣчей озаряло небольшое пространство могилы, въ которую мы были опущены. Мѣловыя скалы – нѣсколько повыше. Теперь мы медленно подвигались впередъ жилю, пронизавшею обыкновенный грунтъ. Скоро, впрочемъ, сырости не стало. Стѣны этой жилы побѣлѣли: мы были уже въ мѣловомъ утесѣ.

Шли тихо... Тѣсно, – двоимъ въ рядъ идти трудно. Второстепенныя жилы, въ разныхъ направленіяхъ, разбѣгаются по скаламъ. Кажется, что идешь въ гигантскомъ окаменѣломъ трупѣ, сквозь когда-то бившіяся и полныя кровью, а теперь пустыя артеріи. Дунуло вѣтромъ изъ боковой жилы и свѣчи наши потухли. На минуту мы остались въ тяжеломъ подземномъ мракѣ. Именно подземномъ, таково ощущеніе.

На землѣ мракъ не мѣшаетъ вамъ дышать, не давить васъ. Вы чувствуете тамъ просторъ. Здѣсь эта тьма гробовою крышкою ложится на

Сооружение для входа в пещеры и на
Кирилло-Мефодиевскую лестницу, именуемое Пещерник,
построенное в сер. XIX в.

вашу грудь.

– Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ и освѣщаетъ вся! И отецъ Серапіонъ съ довольною улыбкою возжегъ свѣчи.

– Для свѣтскаго человѣка сіи ходы, подземные ужасны; намъ же они отрадны, знаменую, сколь многіе труды были подъяты на рамена свои первыми пустынножителями святогорскими.

При свѣтѣ, жила казалась уже совсѣмъ бѣлой. Сырость еще стояла здѣсь, видимо снизу дышало влагой. Сырость осаждалась и на стѣны. Нельзя было упереться въ нихъ ладонью, такъ онѣ были мокры. Ходъ идетъ все вверхъ по довольно крутому наклону.

– Преосвященный Арсеній! – тыкаетъ отецъ Серапіонъ въ какую-то дверцу.

– Кто?

– Погребеньъ первый изъ нашихъ настоятелей. Въ скалѣ мѣловой пещерка малая. Добродѣтельнаго житія былъ. При немъ и обитель поднялась. Онъ самъ себѣ здѣсь могилу избралъ.⁴³

Черная дверь могилы осталась позади. Опять сырость подземной жилы пронимаетъ

Архимандрит Арсений – первый настоятель Святогорского монастыря, после возобновления его в 1844 г.

нась. Нога скользнуть, точно на мѣлу проросли влажные лишай. Голова сама никнетъ здѣсь. Дышется съ трудомъ, глазъ невольно жмурится, утомляемый однообразнымъ видомъ бѣлыхъ стѣнъ, и вдругъ!.. малое окошко въ скалѣ, за окномъ зеленая долина рѣки Донца, переполненная солнечнымъ блескомъ. Вонъ золотятся соломенные кровли. Вонъ, синіе очерки лѣсовъ, уходящихъ вдаль.

— Ну, потрудитесь, потрудитесь еще! торопить отецъ Серапіонъ, для котораго всѣ эти эффекты очевидно давно потеряли свою прелесть.

И опять полземъ мы по щели вверхъ; отсюда уже замѣтны горизонтальные тонкіе слои кремня, параллельно другъ другу скрѣпляющіе мѣловую породу. Они насквозь проникли ее, иначе и не могла бы держаться эта масса отдѣльнымъ утесомъ.

— Да, первые христіане здѣсь потрудились Господу!

— Почему же вы думаете, что они? Я полагаю происхожденіе этой жилы болѣе древнимъ.

— По каковому разсужденію?

– Да вѣдь здѣсь недалеко была половецкая столица Саркель или Бѣлая Вѣжа. А этотъ утесъ являлся для нея естественною крѣпостью. Въ тѣ времена, ходы къ водѣ прорывались такъ, чтобы осаждающіе не могли помѣшать ходить за нею.

– Можетъ быть, все можетъ быть...

Богомольцы обожгли мѣловой потолокъ свѣчами и черные кресты понадѣлали, точно на бѣлой ризѣ. Сбоку надпись копотью: „Богу – рабъ, царю – коллежскій асесоръ Иванъ Трофимовъ“. Какой-то французъ Мишонъ здѣсь же увѣковѣчилъ себя.⁴⁴ „И я – Шимановская», вписалась рядомъ какая-то умница.

Въ самомъ сердцѣ мѣловаго утеса крутой поворотъ налѣво. Торжественный отецъ Серапіонъ начинаетъ поглядывать на меня еще торжественнѣе. Щель стала уже, запахъ сырости несноснѣе. Влага осаждается на платьѣ, волоса мокры, съ бороды каплетъ. Зубы ноютъ, точно простуженные. Кремнь уже проступаетъ большими раковинами – проможинами. Становится невыносимо. Кажется, будто кто-то навалилъ на васъ всю эту колоссальную мѣловую скалу и она вдавлиываетъ тѣло въ сырую болотину. Вотъ,

вотъ, задохнешься.

– Троекратно перекреститесь!

Какая-то дверь скрипитъ жалобно-жалобно на ржавыхъ петляхъ. Дверь черная, за нею двѣ совсѣмъ черныя закопченныя пещерки, шага по четыре каждая. Въ одной пробита дыра въ наружу, вершка два въ діаметрѣ. Въ другой еще менѣе. Два узкихъ и скудныхъ луча свѣта дрожать въ черныхъ пещерахъ, ничего не освѣщая. Дрожать словно имъ холодно здѣсь. Только и видишь что свѣтлыя пятна этихъ отверстій; точно двѣ тусклыя, робкія звѣздочки мигаютъ онѣ.

– Что это?

– Тутъ всю жизнь спасался затворникъ Іоаннъ, безвыходно и строго заключенный!

– Кто же его заключилъ?

– Самъ себя заключилъ на подвигъ великій...

Совсѣмъ могила. Стѣны закопчены. Кажется, что еще пахнетъ трупомъ.

– Ни пѣнія птицы не слышалъ, ни свѣта солнца не видѣлъ. Во тьмѣ!..

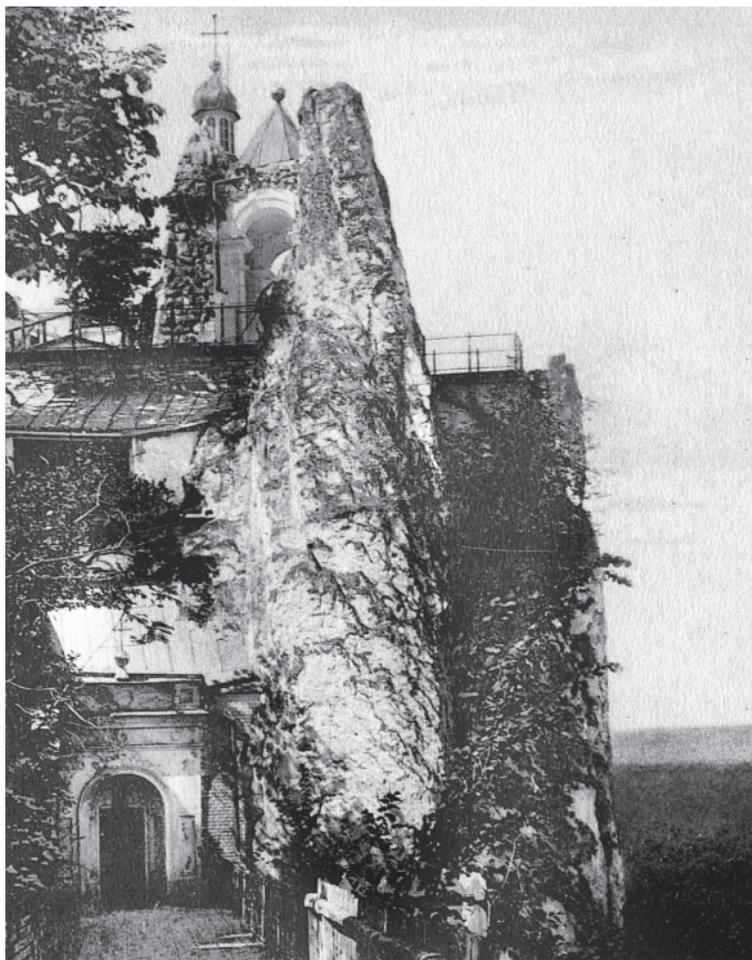
Въ мѣловой стѣнѣ выбита приступка. Вѣрно подвижникъ что-нибудь клалъ сюда. Вонъ

крестъ выдолбленъ въ стѣнѣ. Видно, что здѣсь жило живое существо. Но все-таки это могила – и могила страшная. Изъ кельи дыра внизъ – въ подземную церковь. Прикладывая ухо къ этому отверстию, заточникъ слушалъ божественную литургію. Иногда и запахъ ладана доносился къ нему сквозь этотъ волосной сосудъ мѣловаго организма.⁴⁵

– Сколько же онъ такъ-то?

– Семнадцать лѣтъ вытерпѣлъ, пока Господь его не призвалъ къ себѣ!

Іоаннъ Заточникъ въ высшей степени любопытный характеръ; я посвящу ему отдѣльную главу. Кажется, что это не отъ копоти восковыхъ свѣчъ, а отъ его дыханія почернѣли стѣны. Глаза невольно искали по сторонамъ изможденнаго лица, на которомъ только глаза горѣли-бы изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, выдавая жизнь еще незакостенѣвшаго въ этой подземной кельѣ человѣка. Во второй пещерѣ – пара покрытыхъ ржавчиною веригъ. Отецъ Серапіонъ набожно приложился къ нимъ и потомъ предложилъ мнѣ поднять. Они гвоздили къ землѣ. Глядя на эти острые обручи, невольно думалось, какъ они должны были въѣдаться

Верхний вход в пещеры меловой скалы к келье Иоанна
Затворника

въ тѣло! Въ углу изображень Христось распя-
тый. Обнаженное тѣло его выглядываетъ какъ-
то особенно мертвенно на закоптѣломъ мѣлу.
Внизу черное мѣсто – тутъ стояль гробъ за-
точника.

Ужась охватываль сердце. Семнадцать лѣтъ
такихъ страданій! Среди этой тьмы, среди этой
сырости. Въ безмолвіи, куда достигаль только
печальный отголосокъ молитвенныхъ напѣвовъ,
гдѣ звенѣли тяжелыя вериги. Огонекъ лампа-
ды теперь нервно вздрагиваетъ здѣсь передъ
иконою. Точно и ему жутко въ этой могилѣ.
Точно онъ собираетъ послѣднія усилія, чтобы
не потухнуть подъ этою массою сырости, мрака
и камня. Нѣтъ, прочь скорѣ!..

Отець Серапіонъ очевидно поняль мое
состояніе и вывелъ меня на площадку,

откуда, опять сверкнуль мнѣ въ глаза Божій
міръ со всею его прелестью, съ его свѣтомъ
и жизнью. Разомъ охватило тепломъ.. Раза два
въ годъ и затворникъ приходиль сюда любо-
ваться на оставленную имъ землю. Тутъ за-
летали къ нему голуби, отсюда онъ слышалъ
соловьиную пѣсню, видѣль Донецъ, струящійся
внизу... Представляю, съ какимъ жаднымъ и

больнымъ чувствомъ слѣдилъ онъ за извивами рѣки, за перебѣгающею тѣнью облаковъ, за трепетомъ листвы, за колыханіемъ вѣтвей, подъ легкимъ вѣтромъ свѣжаго утренника. Какъ онъ пилъ цѣлебный ароматъ полей, запахъ весеннихъ цвѣтовъ. Неужели его не тянуло вонъ, совсѣмъ вонъ изъ этой кельи! И потомъ опять полгода тьмы, безмолвія, холода, потому что Іоаннъ и зиму проводилъ въ этой кельѣ, въ тѣхъ же веригахъ, въ той же скудной, убогой ряскѣ... Звѣрь уходитъ назиму въ логовище, но у того хоть шуба есть, благо снабдила природа...

Опять подземная жила. Опять идемъ щелью. Опять пещера, но въ ней мигаютъ лампы, тускло поблескиваютъ убогія иконы безъ окладовъ. Это – церковь древняго монастыря. Въ нее, по сторонамъ, выходятъ устья меньшихъ пещерокъ, гдѣ жили иноки, лѣтъ четыреста тому назадъ. Отсюда, по сторонамъ подземнаго хода, то и дѣло попадаются келійки, но окна въ нихъ уже четверти на полторы.⁴⁶ Хоть свѣтъ есть. Эти-то черныя точки оцверстій мы и видѣли въ скалѣ снаружи. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что въ этихъ сырыхъ ходахъ, въ этихъ мокрыхъ пещеркахъ, ни одинъ кротъ не

въ силахъ прожить долго. Въ одной изъ нихъ найдено было семь череповъ и костяки, Ихъ похоронили въ одномъ гробѣ. Щель къ нимъ ведетъ узкая и низкая. Нужно идти сторбясь. Воздухъ тутъ таковъ, что, кажется, дышишь испареніями разлагающагося трупа. Тутъ уже много келій, по двѣ, по одной. Если по двѣ вмѣстѣ, то входъ изъ одной въ другую просто дыра, сквозь которую нужно ползти, какъ ползеть змѣй. Очевидно, что въ этихъ пещерахъ жили не пустытники. На стѣнахъ нѣтъ крестовъ; ничто не указываетъ, что въ норахъ по сю сторону мѣловой скалы молились и калялись. Тутъ нѣтъ даже и оконъ въ наружу. Только безразсвѣтная тьма!

Я, войдя въ одну изъ нихъ, затушилъ свѣчу. Заживо схороненный – иначе не могу опредѣлить своихъ ощущеній. И притомъ какое отсутствіе жизни! Въ землѣ хоть червякъ копошится, сверху мышъ полевая норку роетъ – до могилы докопается, корни растеній тянутся къ тебѣ; тутъ же – въ мѣлу – толко вода отлагается на стѣнкахъ. Тишина подавляющая. Развѣ капнетъ сверху и брызнетъ по сторонамъ. Въ этомъ безмолвіи и стукъ капли болѣзненъ для

уха. Чудится Богъ знаетъ что! Подъ конецъ кажется, что вотъ стѣны кельи раздвинулись и какіе-то фосфорическіе силуы шевелятся въ ней. Вотъ они приподымаются снизу. Вотъ какія-то не видимыя въ этой тьмѣ руки протягиваются къ тебѣ. По холоду, вѣющему на лицо, ты ощущаешь ихъ. Влага, отлагающаяся на немъ, мерещится прикосновеніемъ чьихъ-то сырыхъ и скользкихъ пальцевъ.

Нѣтъ, свѣта скорѣе! воздуха! воздуха!

Когда я вышелъ совсѣмъ изъ этой пещеры и сѣлъ — мнѣ казалось, что меня, заживо схороненнаго, отрыли и вновь вернули жизни. Надо мной колышется зеленая листва, задорно свищутъ въ ней птицы и громко, громко, раздражающе-громко внизу поетъ свою страстную пѣсню украинскій соловей... Солнце... Сегодня первое мая, но оно грѣетъ какъ у насъ въ іюль, и только прохладный горный вѣтеръ умѣряетъ зной. Я, впрочемъ, радъ былъ жарѣ. Только что выбравшемуся изъ жилища мертвыхъ нужно было отогрѣться и высохнуть прежде всего.

Пахнетъ смолистымъ запахомъ прѣющихъ на землѣ сосновыхъ шишекъ и, порою, гри-

бами. Должно быть они только-что поднялись въ сырыхъ пролѣскахъ послѣ дождя. Откуда-то нѣтъ-нѣтъ да и обнесетъ розами, видимо изъ настоятельскаго сада. И непонятно становится, какъ отъ всей этой прелести уйти подъ землю, спрятаться живьемъ въ гробъ? Вонъ она позади – черная щель пещеры, съ могильною сыростью и съ запахомъ трупa. Вонъ оно это царство смерти и безмолвія, это подземелье, гдѣ только и встрѣтишь что изможденнаго монаха, слѣпнушаго на солнцѣ, да застывшіе въ одномъ выраженіи равнодушія ко всему земному лики иконъ.

– Вотъ каковы наши старцы были! – восхищается отецъ Серапіонъ. – Нынѣ такихъ нѣтъ, да, по грѣхамъ нашимъ, и не будетъ.

– А не приходило ли вамъ въ голову, отче, что прятаться во тьму отъ свѣта, значить, презирать твореніе Бога своего? Не думаете ли вы, что закопаться въ землю отъ зелени, отъ цвѣтовъ, отъ фиміама полей, кадящихъ небу, – кощунство?

– Это еретическія разсужденія, отрицаемая церковью. Въ умерщвленіи плоти – могущество духа. Для монаха ничего не должно

быть привлекательнѣе добровольнаго заточенія въ келію. Вы почему полагаете, что для него жизни нѣтъ?.. А созерцаніе? А воспоминаніе земной жизни Христа?.. Во тьмѣ еще ярче краски ему представляются. По наитію – и ликъ Спасителя въ молитвѣ явленъ бываетъ. Іоаннъ-Заточникъ, подъ конецъ своего пребыванія въ мѣловой скалѣ, не разъ со Христомъ бесѣдовалъ и сими бесѣдами несказанно утѣшенъ былъ...

XVIII.

Иеросхимонахъ Іоаннъ-Затворникъ.

Семнадцать долгихъ лѣтъ добровольнаго пребыванія въ могилѣ заживо!

„Какой фанатизмъ!“ – воскликнуть многіе, отступая совершенно справедливо, передъ этой страшной эпопеей страданій. Позвольте, почему же фанатизмъ, а не характеръ? Будь направлена та же громадная сила воли на достиженіе благихъ цѣлей, на дѣло, которому мы могли бы сочувствовать, и передъ нами былъ бы, несомнѣнно, характеръ, и никакимъ инымъ именемъ мы бы его не назвали. По моему, и въ данномъ случаѣ это ни что иное какъ характеръ – упорный, настойчивый, презирающій

внѣшнія условія, сбрасывающій прочь всѣ препятствія, побѣждающій самую жизнь! Характеръ питающійся лишениями и страданіями и укрѣпляющійся ими, какъ организмъ здоровою пищею; характеръ, какъ желѣзо въ горнилѣ, твердѣющій подъ молотомъ... Мнѣ возражали на это, что въ такомъ случаѣ и факиры тоже характеры? Несомнѣнно! и еще какіе! Именно, не галлюцинаты, а характеры! Галлюцинація потомъ приходитъ, а сначала – характеръ и только одинъ характеръ. Вѣритъ человекъ, что это добро зѣло, вѣритъ и стремится къ нему. Если это добро намъ не кажется добромъ – все равно, характеръ отъ этого не дѣлается чѣмънибудь инымъ. Мученичество тоже характеръ. Мученики вѣдь только въ Четьи-Минеи улыбаются своимъ палачамъ; въ дѣйствительности, они страдали физическими болями и не сдавались только въ силу характера, иначе бы и заслуги въ мученичествѣ не было. Въ самомъ дѣлѣ, что за диво быть заживо сожженнымъ, когда передъ глазами эдемъ и, вмѣсто боли, тѣло чувствуетъ прохладу райскихъ кущъ!..

Въ силу этого и въ святогорскомъ іеросхимонахѣ Іоаннѣ-Затворникѣ я вижу

воплощеніе изумительнаго по своей силѣ характера, какъ вижу его въ затворникахъ печерскихъ. Дѣло въ томъ только, что тѣ жили давно, а Іоаннъ на нашихъ глазахъ. Тѣ стали легендой, а этотъ еще вчера былъ действительностью.⁴⁷

Іоаннъ родился въ Курскѣ, въ 1795 году. Окружающія условія съ дѣтства подготовляли въ немъ затворника. Мальчикомъ онъ слышалъ рассказы о заживо схороненныхъ старцахъ, и когда Сенька Мошнинъ, одинъ изъ его товарищей, вспоминалъ о своемъ дѣдѣ заточникѣ въ какомъ-то изъ мѣстныхъ монастырей, Іоаннъ отзывался на это; „хорошо такъ жить и спасаться“. Молодежь всегда ищетъ подвига. Однихъ эта жажда подвига ведетъ въ бой, въ дальнія экспедиціи къ полюсамъ; другихъ – въ крѣпость, на каторгу; третьихъ – въ склепъ Святогорской мѣловой скалы. Иванъ Крюковъ (такова была фамилія его) чуть не съ восьми лѣтъ мечталъ о монастырѣ; въ девять – онъ присталъ къ отцу съ просьбою отдать его въ школу; но мальчика побили за это желаніе. Нищета давила его семью – думать о грамотѣ было некогда. Изъ суровой семьи, мальчикъ попалъ въ ученье къ мастеру дѣлавшему израз-

цы, челоѡѡку, незнавшему состраданія⁴⁸. Трудно. было бы сказать, что тяжелѡе, нравъ его хозяина или его кулакъ. Мальчикъ, взятый по кантракту на семь лѡтъ, былъ обязанъ дѡлать печные изразцы, росписывать ихъ, муравить и выжигать, за что его родителямъ ежегодно выплачивалось хозяиномъ по 1р.43к. ассигнаціями. Такимъ образомъ, за 10р. ассигнаціями мальчикъ былъ проданъ въ безразсѡтную школу побоевъ, непосильнаго труда и непроходимаго невѡжества. Въ первый же день ребенку дали работу, не объясняя, какъ ее сдѡлать. Мальчикъ спуталъ, за что хозяинъ ударилъ его ногою въ бокъ, такъ что бѡднякъ повалился замертво и долгое время потомъ былъ боленъ. Черезъ нѡсколько времени, хозяинъ спяна бросилъ въ Крюкова изразцомъ, острый уголь котораго попалъ ему прямо противъ сердца. У Ивана хлынула изо рта кровь, онъ упалъ навзничъ и только вечеромъ удалось вернуть его къ жизни. Тихій, безотѡтный Крюковъ цѡлыя ночи проводилъ, широко открывъ глаза и глядя во тьму, гдѡ чудились ему смутные лики святыхъ, куда зачастую самъ Спаситель сходилъ утѡшать измученнаго и избитаго мальчика. Ему, слу-

чалось, мерещились ангелы въ воздухѣ, и онъ радостно плакалъ, забывая на минуту боль отъ недавнихъ побоевъ. Такъ, мало-помалу сталъ развиваться въ немъ будущій аскетъ.

– Христось терпѣль – надо терпѣть и мнѣ; Богу угодно! – говорилъ онъ.

Такъ прошло семь лѣтъ. Нелюдимый и мрачный, почти одичавшій отъ побоевъ, Крюковъ, по окончаніи срока контракта, поступилъ къ другому хозяину-прасолу прикащикомъ. Отецъ и мать стали требовать, чтобы онъ женился, такъ какъ въ домѣ, по ихъ старости, нужна была работница. Требовали съ „пристрастіемъ“, и Крюковъ на время долженъ былъ оставить мечту о монашествѣ и женился, хотя, по свидѣтельству иноковъ, „съ видимымъ отвращениемъ“. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать, перемѣнилъ нѣсколько хозяевъ, сталъ извѣстенъ какъ искусный лѣпщикъ и черезъ восемь лѣтъ самъ открылъ свое изразцовое заведеніе. Въ Крюковѣ, мало-по-малу, умиралъ аскетъ и развивался просто-на-просто кулакъ-хозяинъ. Спустя нѣсколько времени, у него уже оказываются два постоянные двора и трактиръ, – заведенія, ни въ какомъ случаѣ, не совмѣстныя съ мыслью

о святости. Такъ онъ прожилъ около девяти лѣтъ, когда семейство его стало вымирать: сначала его жена, потомъ отецъ. Старуха-мать пошла жить къ его сестрамъ, и Крюковъ остался одинокъ. Съѣздилъ онъ въ какой-то монастырь, пріютившійся посреди пустыннаго захолустья. Бездорожье и безлюдье, окружающія обитель, напомнили ему, воскресили въ немъ мечты дѣтства. Трудовая жизнь иноковъ (тогда еще были такіе) пришлась ему по сердцу, созерцательная, чуждая заботамъ о мѣдномъ грошѣ... Крюковъ, по возвращеніи, сталъ проситься у матери въ монастырь; но суровая старуха считала себя въ правѣ и совсѣмъ уже взрослога сына удержатъ въ міру. Только черезъ годъ „сердце ея умягчилось“.

– Иди съ Богомъ и молись за меня!

Изъ дому Крюковъ взялъ только тяжелый мѣдный, литой крестъ, который съ тѣхъ поръ постоянно носилъ на шеѣ, на толстой и тяжелой желѣзной цѣпи. Сдѣлалъ онъ себѣ изъ толстаго шиннаго желѣза вериги, состоявшія изъ пояса и наплечниковъ, болѣе полупуда вѣсомъ, и надѣлъ ихъ навсегда „для ради умерщвленія плоти“.

Купецъ все-таки сказался въ немъ при этомъ. Собираясь отречься отъ всего земнаго, онъ самымъ тщательнымъ образомъ сталъ собирать со всѣхъ долги, даже и по суду. Это его еще на годъ задержало въ міру. Наконецъ, завершивъ всѣ свои дѣла, онъ помолился печерскимъ угодникамъ и отправился въ Глинскую пустынь, которая ото всего міра заслонила глухою лѣсною чащей. Тамъ онъ явился къ игумену Филарету.

— Что ты къ намъ пришелъ, рабъ Божій, и чего тебѣ надо.

— Желаю въ обители вашей потрудиться во спасеніе грѣшной моей души.

— На какое время?

— Если Богу будетъ угодно, то по конецъ моей жизни.

— Документы въ порядкѣ? Что умѣешь дѣлать? Крюковъ пояснилъ о своемъ искусствѣ лѣпить, дѣлать изразцы, править гостинницей.

— Все это намъ не надо. А вотъ съумѣешь ли печку скласть?

— Новую не могу, а старую починить съумѣю.

— Если починить въ силахъ, то Матерь

Божія поможетъ тебѣ и новую поставитъ.

Приказалъ пока служить при гостинницѣ. Ему уже было 38 лѣтъ, и полтора года онъ несъ на себѣ это послушаніе, когда наконецъ его перевели въ монастырь и дали келью. Тутъ онъ присмотрѣлся къ работѣ печниковъ и прежде всего построилъ у себя новую печь, вмѣсто старой, угарной. Опытъ оказался удаченъ – онъ передѣлалъ печи и у братій. Отсюда послали его въ Глуховъ; по возвращеніи, онъ увидѣлъ у воротъ обителѣ бѣшенаго, скованнаго по рукамъ и ногамъ. Монахи нашли, что бѣдный больной одержимъ нечистымъ духомъ. Помѣшанный катался по землѣ въ конвульсіяхъ, обливался зловонною пѣною и богохульствовалъ. Іоаннъ взялъ его къ себѣ въ келью, велѣлъ снять съ него оковы. Озадаченный больной, на котораго до тѣхъ поръ дѣйствовали только силою и даже били, пресмирѣлъ. Оставшись съ нимъ одинъ, Іоаннъ сталъ на колѣна и началъ молиться. До полуночи онъ просилъ исцѣленія больному, плача надъ нимъ, а тотъ широко открытыми глазами смотрѣлъ прямо въ лицо монаху. Пробовалъ больной начинать бѣсноваться, но краткій голосъ и слезы Іоанна опять озадачива-

ли его – и сумасшедшій, смолкая, продолжалъ только подозрительно наблюдать за инокомъ. Наконецъ больной успокоился и только тяжело дышалъ. Іоаннъ прилегъ къ нему, положивъ ему на сердце руку. Сердце билось и трепетало, какъ птица въ силкѣ. Больной заснул. Утромъ сумасшедшій сознательно отвѣчалъ на всѣ вопросы и уѣхалъ домой исцѣленнымъ. Монахи называютъ этотъ случай чудомъ; мнѣ же онъ напоминаетъ французскихъ сестеръ милосердія и монахинь, которыя безбоязненно входятъ въ кельи самыхъ опасныхъ сумасшедшихъ и смиряютъ ихъ одною ласкою и кротостью своего голоса. За труды по постройкѣ печей Іоанна сдѣлали рясофоромъ, т. е. возвели его на первую, низшую степень монашества; тѣмъ не менѣе, братія его печами была недовольна и дѣлала Іоанну неприятности. Послѣ одной изъ нихъ Іоаннъ задумалъ измѣнить послушаніе и внезапно ему пришло въ голову юродствовать Христа-ради. Обсуждая это, онъ заснулъ; во снѣ явились ему „двое (*традиціонныхъ, должно быть*) прекрасныхъ юношей“, сказавшихъ: „оставь, что думаешь, это не твой путь!“ Послѣ этого, чуть не сорока-двухъ лѣтъ отъ роду

Іоаннъ начинаеть учиться читать и писать, опять исьбляетъ „бѣсноватаго дворянина“, дѣлается игуменомъ братской трапезы и, наконецъ, экономомъ всей Глинской пустыни. Когда была открыта обитель Святогорская, новопоставленный игумень Арсеній, между прочимъ, явился въ Глинскій монастырь „набирать монаховъ“.⁴⁹ За нимъ послѣдовалъ и Іоаннъ, котораго въ Святыхъ Горахъ тоже сдѣлали экономомъ. Іоаннъ и тутъ обнаружилъ присущіе ему характеръ и рѣшительность. Не предупредивъ, онъ распорядился „отсѣчь“ часть горы подъ гостинницу. Противъ него поднялось все, но онъ поборолъ препятствія и гора была „отсѣчена“ Іоаннъ велъ войну съ управителемъ Потемкиныхъ, вступался за ограбленное имъ крестьянство, и хотя на семь пути былъ смиряемъ настоятелемъ, но, какъ упорное козлище, исполнивъ наложенное на него послушаніе, вновь вступалъ въ бой съ господскими холопами и отсѣкалъ горы. Потомъ ужъ его и смирять перестали – рукой махнули. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, оказалось, что Іоаннъ былъ правъ, за что на него наложили мантию. Вообще, въ эту пору своей дѣятельности, малограмотный, энергическій,

незнающій устали, упрямый и изобрѣтательный, Іоаннъ совершенно подходитъ къ типу сѣвернаго монаха-соловчанина. Затѣмъ Іоаннъ, а въ мантіи Іоанникій является опять гостинникомъ, опять „отсѣкаетъ“ горы, роется въ землѣ, какъ кротъ, отыскиваетъ и находитъ старые подземные храмы, собственноручно выбиваетъ для нихъ изъ цѣльныхъ дикихъ камней престолы.

Къ этому же времени относится и эпизодъ, рассказываемый монахами.

Врагъ рода человѣческаго попытался уловить его въ сѣти, но, какъ и потемкинскій управитель, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ.

Одна изъ посѣтительницъ обители (изъ типа, очерченнаго мною въ главѣ III-й) уязвилась нечистою страстью на простосердечнаго Іоанникія, зазвала его въ свой номеръ, заперла двери и начала привлекать ко грѣху. Растерявшись отъ столь нечаяннаго искушенія, Іоанникій не нашелъ ничего лучшаго, какъ сверзиться черезъ окно на землю. А чтобы такія уловленія впредь ему не предстояли, онъ упросилъ настоятеля снять съ него послушаніе гостинника, что и было исполнено. Его посвятили въ іеромонахи

и определили духовникомъ къ богомольцамъ. Правя свою должность, Иоанникій сталъ прилежать къ келейному уединению.

Ходы въ святогорской мѣловой скалѣ были въ то время еще не изслѣдованы, а уже розысканные — запущены. Иеромонахъ Иоанникій сталъ очищать ихъ, причемъ особенно полюбилъ одну изъ маленькихъ мѣловыхъ келій, куда нерѣдко заходилъ отдыхать. Тутъ онъ сдѣлалъ деревянный простѣнокъ и дверь, и затѣмъ сталъ проситься въ затворъ. Архимандритъ Арсеній началъ его испытывать. Прежде всего велѣлъ ему собственноручно привести въ порядокъ всѣ нечистыя мѣста въ обители, дабы смирить его помысль, если въ ономъ таится гордыня. Иоаннъ не погнушался, послушаніе исполнилъ, но помысла не измѣнилъ. Убѣдившись, что Иоанникій не превозносится, а жаждетъ подвига, Арсеній приказалъ ему затвориться въ простой жилой кельѣ и запереть ставни. Трудно было одолѣть Иоанникію въ первое время ужась одиночества, особенно по ночамъ. Но онъ привыкъ и затѣмъ перебрался въ мѣловую скалу.

Настоятель все еще отговаривалъ его. Стояли холода, печи тамъ не было и устраивать ее

Видовая площадка на вершине меловой скалы, куда по свидетельству автора два раза в год выходил из кельи Иоанн Затворник

не позволялось, но монахъ не внялъ. Наконецъ ему разрѣшили затвориться совсѣмъ. Ввели въ мѣловую пещеру – и заперли на замокъ. Въ дверяхъ было продѣлано малое оконце для передачи пищи и питія.

Холодъ стоялъ тамъ, какъ въ ледникѣ. Узкая щель въ наружу – тьмы не разгоняла. Въ щели только брезжилъ свѣтъ, не озарявшій кельи. Меня здѣсь въ первые же минуты охватило лихорадочнымъ ознобомъ. Гробъ, а въ гробу немного соломы – вотъ все, что дали съ собою затворнику. Онъ удвоилъ вѣсь веригъ своихъ и измаривая себя, дѣлалъ въ сутки по семисотъ поклоновъ земныхъ, по сто поясныхъ, молитвъ Иисусовыхъ произносилъ по тысячѣ, столько же Богородичныхъ. Такъ прошелъ цѣлый годъ безвыходнаго пребыванія въ затворѣ, самый трудный годъ, потому что тѣло заточника еще только привыкало къ сырости и холоду. Утомленный ложился онъ въ свой гробъ – и вновь подымался отъ озноба. Сырость стояла такая, что одежда и бѣлье болѣе мѣсяца не выдерживали, истлѣвали и распадались. Пробовали его испытывать – выводили на свѣтъ, приказывали остаться, но Іоанникій неизмѣнно уходилъ на-

задъ. Такъ прошло еще шесть мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ его постригли въ схиму и опять назвали Іоанномъ, разрѣшили приобщаться два раза въ мѣсяць, а въ посты еженедѣльно. Питаемый ужасами своей могильной кельи, Іоаннъ довелъ себя до галлюцинацій, которымъ радовался, какъ видѣніямъ. Онъ, наконецъ, пересталъ чувствовать холодъ, приучивъ къ нему тѣло. Сырость тоже на него не дѣйствовала. Его точно поросшее мохомъ лицо, съ поблекшими глазами, безкровное, казалось, носило на себѣ отраженіе мрака, царившаго въ затворѣ. Въ обители Іоаннъ, не находилъ поддержки. Слухи, доходившіе до него оттуда, сокрушали схимника. Тамъ ему приписывали гордость; говорили, что онъ впалъ въ „состояніе прелести“. Схимникъ только молчалъ на это; промолчалъ пять долгихъ лѣтъ и, только по истеченіи этого времени, когда у него стали уже дѣлаться судороги въ ногахъ, поставили ему небольшую печку. Изъ мѣловыхъ скалъ выходили къ нему призраки и видѣнія, мертвыя руки простирались въ воздухъ, дикій хохотъ слышался ему въ подземныхъ ходахъ мѣловой скалы, чудились стоны и носились звуки цѣпей. Чьи-то рыданія

потрясали молчаніе его кельи, а разъ, ночью, примерещилось ему, когда онъ, лежа въ гробу, уже смыкалъ глаза, что шли сквозь затворъ два великана и со злобою смотрѣли на него.

– Чего вамъ надо? – прошепталь, обращаясь къ нимъ, галлюцинатъ.

– Съѣдимъ этого старика, чтобы онъ не молился такъ постоянно.

Іоаннъ сталъ читать молитву Іисусову, и великаны разсѣялись въ темнотѣ кельи.

Камни говорили ему, иконы съ нимъ бесѣдовали.

А зависть и злоба людская никакъ не хотѣли оставить его въ покоѣ. Сбывались слова Евангелія: „Яко ни который пророкъ пріятель есть въ отечествіи своемъ“.

Келейники его били, остальная братія презирала. Какъ полуграмотный крестьянинъ, онъ не могъ давать книжныхъ поученій приходившимъ сюда инокамъ и богомольцамъ.

– Какой толкъ отъ тебя, дурака, говорили ему монахи: – ежели мы показать тебя никому не можемъ при простотѣ и невѣжествѣ твоемъ.

Онъ дѣйствительно не былъ краснорѣчивъ, этотъ заживо схороненный челоѣкъ.

— Какъ все тутъ вѣрно сказано, воскликнулъ онъ, когда ему прочли „Плачь инока“ Брянчанинова. — Вотъ я не могу только выразить по ученому словами, а здѣсь вотъ, на сердцѣ, все такъ и чувствуется, какъ тамъ говорится.

Отъ постоянного мрака, зрѣніе его, наконецъ, притупилось. Онъ съ трудомъ сталъ читать, не различалъ лицъ допускаемыхъ къ нему иноковъ. Еще при блескѣ свѣчей хоть контуры ихъ видѣлъ, выводимый же при свѣтѣ — оказывался слѣпъ. Къ этому времени и относится цѣлый рядъ легендъ, рассказываемыхъ монахами.

— Когда онъ потерялъ зрѣніе, послали къ нему читать благочестиваго инока о.Мартирія. Однажды утомленный Мартирій получилъ отъ него замѣчаніе за невнятное чтеніе шестопсалмія. Оскорбясь чтець возропталъ и сталъ упрекать старца, что изъ-за него лишается возможности бывать съ прочією братією во храмѣ, при службахъ церковныхъ, и портить зрѣніе чтеніемъ въ полумракѣ. „Вотъ ослѣпну, какъ и ты; тогда, посмотримъ, кто согласится идти къ тебѣ сюда читать“. Окончивъ чтеніе часа въ три ночи, въ немирномъ духѣ началъ Мартирій сходить по

Святогорской пустыни затворник.

Иеросхимонах Иоанн.

Хромолитография с прижизненного портрета. 1902 г.

лѣстницѣ святогорской скалы отъ затворника, рѣшившись болѣе не возвращаться.

Лѣстница эта идетъ среди лѣсной гористой чащи и вдругъ предъ нимъ явились огненные чудовища, щелкавшія зубами и готовыя пожрать его. Въ ужасѣ бросился бѣжать Мартирій, а они ему во слѣдъ: „ты нашъ, ибо огорчилъ затворника“. Цѣлую ночь они бросались въ окно его кельи, стучались къ Мартирію. Такъ продолжалось, пока Іоаннъ не простилъ его.

Точно сказочный колдунъ посылалъ онъ чудищъ изъ своей мѣловой скалы, въ нѣдра которой ушелъ отъ всего мірскаго. Какая обстановка для фантастическихъ балладъ! И этотъ мракъ кельи, и этотъ подземный ходъ, ведущій къ ней, и позеленѣвшее лицо инока ослѣпшаго въ самомъ сердцѣ горы, и самая мѣловая гора, обливаемая по ночамъ таинственнымъ сіяніемъ луны! Приставленные къ старцу келейники только били его, не заботясь ни о немъ, ни о чудовищахъ, находившихся въ его распоряженіи. Солома истлѣвала въ его гробу, обращалась въ гнилую плѣсень, въ ранахъ отъ веригъ заводились черви. Такъ прошло семнадцать долгихъ лѣтъ, страшно долгихъ, подъ конецъ которыхъ ста-

рець сталъ юродствовать. Онъ сталъ требовать, чтобы съ него сняли портретъ, настаивалъ на сохраненіи его веригъ послѣ смерти, отказывался появляться передъ жаждавшими его видѣть богомольцами. Въ минуты просвѣтленія онъ бесѣдовалъ и производилъ глубокое впечатлѣніе на допускавшихся къ нему.

Въ 1867 году онъ началъ таять, „какъ свѣчка, возженная предъ иконою“, говорятъ монахи. Ноги его отекли и опухли; наконецъ, онъ слегъ въ гробъ, но и въ гробу непрестанно молился, изрѣдка ѣлъ, хотя чаще отказывался отъ пищи, и въ августѣ умеръ, не измѣнивъ своему затвору.⁵⁰

И это не характеръ!

Вообще изученіе нашихъ обителей въ высшей степени поучительно. Поставьте рядомъ два такихъ типа, какъ святогорскій Эдиссонъ — отецъ Антонинъ и затворникъ іеросхимонахъ Іоаннъ. Это въ одной и той же обители, почти въ одно и то же время.

У обоихъ натуры одинаково сильныя, характеры одинаково твердые и непреклонные, но какими разными путями къ какимъ разнымъ цѣлямъ идутъ они.

Мое дѣло только намѣтить, извлечь ихъ изъ этого темнаго, малоизвѣстнаго иноческаго царства.⁵¹

XIX.

Отець Серапіонъ. – Рабочіе.

Не знаете-ли, отче?... Зубы у меня... то есть цѣлую ночь вотъ... жалуется подь окномъ моимъ какая-то барыня.

– Болятъ? Бываетъ. А вы, сударыня, вотъ что. Завтра, нынѣ ужъ поздно, завтра помолитесь въ соборѣ за обѣдней и потомъ взойдите на наши горы и большимъ зубомъ, съ вѣрою и со смиреніемъ, угрызите кусокъ мѣлу.

– Неужели помогаетъ?

– Молитвами святыхъ отецъ дѣйствуетъ, и не токмо что зубную боль превозмогаетъ, но и отъ нутра большое исцѣленіе.

– А съ собою если взять мѣлу, будетъ полезно?

– Полагаю.

– Кому бы это поручить отколотъ?

– Самой, госпожа, самой надо! Иначе дѣйствию препона. И непременно зубами.

– Чудеса у васъ! Я ужъ и докторовъ...

– Чудесь у насъ много. На бѣснующихся мантию Иоанна-Заточника возлагаемъ, и не было примѣра, чтобы одержимый не получалъ себѣ облегченія.

Слушаю – это мой отецъ Серапіонъ разглагольствуетъ.

– Скажите, какая въ ней сила!

– Свыше, госпожа благородная, свыше... Снисходить!.. По молитвѣ и по вѣрѣ – исцѣленіе.

– А вотъ доктора – тѣ ничего не могутъ.

– Медики земные, что они! Развѣ у нихъ въ аптекаѣ есть мантия Иоанна Заточника? Ихъ наука отъ Эскулапа пошла. А намъ Матерь Божія и св.Николай чудотворецъ снисхождаютъ.

– А вѣдь какія деньги-то докторамъ платятъ.

– Отчего денегъ не брать, когда даютъ! Коемуждо потребны по дѣламъ его!

– А тотъ Эскулапъ, что же?.. Бѣсъ былъ или волшебствомъ?

– Эскулапъ, сударыня, грекъ былъ, язычникъ, также какъ и Гиппократъ. Меня за нихъ, за обоихъ, въ семинаріи драли неоднократно. Сіи оба отцами медицины почитаются.

– Отъ нихъ, значить, и доктора пошли?

– Отъ нихъ наука... А доктора отъ отцовъ съ матерями. Ну, спаси васъ Богъ, сударыня! Мнѣ тутъ тоже къ одному надо.

– Не ко мнѣ ли, отецъ Серапіонъ? – окликаю его.

– Вотъ именно! Хуторъ нашъ монастырскій хочу вамъ показать. Полюбуйтесь на хозяйство наше.

Я сошелъ внизъ. Дама, почитавшая Эскулапа бѣсомъ, все еще приставала къ отцу Серапіону.

Необходимо отмѣтить эту черту провинціального бабья. Какъ попадетъ въ монастырь, такъ сейчасъ, первымъ дѣломъ, ротъ разинетъ и давай всему благоговѣнно удивляться, точно никогда не видала.

– Во сколько же вы часовъ трапезуете, отче?

– Въ полдень.

– Ахъ ты, Господи, удивляется уѣздная дурища, хотя сама жретъ тоже въ часъ пополуд-

ни. – Скажите! А это что у васъ, отче?

– Это голуби.

– Ахъ ты, Господи, голуби! И качаетъ головою, и губы поджимаетъ, точно первый разъ отъ роду на голубя наткнулась. – А эта лодочка тоже монастырская? И чуть не въ землю лбомъ стучается передъ обыкновеннымъ челночкомъ. Кажется, кабы не было при людяхъ, такъ зубами бы попробовала, не сахарная-ли.

По-неволю и сами монахи привыкають и убѣждаются, что у нихъ все особенное.

– Я вамъ очень благодаренъ, что вы меня окликнули, замѣтилъ отецъ Серапіонъ.

– А что?

– Да госпожа эта пристааетъ. *Ей должно быть вовсе не зубы лечить. Сама зубы заговариваетъ.*

– Ну вотъ... Скромная такая дама.

– Сіи сластолюбивыя Венеры и не такіе еще виды на себя принимать могутъ. *Иная такъ-то глаза скосить – думаешь, одно святое у нея на умѣ, а она, подлая, агнца себѣ избираетъ посреди монашествующей братіи. А потомъ инокамъ поношеніе!*

Отецъ Серапіонъ, не смотря на свою смѣшную внѣшность, оказался прекраснымъ

человѣкомъ. Предлагалъ я ему деньги – отказывается: монашествующей братіи не подобаетъ. И съ другими тоже самое. Вообще, если исключить монашка, встрѣченнаго мною на паромѣ, то святогорскіе иноки отличаются отъ всѣхъ другихъ безкорыстіемъ. Навязчивыхъ между ними я вовсе не встрѣчалъ. Никто не выпрашиваетъ, никто не говоритъ „пожертвуйте“. *Какая разница съ троице-сергіевскими. Тѣ чуть не за горло хватаютъ богомольца.* Правда, и на Святыхъ горахъ разставлены во многихъ мѣстахъ тарелочки, но никто здѣсь не слѣдитъ за вами испытующимъ взглядомъ, положите вы или нѣтъ. Сидитъ монахъ и молчитъ, дѣла ему нѣтъ до васъ. На суевѣріе тоже не бьютъ, не извлекаютъ пользы изъ него; видимо обитель живетъ крупными приношеніями, не заботясь о томъ, чтобы на каждомъ шагу срывать по нѣсколько копѣекъ съ богомольцевъ. Вотъ, напримѣръ, отецъ Серапіонъ, не тотъ, съ которымъ я шелъ, а другой, уставщикъ. Этотъ, мнѣ кажется, даже не поклонится, если бы деньги ему подъ ноги попались. Высокая, строгая фигура; взглядъ точно сверху внизъ. Эффектный красавецъ чисто аскетическаго пошива. Въ католическомъ монастырѣ его бы, какъ бенефицианта, впередъ выставляли.

Пишетъ славянскою вязью, какъ скорописью, и притомъ изящнѣе нашихъ литографовъ. *Барыни на него заглядываются.* Я такихъ красавцевъ рѣдко и встрѣчалъ. Самъ по себѣ можетъ быть темою для картины... На нерадушіе монаховъ здѣсь трудно пожаловаться. Еще изъ дворянъ – бирюки бирюками. Остальные просто не знаютъ, какъ принять, куда посадить; по лицу видно, что рады вамъ, какъ дорогому гостю, только разговаривать боятся... Какъ бы *отъ настоятеля* за разговоръ не влетѣло.

Путь на хуторъ идетъ сначала зигзагами въ гору. Оглядываясь внизъ, видишь то долину Донца, то монастырь – прямо подъ ногами, съ микроскопическими группами богомольцевъ, то пустынные лѣсныя горы. Поэтому, разумѣется, приходится поминутно останавливаться – силъ нѣтъ оторваться отъ этихъ чудесныхъ картинъ. Мѣловая дорога подъ солнцемъ слѣпитъ глаза. Всюду обломки мѣловаго камня. На горѣ громадныя сосны, неуступающія сѣвернымъ. Земля, на которой онѣ держатся, толщиною вершковъ въ восемь, ниже – опять-таки мѣль. Поэтому корни деревьевъ не идутъ въ глубь, а распространяются вдоль, переплетаясь одинъ съ другимъ въ непроницаемыя по своей крѣпости

сѣти. Добрались мы, наконецъ, до вершины – тутъ избенка подъ соломенною кровлею. Оказалось, живутъ монахи, присматривающіе за наемными рабочими. Здѣсь же и рабочіе рубятъ бревна, пилятъ лѣсъ. Всѣ куряне. Въ монастырѣ они проводятъ семь мѣсяцевъ въ году до Введеньева дня. Является сюда ихъ человекъ сто. Каждый получаетъ, смотря по работѣ, отъ 80 до 120 рублей – на монастырскихъ харчахъ. Перволѣткамъ платятъ по 50 рублей. Кормятъ рабочихъ хорошо. Чаю, разумѣется, не даютъ.

– Почему это? спрашиваю у одного монаха попроще.

– Чай – трава невѣрная.

Я засмѣялся.

– Чего ты! – обидѣлся онъ, – извѣстно въ невѣрной землѣ растеть. Что табакъ, что чай!

– Да вѣдь и кипарисъ въ невѣрной землѣ растеть.

Отецъ Серапіонъ вступился.

– Онъ по скудоумію своему поясняетъ. Чаю у насъ потому не даютъ рабочимъ, что и сами монахи такового не получаютъ – не полагается. За то каждому рабочему идетъ по фунту мяса въ день. Хотя бы въ обители и не слѣдовало, но идетъ.

Сами монахи, присматривающіе здѣсь, не работаютъ.

– Почему?

– Не приличествуетъ... Монахъ – не мужикъ.

Опять разница съ соловецкимъ инокомъ. Тутъ монахъ – не равный, а начальство для рабочаго. Онъ покрикиваетъ на него, командуеъ, иной разъ и затрешиной угостить, а не то, чтобы самому взять пилу въ руки и показать. Вообще святогорскихъ монаховъ я за дѣломъ не видалъ. Исключая о. Антонина, едва-ли кто изъ нихъ и работаетъ. „Труждающійся, да ясть“, внушаютъ они наемнымъ крестьянамъ, но сами *хотя и ѣдятъ*, а тружатся вовсе не любятъ.

Кругомъ пахнеть свѣже-распиленными сосновыми досками. Высокіе дубы слегка колыхуъ въѣвьями, потому что по гребню горъ тянется легкой въѣтеръ, не спускающійся внизъ. Въѣвья едва опушились, и запахъ молодой листвы приятно смѣшивается съ смолистымъ духомъ сосны. Гдѣ-то, далеко, далеко, стучить топоръ. Въѣтъ миромъ и спокойствіемъ. Сквозь древесные стволы мерещится долина; какое-то озеро серебрится на ней.

Направо, на „версѣ горы“ работаетъ прекрас-

ная мельница. Вся она такъ и вырѣзывается на безоблачной сегодня лазури неба. Я зашелъ туда. Мельникъ монахъ изъ курскихъ крестьянъ обрадовался мнѣ какъ родному. Прежде всего онъ мнѣ своихъ дѣтей повель показывать:

– Какъ это дѣтей? Въ монастырѣ-то?

– У меня такія, что и схимнику можно имѣть. У меня дѣти особыя.

– Сколько же ихъ у васъ?

– Да трое! Такая ужъ жена плодливая, что дѣлать.

Представьте мое изумленіе, когда я увидѣлъ этихъ дѣтей: сороку, бѣлку и орла, совершенно ручныхъ. Это впрочемъ не единственный примѣръ. Во всѣхъ обителяхъ иноки привязываются къ животнымъ. Въ одной, напримѣръ, мнѣ показывали дрессированнаго поросенка, котораго почему-то называли „иновѣрцемъ“.

– Какъ одному скучно – сейчасъ: дѣти ко мнѣ! Они ужъ знаютъ, идутъ.

XX.

Мельница.

Мельница поставлена обителью на широкую ногу. Сразу засыпается сверху для помола 500 четвертей хлѣба. Четыре пары жернововъ работаютъ безостановочно. Съ мѣшка муки берутъ за помоль по два ковша.

– Въ пользу святыхъ обители пополнѣй на-
ровимъ... А то мужику помирволишь – обитель
обидишь, поясняя мнѣ мельникъ.

Вѣ селѣ Маякахъ стоитъ вторая, громадная
монастырская мельница, водяная.⁵²

– Она у насъ на диво построена. Помѣщики
любуются. Очень ужъ хороша! Изъ Харькова
смотрѣть притекали. А и ставиль-то, какъ и
эту, простой неграмотный мужичекъ. Ученые

прїѣзжали, говорятъ, совсѣмъ по наукѣ выходить, а у него, у мужиченки-то, и науки всей что аршинъ... Бороденка-то – пеньковая; такъ, немудрящій мужиченко.

Мельникъ оказался типомъ въ своемъ родѣ. Въ немъ первомъ здѣсь, подъ рясою монаха, не умеръ крестьянинъ. Скуфейка на затылкѣ, рубаха на выпускъ, сапоги со скрипомъ. Съ по-мольщикомъ зубъ-за-зубъ.

– Благослови-ко насъ чайкомъ, да яичками! предложилъ ему о.Серапіонъ.

– Вотъ радость мнѣ, такъ радость! суетился мельникъ. – Какого святаго молить?

Мельница и хутор Святогорского монастыря с церковью во имя «Знаменія иконы» Б.М. в с. Маяках

– Да ужъ радость не радость, а пришли – угощай! Онъ у насъ вѣдь мученый, прибавиль о.Серапіонъ, обращаясь ко мнѣ.

– Это какъ?

– Прежде чѣмъ въ монастырь попасть, сколько одного побоя отъ отца выдержалъ, за это самое, за монашество.

– Топоръ въ голову леталь. Съ полнымъ удовольствіемъ! А что горшковъ объ меня разбито, да палокъ сломано. А я все еще – вонъ какой!

– Всякому дневи довлѣеть злоба, его! – ни съ того, ни съ сего, по своему обыкновенію, изрекъ отецъ Серапіонъ.

– Это точно, согласился мельникъ.

– Идѣ-же зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всякая злая вещь!

– Чего ужъ – извѣстно!

– То-то!

– Я, отецъ Серапіонъ, тоже говорю: за этотъ за самый монастырь, сколькимъ поди влетало.

– Безъ Бога, братъ, не влетитъ. Это Онъ, Господь, тебя испытуетъ, истинное-ли благожеланіе имѣешь. Не суесловишь-ли токмо. А ты такъ думаль – въ монастырь, такъ сейчасъ тебя и пустили.

– Зачѣмъ сейчасъ, претерпѣть надо.

– Вот оно самое! И претерпѣвай! А ты говоришь – побой.

– Я рази со зломъ, отецъ Серапіонъ; я со всякимъ благодареніемъ. Мы за это самое родителю нашему, за побой значить, въ ноги кланялись! Съ полнымъ удовольствіемъ!

– Всякое царство, раздѣльшееся на ся, запустѣетъ и всякъ градъ или домъ, раздѣлившійся на ся – не станетъ, совсѣмъ уже неожиданно заключилъ отецъ Серапіонъ.

– Они насъ палкой, а мы имъ въ ноги!

– Смиряяй себя – превознесетъ.

– Они за власы, а мы имъ въ ручку!

– Ну?

– Ну и превозмогли! Отпустилъ въ обитель. Вмѣстѣ помолились еще.

– Дивны пути Господни! Яйца-то у тебя изъ Маяковъ?

– Да. Тамошній мельникъ, отецъ Мардарій, благословилъ десяточкомъ.

– Не вѣдаешь, куда приведетъ... Ты думаешь къ погибели, а Онъ тебя ко спасенію.

– И все это должны мы чувствовать.

– То-то!

– А мы не чувствуемъ и выходимъ скоты безчувственные! – окончательно уже размякъ мельникъ. – Пути, братъ, разные, обратился онъ

ко мнѣ. – Тутъ одинъ старикъ-казакъ ко мнѣ пришелъ. Въ монахи тоже захотѣлъ. Я его принялъ. Что жъ бы ты думалъ: онъ полагалъ въ иноки, а жена его домой по этапу требовала.

Вотъ те и пути!.. Это точно, что разные... Отецъ Серапіонъ? обратился онъ, немного помолчавъ, къ моему спутнику.

– Ну?

– Никакъ невозможно.

– Что?

– По нашему мельничному дѣлу. Изъ-за длинныхъ рясъ, уже въ шестернѣ двое и вѣкъ свой скончало иноковъ. Смололо... Благословили бы насъ короткими. Вонъ они говорятъ, въ Соловкахъ – до колѣнъ.

– Не благообразно.

– Да вѣдь сгинемъ!

– Будеть попущеніе – сгинешь, а не будетъ попущенія и въ длинной рясѣ цѣль останешься. „Ни одинаго волоса“, сказано. Что дамскому полу, что духовному сану – одежда подобаеть длинная, сокровенно блюдущая члены!

Чай пить мы пошли на балконъ мельницы. Впереди – громадная поляна, по сторонамъ вершины горъ. На востокъ онѣ тонуть въ туманной синевѣ вечера, на западѣ – смутно млѣютъ въ золотистой дымкѣ заката.

– Свѣтскому человѣку не понять чувства монашескаго? – засмотрѣлся о. Серапіонъ на горы.

– Это почему?

– Потому что здѣсь можетъ быть столько праведниковъ передъ Богомъ, яко свѣтильни возженныя молитвою, возносились.

– Да, тутъ, братъ, на каждомъ шагу угодники были, замѣтилъ и мельникъ съ своей стороны. – И все разные! Всякихъ націй! Поди на многихъ языкахъ молились Богу-то.

– Отъ мірскаго соблазна въ камень ушли. Въ нѣдра горныя!

– А казакъ отъ жены – этотъ не ушелъ. Ишь... И шельма же!.. Супруга – и вдругъ по этапу домой... А?

– И листъ его не отпадетъ, и вся елика, аще творить – успѣетъ, – закончилъ по своему отецъ Серапіонъ.

XXI.

На хуторѣ.

Отъ мельницы до хутора было рукой подать.

Хуторъ еще только устраивается, не окончена даже кирпичная стѣна, которую онъ окружень. По угламъ ея зачѣмъ-то башни, уподобляющіе ферму какой-то крѣпости. Внутри стѣны – ряды сараевъ, крытыхъ соломой, маленькія хозяйственныя избы.⁵³

– Что это? – указываю я на кирпичныя фундаменты.

– Будуть новыя больница и баня.

Строють опять-таки не монахи. Монаха – ни одного! Работаетъ крестьянство, получающее отъ 1 р. 80 к. до 2 р. съ тысячи кирпичей, уло-

женныхъ имъ. Разумѣется, харчи монастырскіе. Работа тяжелая, и вознагражденіе очень щедрое. Я замѣтилъ объ этомъ о. Серапіону.

— Чтожь, пускай для ради обители потрудятся. Вѣдь не кому другому — Богу! Чего не додадимъ, послѣ сторицею имъ воздастся. Не на помѣщиковъ вѣдь.

Больничный хутор с церковью во имя иконы Ахтырской Б.М. Святогорского монастыря XIX в.

Мы посмотрѣли пекарню; въ громаднѣйшій чанъ, гдѣ замѣшиваютъ хлѣбъ, бросаютъ сразу 50 пудовъ муки; изъ которой выходитъ 65 пудовъ хлѣба. Печется хлѣбъ въ двухъ печахъ, въ каждой по 50 хлѣбовъ за-разъ. Точно изъ вратъ

адовыхъ, выбрасывалось пламя изъ этихъ громадныхъ логовищъ. Медвѣдь привольно могъ бы перезимовать въ такой берлогѣ, а семейству крестьянина было бы еще очень просторно въ монастырской печкѣ.

– Все съ молитвой, все съ молитвой! И тѣсто мѣсимъ съ молитвой, и хлѣбы ставимъ, поминая угодниковъ, – сладко расписываль маленькій монашекъ, который только состоитъ за дѣломъ, а работаютъ другіе, послушники. – Оттого и хлѣбъ у насъ, рабы божьи, святой выходитъ. На пользу!

– Ну это что же! Всякій хлѣбъ на пользу.

– У насъ, отецъ Серапіонъ, особый. На нутро хорошо дѣйствуетъ. И солодкій же у насъ хлѣбецъ. Одинъ генераль изъ Питера прѣхаль, говоритъ, не пробоваль лучше.

– Нашимъ хлѣбомъ убить человѣка можно, замѣтилъ опять-таки неожиданно о.Серапіонъ.

– Съ чего же это? – обидѣлся монашекъ.

– Потому въ немъ безъ малаго пудъ. Дай-ко такую ковригу Самсону, замѣсто ослиной челюсти, столько бы онъ народу побилъ... Хлѣбомъ насущнымъ-то! О, Господи! Господи! Господи! Дажь намъ днесъ.

Туть же рядом – мукоסףйна. Сѣють на восемь сить сразу. При пекарнѣ отъ 12 до 14 послушниковъ постоянно заняты дѣломъ. Всего же монаховъ на фермѣ живеть постоянно около 80 и, разумѣется, большей части изъ нихъ дѣлать нечего, тѣмъ болѣе, что и посторонняго рабочаго народа не мало.⁵⁴ Сравнивая съ обиходомъ сѣвернаго монастырскаго хозяйства, я отдавалъ послѣдному преимущество. У соловецкихъ иноковъ всюду опрятность, напоминающая финляндское хозяйство. Коровы вымыты, солома подостлана чистая. На Святыхъ же горахъ, въ коровникахъ хоть на ходуляхъ броди, столько грязи. На скотскомъ дворѣ мальчики, по колѣно въ грязи этой, доятъ коровъ. Видимо, и условія жизни для дѣтей не особенно хороши. Ребята блѣдные, худые, заморышами смотрять. Даже жаль ихъ дѣлается, на что ужъ кажется я присмотрѣлся и притерпѣлся къ людскому горю.

– Чтобы вамъ почистить, замѣчаю я монаху.

– Чего тутъ чистить-то?

– А вотъ, Господь дождика пошлетъ, лучше станеть.

– Отъ дождя еще больше грязи будетъ.

– А тогда и чистить, значить, не надо.

Скота у монастыря много. Однихъ воловъ до ста, но все это содержится очень плохо, главное – грязь вездѣ, отдохнуть глазу не на чемъ. Опять разница съ Соловками, и какая еще.

– Скоть любить, гдѣ ему грязно, поясняя тотъ же монахъ. – Волъ мимо грязи не пройдетъ, сейчасъ въ нее. Ему любо, а намъ что! Блажень иже и скоты милуетъ. Вонъ у иновѣрцевъ, сказываютъ, коровамъ подъ хвостъ мѣшечки такіе подвязываютъ. По вашему и намъ тоже?

– У иновѣрцевъ любому, отецъ Милитонъ, поучиться можно.

– Ну ужъ это, отецъ Серапіонъ, напрасно; благочестивому иноку нечего у нихъ позаимствовать.

– Невѣжество! У германцевъ такъ рази скоть содержать? – вмѣшивается вдругъ неизвѣстно откуда явившійся строптивый отецъ Стефанъ. Точно съ неба свалился!

– А какъ?

– Да такъ!

– Да ты скажи какъ?

– Да такъ, что не такъ, какъ у насъ, смутился о. Стефанъ.

– А еще восклицаешь въ необузданности своей – невѣжество!

– Ну прости меня!

– Богъ простить!

И опять чмокъ другъ друга въ руку.

Сколько разъ отцу Стефану приходится такимъ образомъ, при строптивости своей, просить прошенія; я думаю, онъ и самъ счетъ потерялъ.

Около фермы – бахча, гдѣ мальчики, при насъ подъ наблюдениемъ зрителя изъ монаховъ, сѣяли арбузы.

– Эхъ, вы, дѣтишки, дѣтишки! – умилялся о.Серапіонъ. Тѣ подняли утомленные головенки. Видимо, шея заболѣла отъ работы.

– Ты ужъ очень ихъ! – обратился онъ къ приставнику.

– Пушай, пушай!.. Не замай – потрудятся... На Бога! Не для кого больше. Поиграть бы имъ, порѣзвиться по твоему. А бахчу нашу – кто приуготовить.

– Все же...

– Работайте, дѣти работайте! Богъ труды

любить. Рабу лѣнивому не споспѣшествуетъ. Ты что тарацишься? Такъ рази грядки-то копають? Ахъ ты плѣсень! Глубже бери! Бога надуть хочешь! Такъ Онъ, братъ, раньше насъ съ тобой увидить... Онъ, братъ, съ неба зорко смотреть, какъ ты труждаешься.

Мальчики еще торопливѣе принялись за дѣло.

— Такъ-то лучше! Ну, благословенные, еще вотъ тутъ, а потомъ на отдыхъ.

Да и пора была. Теплая ночь уже окутала насъ своими мечтательными сумерками. Опять соловьиныя пѣсни — такъ и льются кругомъ. Слушая соловья, одиноко поющаго, вамъ и представить себѣ нельзя, что это за прелесть, когда цѣлая роща полна ими, когда съ каждой вѣтки несутся на встрѣчу эти чудныя строфы пѣвца любви. Пѣвца любви — здѣсь, въ этомъ царствѣ отреченія отъ нея!..

Главою помаваетъ
И сердце веселить,
Отъ скорби помогаетъ
Пернатый сей пѣить.

ни съ того, ни съ сего произнесъ отецъ Серапіонъ, вмѣсто ожидаемаго мною и столь же, разумѣется, неподходящаго текста.

– Это вы о чемъ же? – изумился я.

– О соловьѣ. Имѣю слабость къ стихосложенію. Даже наказанію на тѣлѣ въ семинаріи подвергали за оное, но не оставилъ. Я какъ бурсакомъ былъ, больше сатиры на начальство писалъ.

XXII.

Ризница. – Трапезная.

Каждый старый монастырь вырабатывает непременно свой типъ монаха. Такъ, на примѣръ, соловчанина вы съ одного взгляду отличите отъ инока Троице-Сергіевскія лавры, а этого послѣдняго отъ Кіево-Печерской. Святогорская обитель, какъ молодая, не можетъ дать вамъ такихъ же рѣзкихъ отличительныхъ чертъ. Здѣсь монахъ, поступившій сначала по набору изъ другихъ обителей, не сложился еще, не успѣлъ заостенѣть въ опредѣленную форму. Тутъ есть историческія воспоминанія, но нѣтъ традиціи, которая только одна воспитываетъ черноризца. Притомъ тутъ такая амальгама сословій и

національностей, что, как острогранные тѣла, смѣшавшіяся въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ они сглаживаютъ друг друга. Отсюда, неблагоприятная роль наблюдателя въ Святыхъ горахъ. Монастырь этотъ пока не складывается еще, не переваривается, а просто механически растетъ, какъ растутъ камни. Уже и теперь думаютъ, наприимѣръ, перемѣстить сто монаховъ на хуторъ, потому что здѣсь имъ стало тѣсно. Когда обитель дойдетъ до совершеннolтiя, тогда только у нея будетъ своя опредѣленная физіономія. Та же самая молодость монастыря отражается и въ его ризницѣ, и въ живописи стѣнъ, и въ стилѣ построекъ. Все это пахнетъ казармой, известкой, лакомъ и масломъ. Разумѣется, въ нашихъ обителяхъ нечего искать замѣчательныхъ созданій живописи. Искусство тутъ имѣетъ совсѣмъ другой интересъ. Въ произведеніяхъ иноческой кисти вы можете изучать особенности народнаго вкуса. Та же, въ сущности, суздальская картина – въ высшей степени характерная, какъ и она, хотя, разумѣется, безобразная до крайности. *При общемъ низкомъ умственномъ уровнѣ нашихъ черноризцевъ, хорошій художникъ монахъ или долженъ бѣжать изъ обители, или рисовать*

разныхъ аллегорическихъ змѣевъ съ надписями, исходящими въ видѣ лентъ у нихъ изо рта, быковъ съ козлиными головами и т.п. прелести. Въ Святогорской обители даже этого характернаго безобразія мало. Даже тулякъ-оружейникъ, встрѣтившійся мнѣ въ одной изъ галерей святогорскихъ, жаловался, что тутъ не занятно, нѣтъ той нравящейся народу и немного грубоватой ироніи. Въ одномъ изъ маленькихъ монастырей, напримѣръ, я видѣлъ цѣлую стѣну подъ картиною Страшнаго Суда. Судьи сидятъ на верху, какъ. и подобаеть, на облакѣ. Передъ ними развернуть сводъ законовъ. Внизу, во всю длину стѣны, разверстая пасть люциферова, съ огнемъ, пышущимъ изъ нея. Въ пасть эту вступаютъ, по два въ рядъ и по ранжиру (художникъ былъ изъ солдатъ), сначала черное, а потомъ бѣлое духовенство въ полномъ облаченіи, затѣмъ чиновники въ мундирахъ, съ портфелями подъ мышкой, точно они идутъ къ докладу, и наконецъ цѣлый кавалерійскій полкъ во всемъ парадѣ, съ трубачами, играющими маршь, съ начальствомъ, обнажившимъ сабли. Еще одна подробность. Дѣвица, въ короткомъ платьѣ, съ чрезвычайно старательно, любовно отдѣланными

икрами, танцюя съ молодымъ челоуѣкомъ въ зеленомъ фракѣ, тоже стремится въ пламя адово, въ пасть Люцифера.

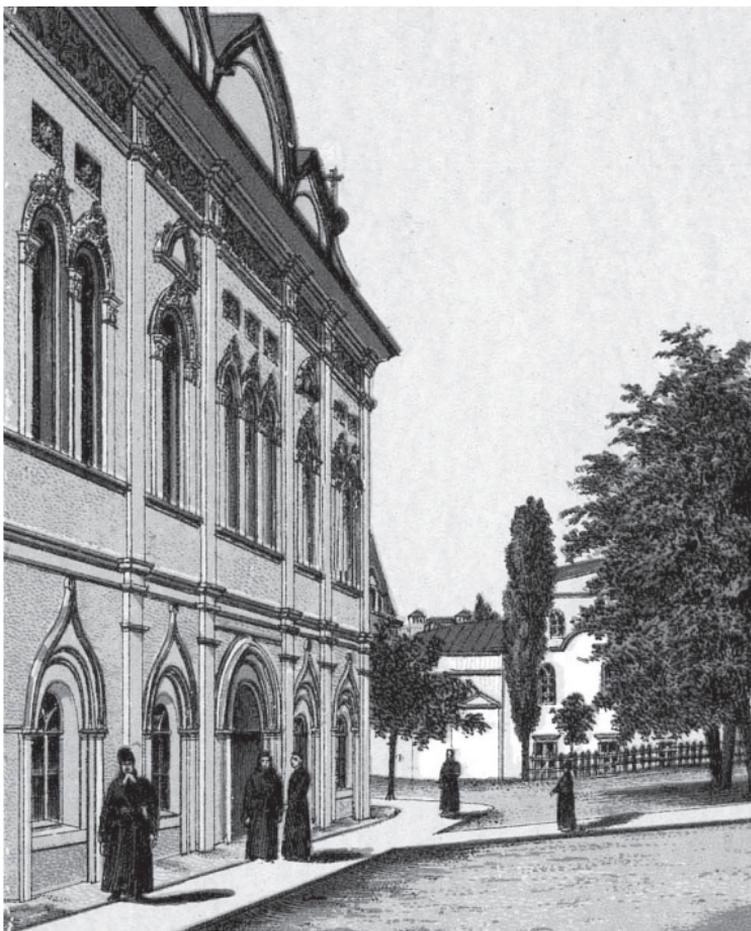
И зданія здѣсь другаго рода. Во всѣхъ старыхъ обителяхъ они оригинальны, въ Святыхъ горахъ – все больше къ типу казармы подходятъ. Въ ризницѣ есть богатства, но остановиться не на чемъ.⁵⁵

Спрашиваемъ, между прочимъ, относительно книгъ въ библіотекѣ. Нѣтъ-ли старыхъ, или рукописей. – А на что намъ онѣ! Монаху одно Евангеліе, да Четыи-Минеи надлежать.

– Да вѣдь сколько ученыхъ изъ монаховъ было.

– Повѣрьте, всѣ они не настоящіе иноки. Всѣ на томъ свѣтѣ на сковородкахъ жарятся. Чортовы котлетки! Невѣжество свѣтскому челоуѣку въ стыдъ и поношеніе, иноку въ честь и прославленіе. Если который истый черноризецъ – то науку забыть долженъ. Развратъ въ ней! Безъ науки-то сколько праведниковъ было; а какъ науки пошли и праведниковъ не стало. Моисей былъ душою простъ, а какъ устыдиль жрецовъ египетскихъ съ ихъ волшебствами?

У насъ тоже, которые малограмотные мо-

Покровская церковь Святогорского монастыря XIX в.
На первом этаже размещались ризница, библиотека,
архив монастыря

нахи, тѣ больше къ иночеству прилежать. Вотъ отецъ Антонинъ, изволите знать? Что-же добраго – все въ книжку! Смиримъ мы его – оставить, а потомъ опять.

Іоаннъ-Заточникъ изъ простыхъ былъ, а каковъ! Аки адамантъ сіяющій, аки вѣнецъ свѣтящій.

– Да вѣдь и Іоаннъ сокрушался, что самъ не могъ читать и понимать отцовъ церкви.

– Такъ это развѣ наука! Это премудрость, а не наука. Премудростью спасешься – наукою погибнешь! И то уже не иноческій духъ у насъ. Пожарный струментъ завели. А зачѣмъ? Съ Богомъ спорить захотѣли. Громъ небесный – глаголь Господень; нѣтъ, громоотводы подавай! Слово-то Божіе отводить! Какъ пошлетъ попущеніе – кишкой и заливай! Ересь!

– Однако за эту за самую кишку ужъ какъ мы вамъ и благодарны, – вмѣшался мужичекъ.

– А что?

– Да пожаръ у насъ былъ; монастырь прислалъ кишку – чудесно залили.

– Изорвали только!

– Намъ обитель благодѣтельствуетъ! – слащаво вмѣшался мужичекъ. – Теперъ, погорѣвшимъ

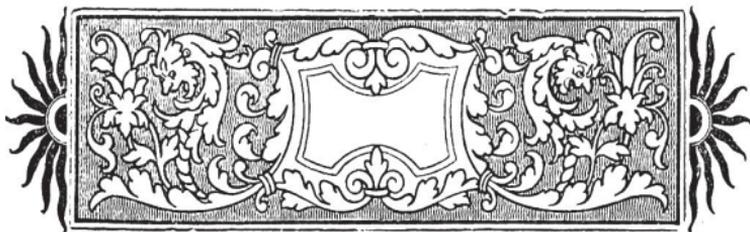
по 10 р. денегъ отвалили, а кому и больше. Телѣгами благословили, скотомъ тоже. Одному избу на счетъ обители построили, триста рублей денегъ дали.

– Вы къ намъ прилежите, а мы къ вамъ. По завѣту евангельскому.

– Это точно!

Чрезвычайно трудно уловить особенность здѣшняго говора. Русскіе переселенцы быстро усваиваютъ малороссійскія окончанія; произносятъ: не „торговать“, а „торгуваты“, не „покупать“, а „покупаты“. Въ то же время и коренное населеніе, подъ вліяніемъ обители отстаеътъ отъ своего говора и принимаетъ русскій. Обитель въ этомъ отношеніи замѣтно асимилируетъ; черезъ нее проходятъ, теряя особенности языка, *но, къ сожалѣнію, взамѣнь ничего не приобрѣтая*. Въ селахъ Банномъ, Маякахъ и другихъ ужъ говорятъ по-русски.

XXIII.

Богомольцы. – Нищіе.

Какъ пестра толпа богомольцевъ, снующихъ по дворамъ святогорскаго монастыря. Я по цѣлымъ часамъ всматривался въ нее. Тутъ и казаки въ бешметахъ, и женщины въ бѣлыхъ свиткахъ, съ черными тесъмами, и бродяжки въ подрясникахъ и скуфейкахъ, и отставные солдаты, съ обязательно торчащею щетиною на бородѣ, и пестрое цыганство, перекликающееся гортаннымъ говоркомъ, и гречанки съ Дона – чернобровыя, черноокія, и ростовскіе армяне, и болгарскіе колонисты, неповоротливые, тяжелые, и невѣдомо зачѣмъ – бойкіе и юркіе жидки, не то прекрещенцы, не то такъ себѣ

вольнопрактикующіе. Притомъ, тогда какъ въ Соловкахъ нищенства нѣтъ, здѣсь нищенство на каждомъ шагу самое назойливое, самое безотвязное.

— Дайте мини слѣпенькому, темненькому! — преслѣдуетъ васъ повсюду назойливое причитаніе. Вы не знаете куда укрыться отъ него... У воротъ гостинницы сидятъ рядами. У входа въ обитель — тоже. Безногіе перекатываются по землѣ, безрукіе ухитряются держать чашку пальцами ногъ, слѣпья старухи постукиваютъ посохами по сторонамъ.

— Тутъ, вы полагаете, все нищіе?

— А то какъ же.

— Баснописецъ, Крыловъ, кажется, замѣтилъ, что наружность обманчива бываетъ. Вонъ видите, здоровый мужикъ. Еще сапоги хорошіе на немъ, указаль мнѣ монахъ, сопроврждавшій меня.

— Вижу.

— Выпрашиваетъ тоже. Ты по обѣту? — обратился къ нему инокъ.

— По обѣту, отче.

— Ну вотъ видите! У него дома хозяйство, а это онъ обѣтъ далъ Богу мѣсяць въ видѣ

нишаго у воротъ обители сидѣть. Ну и сидить! Вы какъ думаете: тутъ одна барышня, благородная, тоже съ нищими по объѣту пришла. Мы ее видѣли. Черезъ недѣлю уже папенька ихній изъ городу прѣѣхаль, такъ увезъ. А то все у воротъ сидѣла съ чашечкой. Вотъ какіе у насъ нищіе бываютъ.

Больше всего здѣсь окрестнаго монастырскаго крестьянства. Оно чуть не живетъ при обители. Правда и кормится здѣсь хорошо! Напримѣръ, бабы изъ села Баннаго присвоили себѣ монополію торговли при монастырѣ; мальчики – тѣ при мельницѣ у монаховъ. Впрочемъ, обитель нѣсколько деморализовала ихъ всѣхъ. Лѣнивѣе работаютъ. Даже иноки и тѣ жаловаться стали.

– Мы ихъ не заставляемъ, Впрочемъ. Какъ придется, такъ пусть и работаютъ.

Монахи поэтому предпочтительно нанимають работниковъ изъ другихъ губерній, преимущественно же курянь. Куряне – работни- ки чудесные и обитель ими дорожить очень. Монастырь вообще цѣнить трудовыя руки. На хуторѣ я самъ видѣлъ, что и двухъ слѣпыхъ не оставили безъ дѣла, приставили ихъ мѣсить

хлѣбъ въ пекарнѣ.

Казачи снують въ толпѣ. Въ одностороннихъ кафтаныхъ и барашковыхъ шапкахъ. Перетянуты поясами, какъ жаръ горящими отъ мѣдныхъ бляхъ. Эти, по словамъ монаховъ, ворь-народъ. Чуть не досмотришь, глядишь – ужъ и ахнуло! Ихъ не охотно „Святогорье“ и въ монахи принимаетъ.

– Почему это?

– Да все старая удалъ. Тѣ же воры – черкесы, что и прежде были. Есть для нихъ отдѣльная столовая, – нѣтъ, наравить все больше въ трапезную къ намъ забратъся.

Трапезная святогорская очень бѣдна.⁵⁶ На стѣнахъ плохо нарисованные образа. Между ними монахъ на крестѣ... Кругомъ него искушенія: одно въ видѣ сарацина. Изъ рта ленточка, на ленточкѣ надпись: „плоть, сойди со креста“. По другую сторону воинъ съ ленточкой во рту: „миръ, сойди со креста“. Внизу, подъ самымъ крестомъ, чортъ съ длиннѣйшимъ хвостомъ и фигурой клоуна тоже приглашаетъ инока оставить его мѣстопробываніе. Кругомъ летаютъ головы съ пылающими глазами и ртами. Лучше всего то, что въ число „прелестныхъ

искушений“ попало и не особенно привлекательное существо – лягушечья голова на змѣиномъ тѣлѣ. Она тоже приглашаетъ монаха къ себѣ.

– А лягушка сія обозначаетъ дамскій полъ! пояснилъ мнѣ монахъ.

– Ну что, потрудились? (Потрудились на иноческомъ нарѣчїи значить – походили, посмотрѣли).

Оглядываюсь, отецъ Стефанъ, мрачный, недовольный.

– Что съ вами?

– Да съ пасѣки сейчасъ прогнали.

– За что же это?

– По невѣжеству своему.

– Опять посовѣтывалъ что? – вмѣшался монахъ.

– Разумѣется! Если они по невѣжеству своему...

– Что-жъ ты имъ посовѣтовалъ?

– Дурнаго не пожелаю – уклонился о. Стефанъ отъ прямого отвѣта.

– А однако?

– Да улы стеклянные устроить.

– Ну?

– Обидѣлись пасичники и прогнали.

- Достойно и праведно!
- Почему?
- А не лѣзь въ чужое дѣло. Тебѣ-то что!
- Не могу же я видѣть, какъ въ нихъ тем-

Хозяйственный двор с мастерскими
Святогорского монастыря XIX в.

нота эта самая свирѣпствуетъ.

- А не можешь, не смотри.
- Нѣтъ моей мочи – уйду я отъ васъ!

Кстати, въ этотъ же день обзрѣли мы
нѣсколько хозяйственныхъ учреждений въ самой

обители. Тутъ каждый клочекъ земли отнять у горь.

Вотъ длинныя строенія кирпичнаго завода. Соломенные кровли его рдѣють горячимъ, золотомъ подь солнцемъ.

Монастырь съ этого года уже перестаетъ покупать кирпичъ — свой дѣлають. „А скоро и продавать будемъ!“ — замѣчаютъ монахи. — Санное заведеніе и телѣжное — невдалекѣ, до пятисотъ экипажей въ зиму выходитъ отсюда.

Въ зданіи обители механическая мастерская на пять станковъ, свѣчной заводъ, слесарня на четыре станка, лудильня, кузница на четыре горна, столярная на двѣнадцать станковъ. Все это заведено на хорошую ногу; видимо хозяйство заводится прочное, во вѣки нерушимое.⁵⁷

— Это еще что! говорятъ монахи. — Вы нашу обитель годовъ черезъ десятокъ посмотрите. Коли произволеніе Божіе будетъ надъ нами, мы такихъ чудесъ тутъ надѣлаемъ. Въ Англию не надо.

— Самимъ бы только работать слѣдовало.

Сейчасъ же и ушелъ въ раковину.

— Мы что, мы иноки — намъ неподобаетъ! Наше дѣло молитва. Мы за всѣхъ христіанъ

православныхъ.

При самомъ выходѣ изъ монастыря – новая группа нищихъ попалась на встрѣчу.

Толстый отдуловатый странникъ, въ лохмотьяхъ, которымъ нѣтъ имени. Слепой и глухой. Отъ лица такъ и пышетъ жиромъ. Недуги послужили ему въ пользу. Съ нимъ рядомъ хромя, безобразная жена. На плечѣ рана и, видимо, расковыряла она ее для пушаго возбужденія сострадательныхъ чувствъ, а около – дитя, прелестнѣйшее, съ крупными, чудными черными глазами, вишневымъ ротикомъ, улыбающимся такъ привѣтливо и наивно, что даже дико кажется видѣть его здѣсь, на рукахъ у этой отвратительной мегеры.

– Я такъ полагаю, стеклянные ульи споспѣшествовали бы пчеламъ! – не выдержаль о. Стефанъ.

Я, разумѣется, поспѣшилъ согласиться.

– То-то и оно! Удивительно, какъ въ необузданномъ невѣжествѣ своемъ погрязаетъ человекъ. Помилуйте, я читаю, учусь. Всею душою готовъ для нихъ, а они негодуютъ. Пасичникъ даже побѣлѣлъ, какъ я сказалъ. И не простилъ! Вотъ за какую обиду себѣ принялъ.

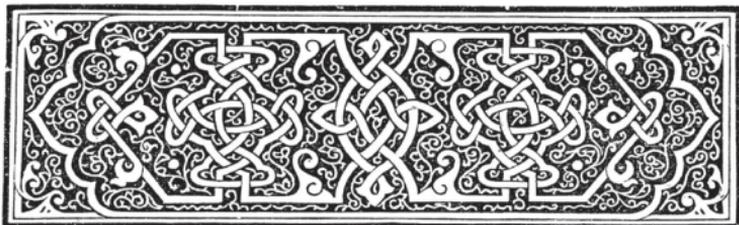
– Не простилъ?

– Я ему черезъ ворота – захлопнулъ онъ ихъ – кричу: прости, святой отецъ! А онъ ни слова, машеть рукою и прочь идетъ. А вы знаете, вотъ на этихъ самыхъ горахъ, совершенно неожиданно заключилъ онъ: – прежде дикія козы жили, а теперь не живутъ. Отъ людскаго запаху ушли. Имъ не по себѣ, если чье жильё около. А я такъ думаю: дѣтенышами изловить ихъ, да подъ ошенившуюся суку пустить, чтобы онѣ отъ ея сосцовъ кормились, тогда они къ человѣку будутъ прилежать и вновь сіи горы населять!.. Я къ этому пасичнику еще пойду.

– Зачѣмъ?

– Пускай простить. Какъ же я теперь въ церковь сунусь, когда онъ на меня зло имѣеть.

XXIV.

Пещерная церковь. – Схимонахи.

Бѣлые цвѣты райскаго дерева колышутся надо мною.

Тонкій аромат ихъ струится въ тепломъ воздухѣ... Не надышешься. Въ весеннюю листву, еще подернутую желтизною, ярко бьетъ солнце. Точно золотыя брызги сыплются по ней. Сквозь нее чернѣютъ стволы и сучья... И они словно рдѣть начинаютъ, и ихъ этотъ блескъ полуденнаго свѣтила зажигаетъ алыми огоньками. По цѣлымъ часамъ можно сидѣть здѣсь и слѣдить за переливами свѣта и тѣни. Самая тѣнь здѣсь лиловая, проникнутая теплыми тонами. Вонь глубокое ущелье все въ эту

тѣнь ушло... Только и свѣтитя тамъ крестъ какой-то *церковки*.

Потянуло вѣтромъ. Бѣлые цвѣты заколыхались у самаго лица. Точно прикосновеніе чихъ-то нѣжныхъ, лилейныхъ пальцевъ. Лепестки осыпаются, будто крылья бабочекъ скользять по вѣтру.

– Отдыхаете?

– А! отецъ Антонинъ! Что вы?

– Да такъ! Тянетъ меня отсюда... Жизнь зоветъ... Какъ на картинѣ: „сойди со креста», говорить.

– И сойдите!

– А обѣты?.. Я монахъ... Я отъ всего земнаго отрекся... Нѣтъ уже... Для міра я мертвецъ. Что другихъ-то пугать собою. Въ келью бы такъ спрятаться, чтобы ни чей голосъ не дошелъ бы до тебя. Земли надъ собою насыпать повыше и камнемъ завалить.

– Хотѣли вы нашу пещерную церковь посмотреть, – предложилъ онъ, немного погодя.

– Какъ же. Давно собираюсь.

– Она во имя св.Антонія и Оеодосія ископана. А вы слышали, какъ мы ее нашли?

Вход в подземную церковь пр. Антония и Феодосия
Святогорского монастыря

– Нѣтъ.

– Служеніе здѣсь древле еще совершалось, только никто у насъ не зналъ объ этомъ. Когда обновилась обитель, къ намъ старецъ одинъ помѣстился – Маѳусаиль. Онъ еще въ прежнемъ монастырѣ въ дѣтствѣ своемъ бывалъ.

– Сколько же ему было лѣтъ, когда возстановили монастырь.

– За сто, должно быть. Совсѣмъ ветхій деньми. Онъ намъ и разсказалъ, что, ребенкомъ еще, пася стада отца своего, онъ въ лѣсу открылъ сей пещерный храмъ. Случайно на слуховое окно онаго набрелъ. Сообщилъ инокамъ тогда же; но тѣ, терпя утѣсненіе, не стали разрывать этого мѣста. Сначала ему не вѣрили и у насъ, хотя онъ и указывалъ въ чащѣ лѣса, на горѣ, малую яму, говоря, что это и есть слуховое окно въ подземный храмъ; а потомъ прѣбхалъ преосвященный Иннокентій и приказалъ начать разрывать гору въ этомъ мѣстѣ. Братія, съ о.Веспасіаномъ во главѣ, раскопали яму и черезъ оную вошли въ алтарную часть подземелья. Тутъ жертвенникъ и престоль оказались; стали дальше работать, весь храмъ очистили и его боковые входы и выходы. Землю

выгребали оттуда руками и въ своихъ одеждахъ выносили ее въ слуховое окно.

Черная щель, совсѣмъ нора, вела въ этотъ храмъ. Нора шла внизъ, такъ что нужно было нѣкоторое усиліе удержаться на мѣстѣ. Сырой и тяжелый воздухъ этого мрачнаго подземелья стѣснялъ дыханіе. Въ ходахъ мѣловой скалы стѣны бѣлыя, здѣсь онѣ совсѣмъ черны. Несмотря на свѣчу, я едва различалъ передъ собою силуэтъ монаха. Каплетъ сверху, течетъ съ боковъ, мокро внизу. Щель эта идетъ въ алтарь, для прихожанъ проведена другая. Странное впечатлѣніе производитъ бѣдная обстановка подземнаго храма. Не страшно, а жутко; тянетъ скорѣе на свѣтъ Божій.⁵⁸

— Вотъ она, эта самая могила! Зарыться бы, ничего не видѣть, не чувствовать, — шепчетъ о. Антонинъ.

Сурово смотрѣли лики иконъ, освѣщенные трепетавшими огоньками лампадокъ. Точно подстать этому подземелью поднялась съ земли сторбленная хилая фигура монаха. Черная риза... Скелеты на ней, черепа... Капишонъ на головѣ такой же... Шепчетъ что-то намъ безкровными, совсѣмъ мертвыми губами.

Уже не сѣдая, а даже пожелтѣвшая борода падаетъ космами. Не хочется вглядываться пристальнѣе въ это лицо, такъ и кажется, что изъ-подъ капишона неотступно вперились въ тебя черныя впадины голаго костяка. Едва-едва идетъ къ намъ, видимо не различая, гдѣ мы.

Кладбище представителей знатных родов XIX в., захороненных при церкви пр. Антония и Феодосия Святогорского монастыря

– Схимонахъ! – шепнулъ мнѣ о. Антонинъ.
– Кто здѣсь?.. Кому надо?.. Что надо? – шепталь схимонахъ, блуждая взглядомъ по все-

му подземелью.

– Это мы, святой отець.

– Монашестующие или мірскіе? Иноки?.. Иноки?.. Гдѣ?.. Простите меня недостойнаго.

Одинъ мірской есть.

Гдѣ?.. Гдѣ мірской? Зачѣмъ мірской?.. Зачѣмъ мірской?.. Гдѣ онъ тутъ?

Я откликнулся.

Темныя впадины глазъ уставились въ мою сторону. Смотритъ и ничего не видитъ. Точно сквозь меня.

– Отчего не монашествуешь? Почто не спасаешься? Почто? Адскихъ мученій восхотѣлъ! Иди скорѣе иди! Преклони колѣна, моли о посвященіи. Иди, рабъ, иди!.. Се сѣкира лежитъ у древа! Пламя геенское пышетъ, скрежетъ грѣховный слышенъ... О Господи! Господи! Господи!

И схимникъ падаетъ передъ образомъ, всхлипывая совсѣмъ уже по-дѣтски.

Еще недавно здѣсь умеръ другой замѣчательный схимонахъ, въ мірѣ Семень Голубъ; прослужилъ онъ въ полку двадцатьпять лѣтъ, былъ раненъ. Послѣ отставки пошелъ на Аюнь, въ Черноморскій монастырь, гдѣ и по-

стригся. Тамъ онъ получилъ мантию и былъ названъ Серафимомъ. Греки его стали выживать. Долженъ былъ онъ уйти и нашель себѣ пріютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, а потомъ въ Глинской пустынѣ. Отсюда его перевели въ Святыя горы, гдѣ онъ, уже подъ именемъ Θεодосія, принялъ схиму и даже пророчествовалъ. Этотъ прожилъ болѣе ста лѣтъ и умеръ въ полной памяти, даже работаль наканунѣ смерти.

Мы поскорѣе вышли изъ подземелья.

— Вотъ моя судьба, тоскливо говорилъ о.Антонинъ. — Мечталь, мечталь, а подъ такую же схиму уйду. Что ужъ!.. Смерть зоветь!... Не совлечь!

Какъ отраденъ показался теплый воздухъ и дневной свѣтъ. Изъ подземелья мы попали на кладбище, гдѣ схоронены разные благодѣтельницаы и благодѣтели обители.⁵⁹ На одномъ изъ памятниковъ между прочимъ изображено:

„Артилеріи подполковница Θεодосія О****“.

Хорошо здѣсь! Хорошо именно съ пункта, гдѣ лежитъ эта артилеріи подполковница. Вдали смутно синѣють таинственными очертаніями, уходя однѣ за другія, горы, покрытыя сосно-

вымъ боромъ. Въ разсѣлинѣ, налѣво, пріютилось село, сползая въ сочную понизь. Луга, изумрудными коврами, покрыли скаты позади... Кони бродятъ тамъ...

Вонъ, на мысу, точно сбѣжался въ одну кучку, монастырь... Смотрится въ донецкія воды. Лѣсные плоты ползутъ по нимъ... А въ самой вышинѣ – тѣ же дивныя мѣловыя скалы, точно облитыя солнечнымъ блескомъ, сіяющія будто въ ореолѣ...

XXV.

Монахи скорбящіе. – Больница.

Что? нашу больницу смотрѣть? Никого вы тамъ не увидите.

– Почему?

– Не монашеское дѣло. Монахъ у медика небеснаго лечится!

Дѣйствительно, больница почти пуста. Камеры выходятъ въ церковь; такъ что прикованные недугомъ къ кровати – слышать службу. Воздухъ скверный, пахнетъ щами. Слоняются два монаха, страшно блѣдные. Отекшія, безнадежныя лица; такъ и видно, что на-дняхъ придется опять монастырскому колоколу ударить три раза, оповѣщая скиты и пустыни святогорскія

о кончинѣ еще одного изъ монашествующей братіи. Большинство больныхъ страдаютъ малокровіемъ и чахоткой. Весною и осенью больница переполнена тифозными. Чахоточныхъ и между монахами, живущими въ самой обители, чрезвычайно много. Видимо не дешево достаются эти послушанія, эта замкнутая, аскетическая жизнь. Сгораютъ чаще другихъ иноки изъ образованныхъ. *Они, разумѣется, находятъ въ монастырѣ не то, чего искали.* Назадъ возврата нѣтъ, и тають, „яко свѣчи возженные“.

— Брата Симеона Господь взялъ! — съ завистью говорилъ мнѣ совсѣмъ еще молодой монахъ, который чуть-ли и университета не попробоваль.

— Вы выздоровѣете... Лѣто придетъ...

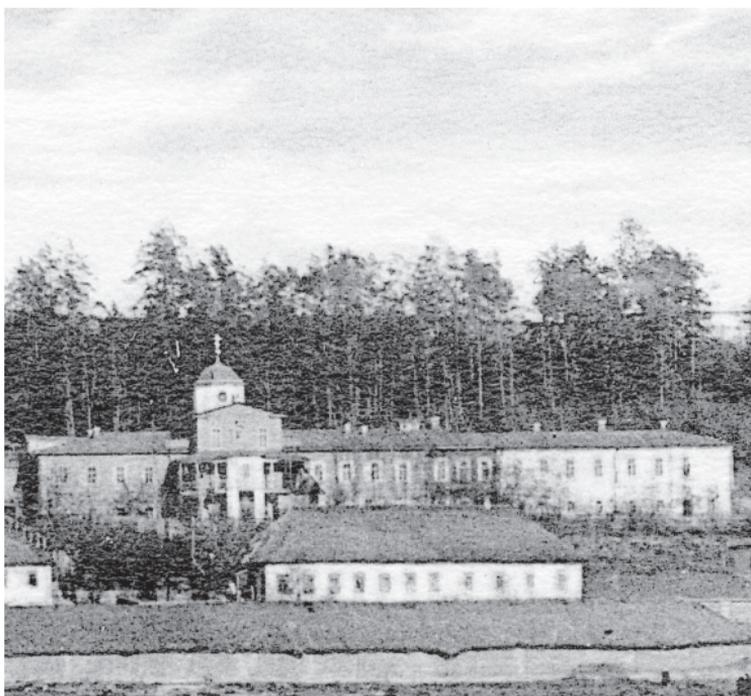
— Зачѣмъ? Кому я нуженъ?

— Прежде всего самому себѣ

— Себѣ я тоже въ тягость... Эхъ, если-бы вы не какъ гость, а такъ здѣсь пожили года два. *Такого бы насмотрѣлись!* „Смерть величайшее изъ благъ...“ Это у Майкова, кажется... Я, знаете, даже и книжки забылъ всѣ. Да оно и лучше. Тутъ такъ: пока старое не погасло у тебя на душѣ — мученикъ ты. По горамъ ходишь, въ

лѣсъ уйдешь, а оно все передь тобой.

И томить, и зоветь... Возмешь челнокъ, по Донцу внизъ спустишься, а оно изъ каждой струи, изъ глубины рѣчной на тебя знакомыми лицами смотреть. По вѣтру голоса милые до тебя долетаютъ, точно манять!

Монастырская больница и церковь в честь иконы Ахтырской Б.М. Святогорского монастыря XIX в.

Могилы разверзаются и изъ могилъ дорогіе люди встають. Поневолѣ уйдешь по монашески въ келью, да двѣсти поклоновъ въ землю, пока тутъ же и не растянешься на полу одеревенѣвши...

Что это за монастырь! Всѣ ѣздятъ. На кого ни посмотришь, такъ на тебя и вѣтъ прошлымъ. Ахъ, нѣтъ, не того искалъ я... Оиваидскаго житія хотѣлъ... На Аѳонѣ лучше; но тамъ зависть, интриги, злоба взаимная!

— Отчего же тогда не вернуться.

— Легко! я богатый человекъ былъ. Шель въ монастырь, все сестрѣ и братьямъ отдалъ, что имѣлъ. Да и много еще было другого. Не все расскажешь..... Люди злы!.. Люди злы, вотъ почему вернуться нельзя. Кабы люди злы не были... Вотъ этотъ Симеонъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Вы знаете, какая это душа была, чистая, незлобивая, какъ лампада предъ Богомъ горѣвшая. Ребенокъ!.. А къ намъ вѣдь онъ изъ острога пришелъ. Довели люди до того, что человекъ воровъ сталъ. Нужно было такъ — сестру спасалъ отъ гибели. Ну, люди — развѣ Богъ. Они судіи факта. На лицо онъ — и въ тюрьму! Изъ тюрьмы вышелъ — сюда. Уже

умирая, рассказал онъ мнѣ всю свою жизнь. Повѣрите-ли, такое ему счастье было, что за темничными затворами легче жилось, чѣмъ на свободѣ. Съ татями и разбойниками вольнѣе дышалось, чѣмъ съ честными людьми... Да что!.. Говорить не хочется. И другіе у насъ тоже чувствуютъ, только молчатъ. Случается, идешь тихо по лѣсу и видишь: сидитъ монахъ, голову опустил; услышитъ тебя – подыметъ глаза, а они въ слезахъ у него... Много подъ этой черной рясой похоронено... Не умерло только, жаль, а лишь погребено. Живые мертвецы у насъ въ груди.

– Я все-таки не понимаю, отчего же назадъ, въ міръ, не возвращаются?

– По малодушію, можетъ быть по слабости характера. Вѣдь если-бы характеръ былъ, развѣ пошли бы въ обитель?

Вотъ и другой монахъ тоже самое говорилъ мнѣ. Поѣхали мы съ нимъ въ такъ называемое „святое мѣсто“, въ скитъ. По пути горы, въ горахъ пещеры, все руками первоначеленниковъ святогорскихъ ископан-ныя, съ узкими норами вмѣсто входа. Дубовыя рощи привѣтливо машутъ намъ руками. Засмотрѣлся мой спутникъ

на одну гору.

– Это моя Голгоѳа!

Я попросилъ объясненія.

– Первое время, какъ поступилъ въ монастырь, куда какъ жутко было, рассказывалъ онъ. – Тосковалъ, мучился. Ну, какъ только придешь на это мѣсто, на самую высь, станешь на колѣни въ одиночествѣ и молишься... и полечаетъ, какъ и Христу на Голгоѳѣ, когда онъ духъ свой Отцу Небесному съ креста предалъ. А тамъ встанешь, начнешь мѣста эти оглядывать, совсѣмъ свѣтло на душѣ станеть. Господи! подумаешь: люди издалеча прѣзжаютъ сюда только полюбоваться, только взглянуть, а ты здѣсь всегда... Всегда эта краса передъ тобою, твоя она... Ну и легко станеть, и духомъ воспрянешь. Вмѣсто слезъ – смѣешься.

– А трудно бывало здѣсь?

– Какъ же нетрудно. Мука крестная!.. На этой самой горѣ упадешь и часа два лежишь пластомъ, словно мертвый. И въ кельѣ тоже. Какъ вечеръ, такъ тебя и бьетъ всего; и въ головѣ мутится, и глаза не глядятъ. Бывало въ церковь пойдешь: запоютъ монахи – несносно тебѣ, такъ бы и крикнулъ на весь храмъ, а что

крикнулъ и самъ того не знаешь. Доктора катарями это называютъ. Душевный, должно быть, катарь, потому духъ мятется, простору просить изъ-подъ черной рясы-то, какъ бѣсъ изъ одержимаго – вонь стремится.

– Ну, я думаю, у отца Серапіона духъ не мятется.

– Это у котораго. Не у того-ли, что все текстами говорить.

– Вотъ, вотъ.

– А вы спросите, кого двѣнадцать лѣтъ тому назадъ изъ петли вынули. Въ другой обители это случилось съ нимъ; тогда еще онъ у насъ не былъ. Онъ, видите-ли, въ попы долженъ былъ поступить. Кончилъ семинарію. У него ужъ и приходъ имѣлся. Явился къ архіерею, а тотъ и говорить: приходъ твой, только ты женись на дочери своего предшественника, попа тоже. Ну, а она баба рябая, злая... Подлая совсѣмъ баба. Серапіонъ и докладываетъ: я, ваше преосвященство, другую люблю и ею любимъ...

– Кого-же?

– Свѣтскую, дочь чиновника одного себѣ намѣтилъ.

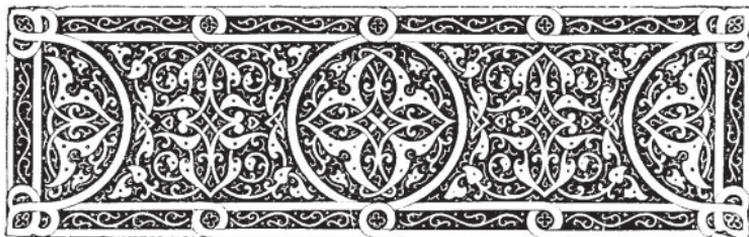
– Ты, говорить архіерей, эту блажь изъ го-

ловы выкинь и не думай лучше. Я тебя въ такой приходъ загоню, гдѣ ты какъ скнипа будешь въ щели жить. Нѣтъ тебѣ моего благословенія на священство, пока не женишься на поповнѣ. Не подобаетъ служителю алтаря на свѣтскихъ дѣвицахъ жениться...

Что ему было дѣлать? Отець, мать – бѣдные, дьячки простые...

Кончилъ тѣмъ, что въ монастырь пошелъ. А года четыре спустя, его-то, на которой онъ хотѣлъ жениться, въ обитель Богу помолиться прѣзжаетъ. Ужъ и замужемъ, и дѣти у нея... Вотъ тогда-то сказываютъ, отца Серапіона изъ петли и вынули... Иной веселый, веселый, а вы его копните, веселость-то и окажется.

XXVI.

Святое мѣсто.⁶⁰

Лучше всего путь къ Святому мѣсту съ пасѣки. Не въ смыслѣ удобства, а красоты пейзажей.

Онъ идетъ по крутому скату, по которому мы сползли внизъ, почти совсѣмъ окутанные зелеными облаками орѣшника и райскаго дерева. Послѣ дождя поднялись бѣлые колокольчики ландышей, запахъ которыхъ, смѣшиваясь съ ароматомъ фіалокъ, густо переполнялъ воздухъ. Какъ все это не напоминало объ умерщвленіи плоти, о принципахъ суроваго аскетизма! Любить и жить хотѣлось среди этихъ очаровательныхъ мѣстъ, созданныхъ для веселаго пира и обращенныхъ человѣкомъ въ глухую тюрьму, въ

душную для мысли и чувства келью схимника. На самомъ днѣ зеленой лощины – дорога пропадаетъ въ вишневой чащѣ. Видимо здѣсь рѣдко ходять. Вѣтви хлещутъ въ лицо, всякая лѣсная птица деретъ горло, недовольная вашимъ приходомъ, и наконецъ, сквозь зелень, вы видите смутное очертаніе келій, обнесенныхъ рѣшеткой,

«Святые врата» в скит пр. Арсения
Святогорского монастыря XIX в.

наглухо запертой, и двѣ золоченыя главы скитской церкви.

Въ сторонѣ, въ той же оградѣ – отдѣльно стоящая избушка на курихъ ножкахъ. Въ ней спасается какой-то совсѣмъ изможденный и мохомъ поросшій схимникъ.

– Въ затворъ просится.

– Зачѣмъ это?

– Подвига жаждетъ! Его хотятъ тоже въ мѣловую скалу. Можетъ быть скоро и келію ему тамъ приготовить.

Слышно, кто-то поетъ псаломъ. Сильный, красивый голосъ – всю окрестность наполнилъ собою.

– Какъ пройти туда?

– Въ скитъ?

– Разумѣется.

– Этого нельзя. Только четыре раза въ годъ отпирають ограду. А остальное время скитники ото всего міра отрѣшены. Только на третій день Рождества, въ пятницу Свѣтлой недѣли, 8 мая и 14 августа, можно войти сюда. 8-го мая память перваго нашего настоятеля Арсенія, а 14-го августа освященіе храма скитскаго. Вонъ вышло нѣсколько скитниковъ. Видимо даже простое любопытство замерло въ нихъ. Скользнули сквозь рѣшетку по моему лицу ихъ глаза и опять внизъ. Будущіе схимники, совсемъ закаменѣвшіе. Пѣвца мы не видали, должно быть, совсѣмъ не похожъ на этихъ. Голосъ нервный. Въ каждомъ звукѣ его точно пульсъ бьется. Видимо, этотъ не окаменѣлъ еще, живетъ въ душѣ прежній человѣкъ, струится въ ней родникъ восторговъ и печалей.

Общий вид «Святого места».

В центре церковь пр. Арсения Святогорского монастыря

Эти, что тут проходят мимо, не поютъ, а если и поютъ, то тихо, безъ экстаза. *Обрядовыя природы; все ушло въ исполненіи устава. И говорить-то, будто бояться, что окрестныя деревья соблазнятся звуками ихъ святыхъ голосовъ.*

А какъ хорошо здѣсь! Именно прелесть не-сказанная, какъ говорить монахи. Птицы заливаются въ чащѣ. Зеленую листву сплошь засыпали цвѣты, какъ будто только и ждали дождя, чтобы распуститься. Такъ бы и ушелъ сюда забыться отъ тьмы и золь, отдохнуть душой отъ подлой клеветы. Гдѣ-то ручей звенить, точно въ душу къ тебѣ просится, ласково, ласково. Отъ этой пустыньки – проська къ берегу Донца.

Словно заснулъ Донецъ. Лѣнь ему всколыхнуться... Сѣрая ящерица спѣшить поскорѣй зарыться въ песокъ, Скользнула рыбка надъ водой и опять бултыхъ въ нее. Гдѣ-то кусокъ берега въ воду рухнулъ, глухо... Зыбъ пошла... А птицы заливаются все громче и громче, все задорнѣе. Вся природа полна жизнью и счастьемъ рядомъ съ этимъ царствомъ смерти и покоемъ могилы!

Нѣтъ, противны мнѣ, живому, эти обитатели святые! Не глядѣлъ бы на нихъ.

Когда мы всходили на противоположный скать, по немъ внизъ катились казакъ съ казачкой, оба старые, престарые.

– Что вы опять, рабы? – спрашивает мой спутникъ.

– Опять отче, опять.

– Трудно.

– Богу трудимся. Даетъ Господь силу.

– Повѣрите-ли, двое этихъ вотъ ужъ второй мѣсяцъ по этой горѣ въ день десять разъ, вверхъ и внизъ. Въ томъ все свое время препровождаютъ.

– Что же это они?

– По обѣту. Тутъ надъ ними смѣются, а я не смѣюсь. Въ чемъ бы душа не находила миръ и успокоеніе, лишь бы нашла. Вонъ, говорятъ, факиры въ Индіи на одной ногѣ по мѣсяцамъ стоять. Что жъ, если это усмиряетъ его совѣсть, либо соотвѣтствуетъ потребности смущеннаго духа – пускай!

Уже спустившіеся внизъ старики, казакъ и казачка, когда мы взобрались на верхъ, медленно стали вползать туда же, чтобы сейчасъ опять скатиться въ лощину.

XXVII.

„Новопреставившаяся раба Елена“.

Ну, отецъ Серапіонъ, прощайте?

– Спаси Богъ! Въ отъздъ? оставляете вы насъ?

– Да.

– Сегодня?

– Сейчасъ.

– Что-жъ такъ не пожилось? Я полагалъ, цѣлое лѣто Господне вы у насъ погостите, поелику такія мѣста развѣ только что въ Кіево-Печерской лаврѣ найдете. Но ежели такое ваше желаніе, чтобы непременно уѣхать – спаси васъ Богъ! Пуще всего вы на Него, Милостиваго, надѣйтесь. Надѣющійся на Господа, яко гора

Сіонъ, не подвижется во вѣкъ. Вы это какъ же, на четвероногихъ?

– Нѣтъ, я думаю до села на лодкѣ.

– Подобно рыбалямъ. И то дѣло! Будете насъ описывать – очень не браните.

– Зачѣмъ же.

– Но и не хвалите, ибо превознесемъ. Что злое замѣтили – обличите, мы покаемся. По слову писанія: блаженъ, иже внимаеть гласу обличенія. Нашу обитель воспойте, мѣста собственно, дерева на версѣ горъ и прочее. У насъ дерева вѣчно зеленыя, какъ Давидъ о праведникѣ сказалъ: и листъ его не упадетъ и вся, елика аще творить, – успѣть.

Мы шли по двору гостинницы. Сегодня здѣсь просто Вавилонъ. До пяти тысячъ народу навалило. Разбросались, гдѣ кто могъ. Одни у дровъ и на дровахъ спятъ подъ солнцемъ, такъ что только ничѣмъ незаслоненныя лица рдѣютъ подъ его знойными лучами; другіе у сарая привалились; третьи густою, сплошною толпою стоятъ у входа въ женскую больницу. Гамъ такой, что у Іоанна-гостинника голова кругомъ пошла. „Точно на ярмаркѣ“, – кидаетъ онъ мнѣ на бѣгу, звеня ключами. Только молча-

ливия сосны и дубы съ горныхъ скатовъ сурово смотрять на толпу. Ихъ вѣковѣчной тишинѣ чуждъ суетный говоръ этихъ богомольцевъ, въ общемъ смѣшеніи которыхъ рядомъ сходятся: москвичъ, въ смазныхъ сапогахъ, съ краснымъ гаруснымъ платкомъ на шеѣ, и высохшіе клювоносые черноморцы-линейцы; понуренный малороссъ и рядомъ штурманъ комерческаго судна, широко разставляющій ноги, точно земля подъ нимъ, какъ палуба, колеблется. Всѣ эти голоса, всѣ эти крики покрываются дробною перестрѣлкою чечотокъ-бабъ всѣхъ родовъ и сортовъ, и молодыхъ, и старыхъ, и красивыхъ, и безобразныхъ. Бѣлое, синее, красное мѣшается вмѣстѣ, пестритъ, слѣпить глаза яркостью красокъ. Изрѣдка взглядъ отрадно останавливается на высокихъ и стройныхъ фигурахъ казачекъ, которыя, подпершись руками въ бокъ, однѣ не теряются въ этой разноголосицѣ, однѣ не суетятся.

Толпа все прибывала и прибывала. Все это стремилось именно въ женскую больницу.

Вошелъ и я туда.

Въ большой камерѣ, на столѣ, вытянувшись и сложивъ на груди руки, неподвижно лежитъ

молоденькая дѣвушка. Глаза закрыты. Черты лица заострились, но жизнь какъ будто еще не сбѣжала съ нихъ. Такъ и кажется: вотъ-вотъ вздрогнуть эти длинныя черныя рѣсницы, что чуть не до половины кинули тѣнь на блѣдныя, блѣдныя щеки... Вздрогнуть, откроются – и удивленный взглядъ крупныхъ красивыхъ глазъ недоумѣло остановится на свѣчахъ, что горять у нея въ ногахъ. У изголовья тарелка; богомольцы со звономъ бросаютъ туда мѣдь, и всякій разъ, когда монета звякаетъ о другія, мнѣ кажется, что бѣдная вздрагиваетъ.

– Кто такая? – спрашиваю у монаха.

– Богъ ее знаетъ

– Неужели неизвѣстно?

– Паспорта при ней не было. Она пришла, издали. Только семь день у насъ и проболѣла. Тутъ вотъ говорятъ, что Еленою ее зовутъ; о новопреставившейся рабѣ Еленѣ и отслужимъ панихиду. А откуда и кто – Богъ знаетъ. Онъ не собьется.

Около стоитъ громадный гробъ. Въ него пятеро, а не одна она помѣстятся. Такая же чахоточная, какъ и эта, продирается сквозь толпу. Цвѣтовъ принесла, бросаетъ на мертвую...

Такъ и кажется, вотъ, вотъ улыбнется та... Но черты все такъ же неподвижны и не шевелятся безкровныя губы.

– Ваша знакомая? – спрашиваю я у чахоточной.

– Нѣтъ. Ее здѣсь никто не знаетъ. Пришла полумертвая, ни съ кѣмъ не говорила. Только все какого-то Семена Ильича звала, какъ помирала. И звала-то какъ, точно плакала. Должно быть смерть свою чувствовала.

Такъ и схоронять никому неизвѣстную. Можетъ быть мать ждетъ, любимый человекъ со дня на день переживаетъ: скоро-ли вернется? куда ушла?

А она далеко, далеко ушла. Какъ тучка, пробѣжавшая по небу въ солнечный день. Куда дѣлась? Словно волна, смѣшавшаяся съ другими.

Подняли гробъ... уложили ее... понесли... яма готова уже... паръ оттуда идетъ – земля, должно быть, отсырѣла немного. И еще пуше хмурятся деревья на горномъ скатѣ, и еще громче поютъ соловьи.

Комья земли стучатся въ крышку гроба, точно въ дверь.

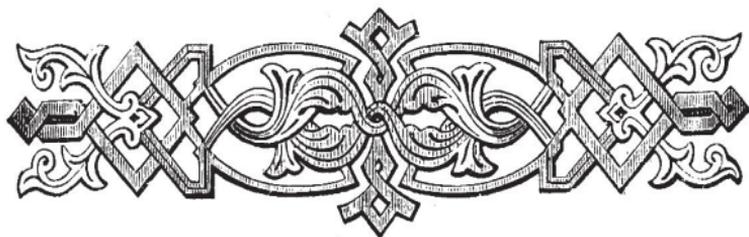
– Проснись, проснись скорѣ!

Но она не просыпается – и такая же серьезная, красивая, безмятежная, лежит за этою дверью. Голубь прилетѣлъ, уцѣпился за вѣтвь орѣшника надъ могилою.

– Ахъ, голубокъ, голубокъ, птичка ты Божья, умиляются богомольцы.

„Прощай новопреставившаяся раба Елена!“
Только-то и осталось отъ всей твоей молодой жизни!

XXVIII.

Прощаніе съ монастыремъ.

Прежде чѣмъ уѣхать изъ монастыря, надлежало проститься съ отцомъ архимандритомъ.

Признаюсь, мнѣ вовсе не улыбалось это. Отецъ архимандритъ очень благочестивый и строгій монахъ, такъ, по крайней мѣрѣ, изображали его и Антонинъ, и Стефанъ, и Серапіонъ съ прочею братією, но собесѣдникъ онъ невозможный. *Куклы такія есть — сидятъ истово, главою помаваютъ медленно, направо и налево взираютъ стеклянными очесами.*

Когда я былъ въ первый разъ у отца архимандрита, я даже заподозрилъ его, не проникли онъ въ грѣховную душу мою и не обрѣль-ли въ ней чего нибудь ужъ очень злоехиднаго. Но

потомъ я отбросилъ это соображеніе въ сторону, ибо сознавалъ, что къ обители прилежу, къ его особѣ лично отношусь со смиреніемъ и кротостью, и чина монашескаго не отмечаю вообще, а святогорскую обитель въ частности и того менѣе.

Тѣмъ не менѣе вотъ образчикъ нашей душе-спасительной бесѣды.

— Сколько иноковъ всѣхъ въ вашей обители?

— Иноковъ? О, Господи, Господи! Иноки есть... Есть иноки.

— Богомольцевъ много у васъ? Изъ какихъ мѣстъ они больше сюда приходятъ?

Кроткое помаваніе головою и взглядъ въ пространство.

— Кушайте! Благословенное!

И, поддерживая рукавъ ряски другою рукою, отецъ архимандритъ осторожно беретъ орѣхъ, точно боится ожечься. Я, въ свою очередь, отодвигаю угощеніе.

— Остались-ли еще монахи изъ Глинской обители, товарищи Іоанна-Затворника?

— Не подобаетъ говорить: товарищи.

— А какъ же?

Настоятель Святогорского Успенского монастыря архимандрит Герман при котором В.И. Немирович-Данченко посещал Святые Горы

– Сомолитвенники.

– Такъ есть они?

– Да, была Глинская обитель... была... Иоанъ-Затворникъ былъ. Былъ и нѣтъ его!

Хотя осторожность съ мѣрскимъ челоуѣкомъ и надлежитъ иноку, но все же не до такой степени. А то вѣдь эта смиренная овечка стада Христова ввела меня даже въ соблазнъ.

„Ужъ не боленъ-ли онъ?“ – думалъ я, созерцающая помавающаго главою отца архимандрита.

Такъ и теперь, прощаясь съ нимъ, я столь же былъ утѣшенъ сладкогласною бесѣдою.

Только когда я уже вставалъ, отецъ архимандритъ мечтательно посмотрѣлъ на небо и изрекъ:

– Сіе небо – истинно небо аѳонское и обитель сія уставомъ аѳонскимъ правоправится.

Я даже остолбенѣлъ, никакъ не ожидая такого краснорѣчія.

Челнокъ былъ готовъ. Молодой послушникъ уже сидѣлъ съ веслами въ рукахъ, сдвинувъ на затылокъ скуфейку, чтобы не такъ жгло солнце.

Оставалось только проститься съ однимъ молодымъ монахомъ.

Невыразимо грустно было оставлять его здѣсь. Мы недолго походили по плитамъ монастырскаго двора. Ударили въ било и о.Іона остановился.

– Ну, прощайте!

Грустные глаза его стали еще грустнѣе. Онъ взявъ мою руку, видимо – выпускать не хотѣлось.

– Напрасно повстрѣчался я съ вами. Опять теперь томить начнетъ. Мертвеца разбудили вы, а сами уѣзжаете.

– Нельзя.

– Знаю, что нельзя... Живому – живое... Съ черноризцами не весело.

– Къ міру тянетъ!.. Грѣховныя помышленія!.. Уйми!.. взялся откуда-то схимникъ. Самого едва ноги носятъ, – въ рукахъ посохъ.

– Прости, отче!

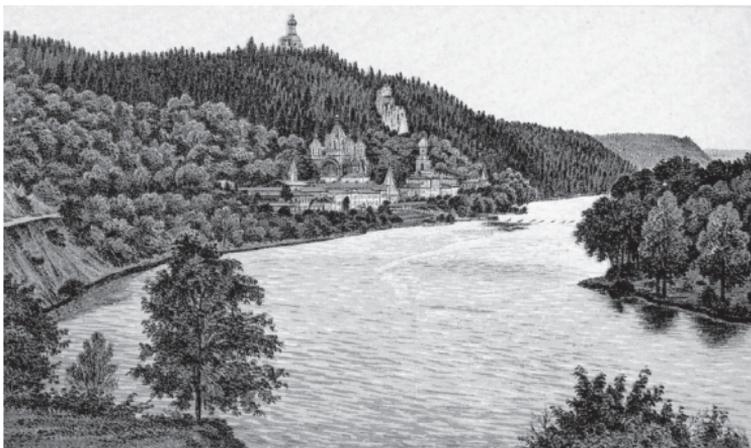
Схимникъ воззрился въ глаза о.Іонѣ, подошелъ ближе, шамкаетъ что-то; наконецъ, собрался опять съ силами:

– Ишь, у тебя изъ глазъ-то... Изъ глазъ... Уйми, тебѣ говорю!.. Какой ты монахъ!.. Уйми!.. Грѣхомъ отъ тебя...

Поднявъ посохъ, погрозилъ ему. Я думалъ,

что ударить – нѣтъ, обошлось. Затѣмъ понурился и опять пошелъ впередъ, шатаясь и едва передвигая, ноги.

– Господи Благій... прости мнѣ!.. прости мнѣ грѣшному! поддержи слабого! – сталь мо-

Вид на Святогорскую пустынь с северо-востока

литься о.Іона. – Уѣзжайте... Не соблазняйте, повернулся онъ ко мнѣ. – Ради Бога, скорѣе уходите! Душа мятется... Боже мой! Господи, прости руку твою!

И о. Іона пошелъ въ соборъ, куда со всѣхъ сторонъ тянулись въ эту минуту похоронныя

фигуры черноризцевъ. На самой паперти онъ оглянулся и издали перекрестилъ меня.

А колокола уже гудѣли во всю и изъ отворенныхъ оконъ собора неслись печальные нагѣвы.

Челнокъ чуть не опрокинулся, когда я сѣлъ въ него. Весь онъ изъ одного куска дуба. Колышется на водѣ, какъ люлька. Вокругъ меня и изорванные ущельями горы, и мѣловые обрывы тамъ, гдѣ осыпалась почва. Бѣлыя скалы издали казались громадною крѣпостью, а черныя окна келій – бойницами. Постройки на верху пропадали рядомъ съ этими первозданными громадами.

Отплыли съ версту.

Я оглянулся.

Монастырь весь маленькій-маленькій кажется. Сбѣжался къ берегу, точно ему хочется въ послѣдній разъ взглянуть, куда мы двинемся. А звонъ колоколовъ глухо докатывается до насъ заглушаемый уже пѣніемъ украинскихъ соловьевъ и говоромъ струй, съ тихою нѣгою подкатывающихся подъ нашъ челнокъ.

Передо мной, словно тутъ, рядомъ, стояли всѣ эти типы иноческаго царства: о.Антонинъ,

Іоаннъ-Заточник, монахи тоскующіе, монахи воинствующіе, монахи закостенѣлые. *И вдругъ весь этотъ свѣтлый пейзажъ точно померкъ. Громадною тучею на минуту показалась мнѣ эта обитель; черною, душною тучею. Гаснетъ въ ней свѣтъ ума, опускаетъ крылья живое чувство. Темные призраки аскетизма ширятся и растутъ, и глохнутъ подъ ними болѣзненный крикъ въ конецъ измученной души, – глохнутъ безъ отзыва! Вспыхиваютъ порою въ тучѣ огоньки и разгораются въ блуждающія фосфорическія марева. Цѣпляется за нихъ извѣрившіся, идетъ на нихъ сбившійся съ пути... Скорѣе назад!.. Назадъ скорѣй, путникъ!..*

Нѣтъ, какъ ни плохъ міръ, а все же его теплое солнце и скудная любовь лучше этой большой могилы.

Могій вмѣстити – да вмѣститъ. Но для меня это только тюрьма. Не имѣя здѣ пребывающаго града – не тутъ стану я искать грядущаго...

КОММЕНТАРИИ

¹ Из приведенного диалога может сложиться впечатление, что в сер. 70-х гг. XIX в. Святогорский монастырь был крупнейшим в округе землевладельцем. На самом деле, к нач. 70-х гг. за монастырем числилось 553 дес. удобий и 174 дес. леса. Для сравнения укажем, что в 1787 г., (перед закрытием монастыря) земельные владения составляли 27932 десятины, в последствии оказавшиеся в составе Святогорского имения светлейшего князя Гр. Потемкина-Таврического и его наследников.

² С языка алан «Донец» переводится как «малая вода» или «водица» (уменьшительное от названия реки Дон – «вода», притоком которой является Донец). Название «Северский» реке дали древние русичи, в землях которых берет свое начало Донец (Новгород-Северское княжество). Протекая через пять современных областей России и Украины, на протяжении 1053 км, Донец на многих участках был судоходен еще в XVII веке.

³ Описываемая дорога сохранилась до настоящего времени и хорошо известна современному посетителю Святогорья как серпантин, ведущий к Николаевской церкви XVII в. и памятнику Артема, построенного в 1927 г. скульп. И.П. Кавалеридзе. В XIX веке эта дорога была выложена камнем и со-

общалась с «гостинным двором» Святогорского монастыря. Отдельное ответвление этой дороги сворачивает в живописную ложину и приводит к южным воротам обители, где располагается с сер. XIX в. хозяйственный двор монастыря. Этот уголок дороги является наиболее ранним по времени строительства и относится к XVII веку.

⁴ Выбор места основания обители определялся и внешними факторами. Меловая скала с пещерными кельями была, хоть и не всегда надежной, но защитой от нападений малочисленных «неприятельских людей» приходивших из Крыма, от Нагай, с Азова, Турции, бескрайнего дикого поля XVI- нач. XVII вв. Немаловажным для выбора места обители было наличие «Великого» или «Посольского» перевоза через Донец, владение которым было чуть ли не единственным средством для существования монастыря, особенно в периоды задержек с поставками царского хлебного и денежного пожалования Святогорской пустыни.

⁵ С этим утверждением можно согласится с существенными оговорками. Начиная с XVII века, значимость и популярность монастыря неизменно растет. Он постоянно фигурирует в государственных документах как важный стратегический пункт на южных границах, неоднократно отмечается его значение как укрытия для беглецов из плена. С

усилением колонизационных процессов Святогорский монастырь становится крупным православным центром не только для Слободской Украины, но и для Донского казачества. Закрытие монастыря в 1787 г. естественно не способствовало популяризации Святых Гор, но уже во II пол. XIX в. Святогорский монастырь принимает в дни религиозных праздников 15-20 тыс. человек паломников из всех губерний Российской империи.

⁶ Единого мнения о дате возникновения иконы св. Николая-Чудотворца среди специалистов нет. Преосв. Филарет (Гумилевский) предполагал известность этого образа в XVI веке, директор Харьковского Епарх.музея в нач. XX в. протоиерей П.Фомин датировал икону не ранее XVII в., а в каталоге XII Археологического съезда (1902г.) указана дата - XVIII век. После закрытия Святогорского монастыря в 1922 году, судьба иконы остаётся неизвестной.

⁷ Святые горы впервые упомянуты в 1526 году австрийским бароном Сигизмундом Герберштейном в книге «Записки о Московских делах». Свидетельство Львовской летописи о стороже в Святых горах датируется 1547 годом. Книга «Большого чертежа» так же упоминает наименование Святые Горы на Донце, правда несколько позднее.

⁸ Версия преосв. Филарета как и других авторов об

основании христианского пещерного пустынножительства и монастыря в Святых горах в XI – XIV вв. рассматриваются в качестве гипотезы. Неопровержимых доказательств в пользу какой-либо версии о древнем происхождении Святогорского монастыря (ранее XVII в.) пока не выявлено.

⁹ Имеется в виду подземная церковь преп. Антония и Феодосия, которая официально датируется как памятник архитектуры XVII века. Этот храм действительно в течение длительного времени был недействующим, завален. В начале XIX в. стали появляться свидетельства очевидцев о провале в склоне горы по соседству с меловым монастырем. С возобновлением Святогорской обители в 1844г. этот храм был очищен от завала и возобновлен, правда не в прежнем виде, как пишет автор. К древнему алтарю были сделаны приделы (помещения), устроен иконостас, дополнительный вход. В 1846 году церковь была освящена во имя преподобных монахов, основателей Киево-Печерской лавры в XI веке – Антония и Феодосия. Храм сохранился до настоящего времени.

¹⁰ Турецкий посол со свитой был умерщвлен в 1642г. на Святогорской перевозе отрядом черкас во главе с атаманом Гришкой Торским. В 40-х годах XVII в. казаки Г.Торского промышленляли на посольской дороге, направляемые из порубежных

украинских городов, подвластных польской короне, в частности миргородским градоначальником Игульчевским.

¹¹ В архивных материалах Святогорского монастыря XVII в. сведения о пушках и их использовании при обороне обители не встречаются. Упомянутый архимандрит Иоиль в 1679 г. просит в челобитной поставить в монастырь для обороны ручной порох и свинец. Данные о пушках в монастыре появляются в середине XVIII в., когда по описи числилось три медных и одна чугунная пушка.

¹² Действительно, Святогорскому монастырю по межевым книгам 1666 г. принадлежали земельные угодия, включая лес, сеножати, рыбные ловли по обоим берегам Донца, на протяжении 5 верст от р. Студенок до р. Нетриус. Но заселены эти земли крестьянами-слобожанами были лишь в XVIII в.

¹³ Интересной представляется фигура и другого настоятеля Святогорского монастыря – игумена Лаврентия Кордета. Будучи еще префектом Харьковского коллегиума, он сблизился и стал духовным наставником преподавателя коллегиума Григория Сковороды. В 1765 году Кордет был переведен настоятелем в Святогорский монастырь. Г. Сковорода, видимо, не раз посещал своего коллегу и наставника в Святых Горах. Префектами Харьковского коллегиума были и другие настоятели обители: Феофан

Федоровский, Рафаил Мокренский. Последний был даже ректором коллегіума в 1753-1758 гг., после чего переведен на настоятельство в Святые Горы, где и почил в 1765 году.

¹⁴ Следует уточнить, что светлейший князь не сразу стал владельцем Святогорского имения. Секуляризация (отчуждение) монастырских земель и крестьян была произведена согласно Указа Екатерины II с передачей в казну. И лишь через три года князь Г. Потемкин получает в подарок от императрицы этот «рай земной», как пишет в своем письме Екатерина II к Г. Потемкину 1 октября 1790 г.

¹⁵ Если быть точным, период забвения для монастыря продолжался 57 лет. В 1844 году император Николай I согласовал решение Святейшего Синода о возобновлении Святогорской Успенской обители. Что касается земельных угодий, то, действительно, в документах на открытие монастыря фигурирует цифра 70 дес. Однако уже в 1845 году А.М. Потемкин присовокупил еще 230 дес. земли, так что всего было отведено монастырю 300 дес. земли.

¹⁶ Сведения эти дополнены теми, которые приводятся Филаретом, архиепископом харьковским. – (примечание автора книги).

¹⁷ Здание монастырской гостиницы, где поселился автор, сохранилось до настоящего времени, правда, в несколько ином облике. Это гостиничный корпус

№ 9 при входе в Лавру. В описываемое автором время здание гостиницы имело два этажа. В 1900 г. гостиница была реконструирована в трехэтажный корпус, архитектура которого без существенных изменений сохранилась до настоящего времени. Гостиница входит в реестр памятников архитектуры национального значения. После закрытия монастыря в 1922 г. гостиница была приспособлена под спальный корпус дома отдыха, а затем санатория им. Артема. В 2004 г. здание гостиницы наряду с другими монастырскими постройками возвращено монастырю. После реставрационных работ 2004 года гостиница, как и в XIX в. принимает паломников.

¹⁸ Описываемые автором здания и сооружения были объединены в единый гостиничный двор и отделены от собственно монастыря оградительной стеной с угловыми высокими башнями. В настоящее время из шести зданий гостиничного двора сохранилось четыре, но в несколько ином архитектурном облике. В период Великой Отечественной войны гостиничный двор сильно пострадал, практически все здания горели. Восстановлены по проекту Харьковского института «Гипроград» в 50-х гг. XX века. Последним из зданий гостиничного двора XIX века реконструирован в современную гостиницу Лавры корпус № 10, с лестницы которого был сделан фотоснимок на

следующей странице издания.

¹⁹ «Райское дерево» – народное название скумпии или сумаха. Это кустарник издавна известен как содержащий дубильное вещество для выделки кожи. Некоторые авторы указывают на «святогорский лист», который применялся на царских сафьяновых заводах еще в XVII веке. В настоящее время сумах произрастает на склонах меловых гор и привлекает своим многоцветием и яркими красками с начала осеннего периода в Святых Горах. Скумпия не единственная достопримечательность национального природного парка «Святые Горы». Здесь сохранилось реликтовое дерево – меловая сосна и другие растения еще доледникового периода.

²⁰ В национальном природном парке «Святые Горы» сохранились уникальные лесные массивы сосновых насаждений, дубовые рощи. Общая площадь заповедной территории парка составляет 40 тыс. га. Вместе с тем, значительные рубки леса, о которых пишет автор, несколько изменили природный баланс Святогорья. Так, практически не осталось дубового леса, из которого (одного дерева) делали ветряную мельницу и амбар или судно для донских казаков.

²¹ Правильнее будет сказать не монастырь, а церковь св. Николая. Построенная в конце XVII в., церковь стала одним из лучших творений украинского на-

родного зодчества. Отличительная ее особенность - композиционное единство с меловой скалой и окружающим природным ландшафтом. Из поколения в поколение передается легенда о чудесном появлении храма за меловой стеной на вершине горы, что несомненно является отголоском истории сооружения храма на месте обрушившейся части утеса с пещерным храмом. Лишь уцелевший пещерный алтарь продолжает служить алтарем Николаевской церкви. Имя строителя храма история не сохранила, хотя по архитектурным приемам и декору фасадов церковь следует отнести к Харьковско-Изюмской строительной школе Слободской Украины. Николаевская церковь входит в реестр памятников архитектуры национального культурного достояния Украины. В годы войны церковь сильно пострадала с утратой колокольни (западной башни). Реставрирована Святогорским историко-архитектурным заповедником в 1986 - 1989 гг. В 1996г. передана Свято-Успенскому Святогорскому монастырю. В настоящее время в храме совершается молебен (кроме зимнего времени).

²² Считаю необходимым оговориться. В Святых горах это был единственный случай вымогательства. Тут иноки лично действительно равнодушны к даянию благу. Сыты. – (Примечание автора).

²³ Следует отметить, что «перевоз» через Донец

был всегда важнейшей статьей дохода Святогорского монастыря. В первые годы основания обители в XVII в. монастырский перевоз был единственной в этих местах переправой через реку, которой пользовались и казаки, и купцы, и солевары и послы иностранных государств. Не случайно «перевоз» традиционно был предметом тяжбы монастыря с мирянами. Так, в середине 60-х гг. XVII в. «перевоз» был передан из монастыря в новопостроенную крепость Маяки, на что неоднократно жаловались царю настоятели обители.

²⁴ Женская больница была устроена в одном из корпусов гостиничного двора.

²⁵ Имеется в виду «первоначальное сельское училище» при Святогорском Успенском монастыре, открытое в с. Голая Долина в 1867 г.

²⁶ Речь идет об Успенском соборе, возведенном в 1859-1868 гг., по проекту петербургского архитектора А.М.Горностаева. Храм, построенный в русско-византийском стиле завершается пятью главами, но колокольни здесь, как сообщает автор, никогда не было.

²⁷ Яков Еремин, получивший подряд на строительство собора, был крестьянского сословия из Владимирской губернии. Во всяком случае, так свидетельствует очевидец строительства собора А. Ковалевский.

²⁸ Предположительно в разработке интерьера собора и создании иконостаса принимал участие известный в XIX веке художник А. Розанов.

²⁹ Во времена пребывания В.И. Немировича-Данченко в Святых Горах келья казначея находилась в корпусе стоявшем в районе нынешнего экскурсионного бюро монастыря. В 1884 году этот корпус сгорел во время пожара и казначейство переместилось в корпус к востоку от Покровской церкви «корпус № 2».

³⁰ Правы очевидно последние. За двадцать лет до открытия монастыря в XIX в. все сооружения, сохранившиеся с XVII и XVIII вв., описал архитектор Харьковского университета Калашников без какого-либо упоминания о крепостных сооружениях или их развалинах на вершине горы.

³¹ До настоящего времени дошли несколько фотоальбомов с «Видами Святых Гор» изданных монастырем в XIX- нач. XX вв. Вполне вероятно, что часть фотографий более раннего периода принадлежит о. Стефану. Официально «фотография для снятия видов» открылась в монастыре в октябре 1879 г.

³² В то время настоятелем Святогорского монастыря был архимандрит Герман, в миру Григорий Клица, уроженец Черниговской губернии (г. Нежин). Образование Г. Клица получил в Московской коммерче-

ской академии. В Святогорский монастырь перешел в 1844 г. из Глинской пустыни в числе прехых 12 монахов для возобновления обители. Настоятелем стал в 1859 г. после кончины архимандрита Арсения. При нем были возведены такие крупные храмы и комплексы как Успенский собор, Преображенская церковь на горе Фавор, церковь во имя иконы Ахтырской божьей матери с больничным хутором, церковь в честь Рождества Богородицы, Спасов скит у Ж/Д станции Борки Харьковской губернии. Из числа этих построек сохранился лишь Успенский собор.

³³ Автор описывает здесь пасеку, находящуюся среди фруктового монастырского сада на вершине горы у скита св.Арсения, в 2-х км. от монастыря. И сейчас можно определить это место по остаткам фруктовых деревьев.

³⁴ Упомянутые Немировичем-Данченко села, Богородичное, Студенок, Банное основаны в XVIII веке украинскими переселенцами на землях принадлежащих Святогорскому монастырю. В настоящее время села Богородичное и Студенок сохранили свои название а пос. Банное переименован в 1964 году в город-курорт Славяногорск. В 2001 году состоялся референдум с принятием решения о переименовании города Славяногорска в Святогорск.

³⁵ Необходимо пояснить, что здесь и далее ав-

тор описывает живописные картины в интерьере Кирилло-Мефодиевской лестницы. Сама лестница была сооружена в 1851 г. для удобства восхождения на вершину скалы с Николаевской церковью и представляла собой крытую галерею с башнями, две из которых были каменными, украшенные живописью. После войны эти башни сохранились на склоне горы в руинированном состоянии, а деревянная галерея с остальными башнями полностью сгорела. В 1987 г. по заказу Святогорского историко – архитектурного заповедника институтом «Укрпроектреставрация» был разработан проект воссоздания лестницы, реализованный в 2004-2009 годах Свято – Успенской Лаврой, правда с некоторыми отклонениями от проекта.

³⁶ Поскольку здесь и далее автор уделяет особое внимание личности о. Антонина, дополним рассказ писателя некоторыми справочными данными. Отец Антонин, в миру Авраамий Курьянов, родился в 1833 г. купеческой семье в г. Константинограде Полтавской губернии. Образование получил в уездном училище. В 16 лет пришел в Святогорский монастырь где был определен в число послушников и пострижен в монашество по Указу Святейшего Синода.

³⁷ Сведения автора по поводу часов колокольни нуждаются в некотором уточнении. Согласно до-

кументов обители часы были поставлены в 1849 году „генеральшей” Яковлевой. В 1850 году строительство было завершено с устройством башенных часов. Исходя из повествования автора, можно предположить, что о. Антонин реконструировал эти часы или занимался их капитальным ремонтом.

³⁸ В контексте данного повествования немаловажным будет уточнение, что о. Антонин был на испытании (послушником) 13 лет и вполне мог оставить монастырь в течении столь длительного срока. Монашеский постриг о. Антонин принял в 1863 году и не в 18 лет, как пишет автор, а в 30-летнем возрасте, что указывает на вполне зрелое решение.

³⁹ В действительности, в то время когда был здесь автор, дача принадлежала графу Рибопьеру, наследнику А.М. Потемкина. Последний как и его супруга - Т.Б. Потемкина к тому времени уже почили, но память о Татьяне Борисовне была жива в Святых Горах, ибо она имела обыкновение ежегодно приезжать в этот дом в августе на Успение, престольный праздник монастыря. В Святых Горах помнили ее роль в восстановлении и обустройстве обители и дачу связывали с ее именем. Сама вилла, как называет дом автор, была построена в начале 40-х гг. XIX века и до настоящего времени не сохранилась. Архитектурно-археологические исследования на месте здания выявили остатки подвалов и цокольного этажа.

⁴⁰ Здесь автор допускает несколько неточностей. Святогорское имение унаследовал от матери, княгини Т.В. Юсуповой, Александр Михайлович Потемкин, сын от первого брака княгини. В свою очередь княгиня Юсупова получила Святые Горы в наследство от своего брата, князя В.В. Энгельгарта, который доводился племянником светлейшему князю Г. Потемкину.

⁴¹ Вопрос о возобновлении обители поднимался и ранее. Так, в 1836 г. запорожские монахи из Покровского монастыря подавали прошение об обновлении Святогорской пустыни, но тогдашняя владелица имения княгиня Т.В.Юсупова согласия не дала.

⁴² Здесь и далее автор описывает пещерный ход и сооружения древнего Святогорского монастыря в меловой скале. Сам ход берет начало в сооружении называемом «пещерник», что стоит напротив западного портала Успенского Собора. Длина хода ведущего в скалу, около 500 м. Вход в пещеры и сам пещерник реставрированы в I половине 80-х гг. XX ст. и используются ныне для посещения пещер меловой скалы и Николаевской церкви XVII в.

⁴³ Архимандрит Арсений - первый настоятель Святогорской обители по возобновлении ее в 1844 году. По его желанию, захоронен в древней пещерной усыпальнице меловой скалы в 1859 году. До настоя-

щего времени сохранилась отдельная погребальная ниша о. Арсения при входе в усыпальницу. Сама древняя усыпальница сохранилась в виде Г-образного коридора с вырубленными по бокам 10 ниш для захоронения. Здесь, видимо, хоронили первых иноков основавших пустынножителство в скале.

⁴⁴ Упомянутый автором «какой-то француз Мишон» скорее всего был жителем соседнего г. Славянска, ибо в XIX- нач.XX веков была хорошо известна «фотография А. Мишона», предлагавшая свои услуги в Святых Горах.

⁴⁵ Келья Иоанна Затворника, в том виде как описывает ее автор, не сохранилась. Находясь в крайней, восточной части скалы, она была более других подвержена разрушению. Сохранились лишь западная и южная стены, со следами деревянных конструкций, и часть мелового основания пола. Что касается упоминаемой автором «дыры вниз - в подземную церковь», то здесь писатель воспользовался уже тогда ходившими легендами. Такие «дыры» - вентиляционные каналы в алтарь храма имеются в пещерах, но они никак не связаны с кельей Иоанна Затворника.

⁴⁶ Описываемые автором пещерные храм и келья являются наиболее ранними сооружениями древнего монастыря. Архитектура храма весьма архаична и восходит к традициям древних пещерных храмов.

По преданию, на меловом столбе этого храма была обретена чудотворная икона Св.Николая, и сам храм до сер. XIX века слыл в народе как пещерный храм Св.Николая. В сер. XIX века эта церковь была несколько реконструирована и освящена в честь Иоанна Предтечи, как именуется в настоящее время. Кельи расположены к востоку от храма и соединены с ним ходом.

⁴⁷ Необходимо отметить, что это был единственный случай в XIX веке ухода в затворничество в пещеры меловой скалы. Иеросхимонах Иоанн находился в затворе с 1851 г. по 1867 г. до последних дней своей земной жизни. Подробное жизнеописание Иоанна затворника было опубликовано в 1874 г. г-ном А. Ковалевским и выдержало более десяти изданий.

⁴⁸ Авторъ, между прочимъ, помимо устныхъ рассказовъ иноков, пользовался и свѣдѣніями, сообщенными изданною монастыремъ брошюрою объ Іоаннѣ-Затворникѣ. - (примечание автора)

⁴⁹ Здесь следует уточнить, что игумен Арсений не явился в Глинский монастырь «набирать монахов», как выразился автор, а состоял в числе братии этого монастыря в должности казначея. Сан игумена и назначение настоятелем в возобновленную Святогорскую пустынь иеромонах Арсений получил в феврале 1844 г., после чего он и 12 монахов, изъя-

вивших согласие, были переведены в Святогорский монастырь.

⁵⁰ За несколько дней до кончины Иоанн Затворник по благословению настоятеля монастыря был переведен из своей пещерной кельи в больницу при монастырском хуторе. Здесь же почил 11 (24) августа 1867 года и был погребен у алтаря церкви в честь иконы Ахтырской Божьей Матери на упомянутом хуторе. Храм, как и постройки хутора не сохранились, а место могилы обозначено гробницей и читится как памятное место в Святых Горах.

⁵¹ Ежегодно, 24 августа в Свято-Успенском монастыре празднуется память преп. Иоанна Затворника. Как святые реликвии хранятся в Лавре Святые мощи иеросхимонаха Иоанна, его медный крест и кожаные сандалии.

⁵² Маяки - село в 12 км. от монастыря основано как крепость для охраны соляных промыслов на Торских озерах в 1663 г. Мельница в с. Маяках была куплена у помещика Минченкова. Постепенно мельничный хутор расстроился в монастырское подворье с церковью во имя Знамения Пресв. Богородицы.

⁵³ Этот хутор уже упоминался выше как место последних перед кончиною дней Иоанна затворника. Кроме больницы и церкви здесь были построены различные хозяйственные и подсобные помещения. После закрытия монастыря в 1922 г. здесь был

открыт так называемый Степной Дом отдыха - филиал от I Вседонецкого Дома Отдыха им Артема. В период Великой Отечественной войны комплекс построек хутора был полностью разрушен.

⁵⁴ Количественный состав монашествующих в течение второй половины 19 века интенсивно растет. Если при открытии обители в 1844 г. был определен штат в 24 чел., то в 1870 г. в монастыре насчитывалось всей братии 361 чел.

⁵⁵ Ризница помещалась на I этаже Покровской церкви. Там же находились библиотека и архив монастыря. Трудно предположить, что ожидал увидеть автор в ризнице обители, которая после закрытия в 1787 г. полностью утратила свой архив, за исключением рукописного Синодика 1710 года. Что касается икон и других церковных древностей, то в ризнице были несколько примечательных образов и церковных сосудов, которые датировались XVII в. и выставлялись как весьма редкие на XII археологическом съезде в г. Харькове в 1902 г.

⁵⁶ Монастырская трапезная с церковью в честь Рождества Пресв. Богородицы до настоящего времени не сохранилась. Во время Великой Отечественной войны здание трапезной было разрушено и на ее месте построено здание столовой санатория им. Артема. Архитектура этого сооружения весьма отличается от остальных зданий архитектурного ансамбля

монастыря и реконструирована в 2004 году.

⁵⁷ Постройки хозяйственного двора в большей части сохранились и находятся в южной части архитектурного комплекса – за Успенским собором. В хоздвор ведут вновь устроенные южные ворота и дорога из бетонных плит. В настоящее время здесь разместились мастерские, трапезная и иные хозяйственные строения Свято-Успенского монастыря.

⁵⁸ Подземная церковь пр. Антония и Феодосия после закрытия монастыря в 1922 г. использовалась в хозяйственных целях. С созданием историко-архитектурного заповедника в 1980 г. была объявлена памятником архитектуры и музеефицирована. В 1994 г. возобновлена с устройством иконостаса. Иконы, как и в XIX веке писаны на медных листах донецкими художниками Г. Жуковым и В. Теличко.

⁵⁹ Памятники кладбища не сохранились. Письменные свидетельства, фотографии и фрагменты мемориальных плит свидетельствуют, что перед входом в храм были погребены духовники монастыря иеромонахи Феодосий, Киприан, Паисий, Иоанникий. Рядом находились родовые усыпальницы князей Голицыных и донского дворянского рода Иловайских. Среди погребенных находились могилы графа и наказного атамана Войска Донского М.И. Платова, князя Куракина Б.А., действительного статского советника Курдюмова С.В. и др.

⁶⁰ Святое место или скит Великого Арсения Святогорского монастыря находился в полутора километрах от монастыря в живописном ущелье, отгороженном от мира горами и Донцом. В XIX в. здесь жило до 30 монахов скитников. От предыдущих веков по склонам гор остались кельи монахов отшельников. Сохранились свидетельства о существовании здесь скита в XVIII веке. До настоящего времени постройки скита – церковь Вел. Арсения и кельи – не сохранились. В меловых горах еще остались пещерные кельи - склепы отшельников да комплекс подземных сооружений, вырытых в 1860 году двумя рясофорными монахами как сообщают издания XIX в.

Літературно-художнє видання

Василь Іванович Немирович-Данченко

**Святі Гори
написи та враження**

Автор вступу та коментарів

В. М. Дєдов

Оформлення

Е. Є. Флерова

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет

В. В. Ковальов

Підписано до друку 11.05.2010.

Формат 60x84 1/32. Папір офсетний.

Друк офсетний. Гарнітура Old gus.

Обл. вид. арк. 8,02. Тираж 1000 прим. Зам. № 105/2.

Державне підприємство «Ордена «Знак пошани» всеукраїнське державне багатопрофільне видавництво «Донбас».

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої справи ДК № 728 від 19.12.2001.

Виготовлено ТОВ «РА «Ваш імідж».

83055, м. Донецьк, вул. Артема, 80а.

За участю ФОП Малихіна І. Б.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів видавничої продукції ДЦ № 135 від 09.02.2008.

